Ж. Бержье

ПРО
МЫШ
ЛЕН
НЫЙ
ШПИОНАЖ

Жак БЕРЖЬЕ

ПРОМЫШЛЕННЫЙ ШПИОНАЖ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая в русском переводе книга Жака Бержье «Промышленный шпионаж» вышла в Париже в 1969 году третьим изданием. Книга вызвала огромный интерес многочисленных читателей, и, без риска ошибиться, можно сказать, что ее успех — не конъюнктурный, вызванный какими-либо текущими и преходящими событиями, а более прочный и длительный. В чем причина этого? Хотя, по суждению автора, промышленный шпионаж древнее военного (его доисторическим истокам посвящена целая глава), все же особенно успешно и, если так можно выразиться, наиболее органично промышленный шпионаж вписывается в логический контекст современной научно-технической революции.

Не случайно Ж. Бержье в «первый, далеко не полный перечень объектов промышленного шпионажа» включает «слияния, концентрации, увеличение капитала, новые научные открытия, рекламные планы, проекты выпуска новых изделий, учреждение филиалов за границей».

Существует еще много других «объектов» промышленного шпионажа, и мы познакомим читателя с некоторыми из них. Но уже сейчас можно сказать, что современные промышленные шпионы далеко отошли от своих исторических предшественников — людей, как правило, невежественных и примитивных, далеких от прогресса науки и техники своего времени, своей эпохи. Иное в наши дни; теперь применяемые средства предполагают и использование «новейших достижений электроники, и непосредственное тайное наблюдение, и кражи со взломом, и шантаж. Речь идет о настоящей тайной войне — столь же распространенной и столь же необычной, как борьба военных разведчиков и контрразведчиков».

Хотелось бы с самого начала подчеркнуть, что для написания такой специальной монографии, как данная книга, нужен автор, основательно знающий свою тему и лично знакомый с наиболее типичными персонажами описываемой им среды.

На последней странице обложки французского издания книги Ж. Бержье дана следующая характеристика: «В настоящем, как и в будущем, промышленный шпионаж все более развивается и будет развиваться, и автор — специалист научной разведки, бывший в последнюю мировую войну одним из ответственных исполнителей плана разрушения германской ракетной базы на острове Пенемюнде, — ведет нас в этот мрачный мир, где живая действительность… превосходит всякий вымысел».

«Во Франции, по данным полиции, за промышленными секретами охотятся 50 тыс. шпионов».

«В наши дни, — отмечали издатели книги Бержье, — промышленный шпионаж приобретает большее значение, чем шпионаж военный. Располагая внушительным фондом средств — порядка 1 млрд. франков в год, промышленный шпионаж использует столь же могущественные организации, что и военный шпионаж. И он ведет беспощадную социальную

войну».

Свое начало промышленный шпионаж ведет из глубины веков. Книга Бержье дает достаточно полный исторический анализ развития промышленного шпионажа, в особенности подчеркивая его большую роль в период между двумя мировыми войнами. Автор книги стремится еще более усилить впечатление, порождаемое нарастающей угрозой промышленного шпионажа, и прежде всего для самых непосредственных, эгоистических интересов предпринимательских кругов — мира большого бизнеса. Он приводит характерные выдержки из крупных американских журналов («Популар микэникс», «Бизнес уик», «Ньюсуик» за 1968 г.), в которых промышленный шпионаж характеризуется как «самая большая опасность для промышленности», «непосредственная угроза американской научно-исследовательской работе» и констатируется нарастание интенсивности промышленного шпионажа и обращение его ко все более крутым методам.

О быстром прогрессе весьма специфических и самых современных методов промышленного шпионажа автор эпически повествует в главе 1: «…Шпионы гоняются теперь за секретами, хранящимися не только у отдельных лиц, но и в запоминающих устройствах электронно-вычислительных машин». Приведем самый свежий пример, подтверждающий мысль автора.

В начале февраля 1971 года американская полиция арестовала в Сан-Франциско 29-летнего эксперта по счетно-решающим устройствам Уорда за систематическую кражу информации из блока памяти электронно-вычислительной машины одной фирмы в Окленде. Заказчики этой фирмы могли за плату получать информацию от машины по секретному телефонному номеру. Уорд раскрыл этот номер, и, пользуясь печатающей приставкой к своему телефону, получил в течение года информацию, оцениваемую в 25 тыс. долл. Вор попался, когда машина объявила, что ею неправильно пользуются. Таково одно из подтверждений тезиса Бержье о том, что запоминающие устройства электронно-вычислительных машин хранят секреты и эти секреты могут быть похищены.

Складывающаяся в этой области ситуация требует, по суждению автора книги, обращения к международным санкциям для защиты граждан от кражи принадлежащих им секретов, находящихся на хранении в запоминающих устройствах электронно-вычислительных машин. О чем конкретно идет речь?

На недавней конференции ЮНЕСКО крупный американский специалист по электронно-вычислительным машинам Бернард Бенсон заявил, что «накопление секретов в запоминающих устройствах представляет опасность, которая может обернуться катастрофой». И Бенсон призывает ЮНЕСКО немедленно заняться устранением этой опасности. Благочестивое пожелание!

Интересен и показателен тот вывод, который Бержье делает в связи с предложением Бенсона: «В самом деле, когда узнаешь, что налоговое управление США будет располагать машиной, хранящей в своем запоминающем устройстве все чековые сделки, которые будут совершены в США после пуска этой машины, есть от чего забить тревогу».

Основания для тревоги имеются не только в США, но и в капиталистических государствах к востоку от Атлантического океана. «В любом французском городке можно найти конторы финансовых и юридических экспертов, которые за определенную мзду помогают клиентам обходить налоговые барьеры и ловушки. И чем богаче торговец или предприниматель, тем смелее он играет в кошки-мышки с налоговыми властями», — сообщалось 4 марта 1971 г. в газете «Известия» в корреспонденции из Парижа.

Все это, конечно, не ново: «…Практика укрытия реальных доходов от бдительного ока налоговых властей прочно укоренилась в стране. «Фрод фискаль», как ее здесь называют,

разнообразна. Это и занижение оборотов, и преувеличение убытков, сделки в обход банков, без счетов и накладных, вплоть до ведения двойной бухгалтерии (имеются в виду не технический смысл этого термина, а противозаконные махинации с целью обмана казны. —

Н. Л.)».

Нельзя не отметить симптоматический фактор провала во французском парламенте внесенного осенью 1970 года законопроекта об усилении борьбы с укрытием доходов от налоговых органов. «Отнюдь уж не такой суровый законопроект Жискара д'Эстена (министра экономики и финансов. —

Н. Л.) был встречен в штыки правительственным большинством в парламенте. Обвиненный в попытке ввести «инквизиторские» меры, во вмешательстве в личную жизнь добропорядочных буржуа, министр вынужден был пойти на попятную», — говорилось в той же заметке.

Надолго ли французским парламентариям удалось отодвинуть угрозу разоблачения их подлинных личных доходов и прибылей компаний, в которых они участвуют, сказать трудно. Выдающиеся успехи американской разведывательной техники могут привести в оторопь налогоплательщиков любой буржуазной страны.

В США Подкомиссия по вопросам конституционных прав была вынуждена заняться расследованием системы повального шпионажа, установленного за гражданами страны. Выступивший на одном из заседаний Подкомиссии профессор Мичиганского университета А. Миллер указал, что «за американцами следят, их допрашивают, на них составляют досье так много различных ведомств, как никогда в истории США или истории любой другой страны». Слежку ведут не только федеральные учреждения в Вашингтоне, но и власти штатов, графств, городов. Миллер заявил, что «эта позорная практика подрывает основные права граждан США».

Все это настолько широко известно, что компетентные власти и не отрицают существования такой практики, за которой видно вырождение Соединенных Штатов в государство военной диктатуры. Нужны ли еще более веские доказательства, чем признание помощником министра обороны США на заседании сенатской Подкомиссии по вопросам конституционных прав того факта, что военной разведкой и органами безопасности были заведены дела на 25 млн. американцев, которые считались «потенциально опасными».

Тщетными были бы усилия «засекретить» заседания упомянутой сенатской Подкомиссии по вопросам конституционных прав. Как заявил сенатор Эдвард Кеннеди, являющийся членом Подкомиссии, «военная разведка записывает все, что говорится и происходит на заседаниях».

В Соединенных Штатах существует огранизация — «Континентэл Юнайтед Стейтс интеллидженс» («Конус интел»), занимающаяся слежкой за гражданским населением и политическими деятелями, проводимой военной разведкой во всеамериканском масштабе. Читатель может ознакомиться не только с самыми низменными реакционно-политическими целями и задачами, которые возложены на «Конус Интел», но и с передовой техникой, используемой этим общефедеральным органом, как-то: электронные компьютеры, общенациональная телетайпная связь и другие средства современной службы коммуникаций. Сотрудники «Конус интел» зря времени не теряют: так, например, в октябре и ноябре 1969 года велось непрестанное наблюдение за демонстрациями против американской агрессии во Вьетнаме; за это время накопилось 120 тыс. страниц микрофильмов, содержащих информацию об «инакомыслящих».

Таким образом, диапазон тайных наблюдений за поведением американских граждан очень широк: от контроля за их налоговыми декларациями до наблюдения за их участием в активных манифестациях и других политических актах. Но возвратимся к промышленному

шпионажу…

Сообщаемые автором книги источники информации — это, как он пишет, «главным образом материалы судебных процессов. Подробные отчеты о судах по делам промышленного шпионажа достаточно обильны; в то же время они представляют собой необыкновенно сырой материал, который, несомненно, когда-нибудь использует не один романист». Автор встречался и вел доверительные беседы с людьми, охраняющими промышленников от шпионажа; его посещали некоторые лица, обвиненные в промышленном шпионаже и, разумеется, отрицающие свою виновность. Бержье делает оговорку о тщательной проверке собранной им информации: «…Всякий раз, когда факты не получали официального подтверждения во время суда или в официальном заявлении, но когда я считаю их вероятными, я отмечал их, как таковые». Следовательно, сообщенные в книге данные делятся ее автором на «достоверные» (т. е. юридически доказуемые материалами судебных дел о промышленном шпионаже) и «вероятные». Разумеется, не все случаи тайной слежки являются промышленным шпионажем. Так, пишет автор, «известно, что в США дети уже покупали электронные приборы для шпионажа и «присматривали» за своими родителями».

Ж. Бержье хорошо знает наиболее актуальную тематику современного промышленного шпионажа. Он сообщает главные темы, особо интересовавшие промышленных шпионов в 1969 году: это и электротехника, и специальные моторы для гоночных автомашин, и поршневые двигатели, и реактивные самолеты типа «Конкорд», и транзисторы из пластических материалов, и некоторые виды радиоприемников.

В книге изложению злободневных проблем промышленного шпионажа нашего времени предшествуют исторические экскурсы.

Очень большое внимание, по нашему мнению, даже чрезмерное и в научно-историческом плане далеко не бесспорное, Ж. Бержье уделяет алхимикам Греции, государств Ближнего Востока, Западной Европы, особо останавливаясь на раскрытии ими ряда промышленных секретов: например, герметической закупорки; пороха; кислот; хранения пищевых продуктов; металлов; холодного света; очищения алмазов и — что особенно увлекательно — производства золота.

Ознакомимся с рассуждениями Ж. Бержье по проблемам решения секрета производства золота Он начинает с весьма категорического утверждения: «Мы располагаем многочисленными свидетельствами, доказывающими, что алхимики способны были, а может быть, и теперь способны, производить золото, и даже существуют медали, выбитые из алхимического золота»! Далее он пишет: «Мы обычно отвергаем эти свидетельства, ибо они противоречат тому, что нам известно по этому вопросу. Быть может, будущее покажет, что мы неправы».

Здесь мы прервем рассуждения Ж. Бержье о искусственном производстве золота, чтобы ознакомиться, с авторитетным мнением выдающегося советского ученого академика Г. Флерова. В статье, озаглавленной «Путь к сверхъядрам», Г. Флеров писал: «Современный физик, облучив ртуть в нейтронном потоке реактора, «превратит» ее в золото». Далее академик Г. Флеров высказывает следующую мысль: «Однако исследователя XX века привлекает не золотой блеск… Наши современники стремятся создавать атомы неизвестных природе искусственных элементов».

Золото не принадлежит к искусственным элементам, так же как ртуть, свинец и многие другие элементы периодической системы Д. И. Менделеева. Алхимики, работавшие в донаучный период развития химии, стремились превращать неблагородные металлы (медь, свинец и др.) в драгоценные, благородные — золото и серебро — при помощи «философского камня», бывшего, конечно, не более чем продуктом их фантазии.

В средние века выдающийся таджикский ученый Авиценна (Ибн-Сина) классифицировал химические вещества и минералы в свете учения о качествах элементов. Авиценна поддерживал «теорию» происхождения металлов из ртути и серы, но, в отличие от древних китайских, египетских и других алхимических воззрений, отрицал возможность искусственного превращения металлов.

Чеканка монет из алхимического поддельного золота отнюдь не подтверждала распространенную «теорию» превращения в золото неблагородных металлов. Все же для истории науки сохраняет интерес алхимический знак: сера и ртуть, соединившись между собой, произвели всю видимую природу.

Ж. Бержье, конечно, не мог защитить магическую силу «философского камня» средневековых алхимиков и потому прибег к следующему обходному маневру: «Если даже секрет золота — вымысел, тем не менее он привлекал к себе наибольшее число шпионов в истории человечества… И в наши дни шпионы интересуются некоторыми алхимиками, которые и поныне здравствуют». Автор книги утверждает, что ему «известны крупные компании, которые безуспешно пытались подвергнуть анализу старательно выкраденные образцы, которые предлагались как «философский камень», то есть ядерный катализатор, позволяющий производить превращения (трансмутации). Я видел, — пишет он, — два таких образца, которые выглядели как куски красного стекла. Методы химических и физических анализов дали столь противоречивые результаты, что на их применении не настаивали. Проблема остается нерешенной».

На этом, казалось бы, можно было бы и остановиться. Однако он не совсем отказывается от своей исходной позиции, прибегая к следующей интерпретации «олова с зеленым свечением»: «Если предположить, что олово с зеленым свечением — это таллий, который похож на олово и в огне светится зеленым светом, то, может быть, мы будем иметь объяснение этого секрета. Дело в том, что достаточно таллию потерять альфа-частицу, чтобы превратиться в золото. И, вероятно, «философский камень» — это катализатор, который может, между прочим, вызвать это явление. Большего пока об этом сказать невозможно».

Об этих рассуждениях Ж. Бержье справедливо сказать следующее: его попытка перебросить мостик от средневековых суеверий и религиозной мистики к самым современным достижениям химии, физики и ядерной энергетики является с научной точки зрения совершенно несостоятельной.

Пора, однако, возвратиться к проблемам промышленного шпионажа в его современном, так сказать, виде.

Рождение патента на изобретение (1791 г.) автор именует окончанием периода «кустарного шпионажа»; в предшествующую эпоху, по мысли автора, промышленный шпионаж играл положительную роль: «…Если отвлечься от моральной стороны вопроса, шпион считал так, как считают современный ученый и техник: эксперимент, если он был ясно описан, может быть повторен другим экспериментатором».

Вступив в XIX век, промышленный шпионаж, как пишет Бержье, «почти официально поощряемый промышленниками и государствами, превратился в важный фактор как промышленной революции, так и политики».

Приобретшее известность агентство Пинкертона благодаря посвященным его деятельности дешевым романам (люди старшего поколения, правда, зачитывались похождениями Ната Пинкертона, Ника Картера и других американских детективов, причем художественные «достоинства» этой массовой продукции не имели ничего общего с несомненно талантливыми произведениями английского врача и писателя Конан Дойла о Шерлоке

Холмсе) прочно вошло в историю гражданской войны 60-х годов в США, а Ален Пинкертон по поручению президента Линкольна «стал руководителем разведки и контрразведки северян».

Не знаю, заслуживает ли это агентство похвалы Ж. Бержье, вносящего в его актив «серьезную постановку проблемы промышленного шпионажа».

Абсолютно бездоказательно утверждение Ж. Бержье о том, что мы, «по-видимому, не можем обвинять тресты в умышленном уничтожении нежелательных для них изобретений», а рассматривать приведенные им примеры изобретений, обнаруженных и уничтоженных по приказам царя Николая II, как заслуживающее похвалы «исключение из правила» также нет основания.

Представляет определенный интерес для целей научного прогнозирования история с немецкими дирижаблями — от первоначальных, далеко не совершенных еще моделей до проектируемого «строительства дирижаблей без газа, из сверхпрочного металла, в которых был бы создан вакуум. Дирижабли такого типа с атомным двигателем могли бы служить платформой для запуска лунных ракет».

Из уроков же прошлого, по мнению Ж. Бержье, заслуживают внимания следующие вопросы: о необходимости промышленного шпионажа и об «огромной технической отсталости союзников, в частности Англии, по сравнению с Германией. Эта отсталость была так велика, что Англия вынуждена была через посредство нейтральных стран получать красители из Германии для крашения солдатских шинелей».

Промышленному шпионажу в период между двумя мировыми войнами в книге посвящены две главы: 6-я — посвящена промышленному шпионажу в Европе и 7-я — в США. Здесь особенно остановят внимание читателя теснейшие космополитические связи финансового капитала стран, принадлежавших к двум враждебным коалициям.

Некоторые утверждения Ж. Бержье нам кажутся скорее догадками, чем неоспоримыми фактами: например, ссылка на то, что «за очень небольшую сумму (200 тыс. франков) Франция могла бы в 1936 году воспользоваться услугами знаменитого Вернера фон Брауна, который хотел покинуть Германию и строить свои ракеты во Франции».

Сомнительно и другое высказывание автора книги: «…Франция могла бы располагать атомным оружием уже в 1940 году, ибо его производство гораздо проще, чем обычно думают»; в США же избрали «самые длинные пути» фабрикации атомной бомбы, тогда как, по суждению Бержье, «есть кратчайшие пути, позволяющие производить атомную бомбу с такой же легкостью и по такой же цене, по какой строится самолет-истребитель».

В наше время техника шпионажа непрерывно совершенствуется: от миниатюрных фотоаппаратов, вмонтированных в замок портфеля или в авторучку, установки автоматических бесшумных кинокамер до многочисленных средств получения информации о конкурентах; автор книги сообщает сведения о 20 таких средствах (из них 13 являются незаконными) по списку, опубликованному в журнале «Кемикл инджиниринг» 23 мая 1966 г.

Не лишена особого колорита и ведущаяся в компаниях слежка за всеми возможными соперниками президента соответствующей компании; так, в одной из весьма компетентных «консультаций» по сему вопросу говорится: «…Для вице-президента единственный способ стать президентом до того, как последний уйдет на пенсию, — это расставить сети, чтобы он подмочил свою репутацию».

Впрочем, с середины 30-х годов некоторые крупнейшие американские компании использовали куда более эффективные способы: они «принимали на работу психиатров, чтобы можно было тихо и без скандалов помещать в психиатрические лечебницы генеральных директоров и вице-президентов».

Рассказывая о секретах второй мировой войны, автор книги объясняет перенесение в США ряда научных исследований, включая производство атомной бомбы, возведенное автором в ранг «шедевра американской промышленности и свидетельства значительного успеха американской промышленной и научной контрразведки», тем, что «Англия слишком мала и ее территория подвергалась слишком большой опасности, чтобы можно было продолжать их там».

Конечно, дело здесь не в территории, а в общем экономическом и научно-техническом отставании Англии от США уже перед второй мировой войной.

Нельзя не отметить и весьма своеобразное представление немецких специалистов (не всех, конечно) о патриотизме. Крупный специалист по органической химии В. Реппе, которому Ж. Бержье, допрашивавший его в 1945 году, говорил о преступлениях Германии, ответил: «Я не знаю Германии. Моя родина — „ИГ Фарбениндустри"!» И, как оказалось далее, единственным поступком союзников, против которого немцы протестовали, было разглашение немецких промышленных секретов.

Говоря о военно-технических исследованиях самых сложных проблем, автор высказывает следующую мысль: «…Германия не опережала союзников, но и не отставала от них, — она шла рядом». Доказательство? «Немцы не вырабатывали атомную энергию, не производили атомных бомб, но они создали самолет-робот «ФАУ-1» и ракету «ФАУ-2».

Автор книги приводит длинный перечень немецких практических изобретений в области химии, клейких материалов, пластиков, медикаментов. На многочисленных заводах по обе стороны Атлантического океана реализовывались немецкие изобретения, но вскоре наступило похмелье: оказалось, что, поскольку немцы в свое время украли с помощью шпионов многое в Англии и в США, «опубликованные материалы выдавали не только немецкие, но также французские, бельгийские, голландские, английские и американские секреты». Дело шло к общему крушению всех патентных систем, которые с тех пор «так и не оправились от такого потрясения».

Посвящая отдельную главу методам современного промышленного шпионажа, Ж. Бержье сразу же предупреждает своих читателей о том, что применение в этой области новейших достижений электроники стало настолько опасным, что люди боятся, как бы шпионаж «не привел к полной ликвидации частной жизни и к распаду нашего общества». Какой скверный парадокс: ведь речь идет об опасности в обществе, которое в буржуазном мире именуется «свободным» обществом, обществом «благосостояния» и т. п.!

И нельзя не «поздравить» с большими техническими «достижениями» Центральное разведывательное управление (ЦРУ) США, которое, по данным «Таймс» от 19 января 1965 г., создало теперь «аппарат, позволяющий обнаруживать на расстоянии в несколько десятков метров вибрацию оконного стекла закрытой комнаты и подслушивать таким образом разговоры, даже если эта комната оборудована звукопоглощающими материалами и из нее удалены все электрические или электронные приборы».

С тех пор техника сильно шагнула вперед, и вот мы уже узнаем о сверхминиатюрном радиоприемнике, выпущенном английской фирмой «Ван Дазен эйркрафт еэплайз компани». Размером не больше карандаша, приемник достаточно мощный: он принимает сигналы с расстояния около 40 км. Предназначение мини-радиоприемника — использование его летчиками в случае выхода из строя радиооборудования.

Автор подробно описывает самые различные аппараты, включая дамские бюстгальтеры с миниатюрными телекамерами и вшитые в подкладку мужских костюмов транзисторы, передающие «все, что говорилось на заседаниях правлений, а также, разумеется, все, что говорилось в более интимных условиях».

Беспримерны масштабы подслушивания телефонных разговоров в США. В 1965 году 39 млн. разговоров по телефону были незаконно подслушаны и записаны ЦРУ, налоговым управлением, промышленными шпионами, частными детективами, шантажистами и даже просто любопытными.

Смесью наглости и цинизма явилось интервью президента «Сентр-файл лимитед» А. Ваттевиля: «Нанимая служащих, мы стараемся не впустить в компанию людей, враждебно относящихся к капиталистической системе».

Нередко подслушивание имеет, так сказать, ярко выраженную классовую целенаправленность: «Один профсоюз жаловался на то, что в комнате, отведенной для собраний профсоюзных делегатов крупной фирмы, имеется фальшивый плафон, оснащенный фотоаппаратами, телевизионными камерами и микрофонами. Дирекция была, таким образом, в курсе будущих требований повышения заработной платы и планов забастовок». «Была в курсе!»

Ж. Бержье не теряет надежды и на то, «что „общий рынок“ электронного шпионажа не за горами».

Сообщая о краже информации из запоминающих устройств электронно-вычислительных машин, автор сообщает много интересного также об утечке из машин, собирающих информацию. Предметами этих сверхсовременных хищений являются документы, научные доклады, тексты патентов, политическая или полицейская документация. «Новость сезона» в последние годы — «кражи прототипов новой электронной трубки, образцов стекла, макетов самолетов и даже культур микробов».

Где кражи — там и убийства: существует даже международная организация промышленного шпионажа, которую ее жертвы назвали «Спайз инкорпорейтед» («корпорацией шпионов»). Она «работает» не только на промышленников, но и на различных гангстеров: квартирных воров, грабителей и т. п., давая организованным бандам, орудующим в Англии, сведения, позволяющие воровать крупные суммы, в некоторых случаях — до 1400 тыс. новых франков в неделю. За деньги она устраивает и побеги из тюрем.

Наконец, нельзя пройти и мимо сферы «планирования», принятой на вооружение промышленными шпионами. Составляются подробные планы заводов одними шпионами, которые затем продают их другим шпионам. Это случалось, в частности, во Франции, в Швейцарии, в Западной Германии. Как видно, существует спрос на такие подробные планы.

Рядом с этим кражи и подделки ключей от сейфов кажутся уже сущей безделицей. В наш век беспримерного прогресса науки и техники вскрытие сейфов, видимо, относится к уже пройденным этапам в практике промышленного шпионажа.

Диапазон современного шпионажа безграничен и, следуя выводу авторов одной официальной брошюры, изданной в США в назидание промышленному миру, он «будет находить широкое поле применения в области науки, техники, вообще экономики».

В заключительной части этой брошюры, весьма характерно озаглавленной «Шпионаж — вот реальность», говорится: «Часы, время действия, наивные или мефистофелевские средства, роль, внешний вид действующих лиц — все меняется по произволу полиморфизма, достойного античного мифа, чтобы превращать шпиона в существо неуловимое».

Что касается выбора средств для достижения целей промышленного шпионажа, то здесь все десять заповедей Ветхого и Нового заветов отбрасываются в сторону как ненужная ветошь: «Промышленные шпионы, — выносит свой вердикт Бержье, — это еще более бессовестные авантюристы, чем военные шпионы. Они, не колеблясь, прибегают к шантажу, краже, порой и к убийству».

Интересно, что шпионы-грабители в свое время проходили курс обучения профессиональных шпионов: так, обученные в «школе» полковника Аллисона Инда (руководителя разведки в штабе генерала Макартура) грабители «могут вскрыть любой сейф в среднем за десять секунд и максимум за четыре минуты».

Об уровне «передовой» технической квалификации и одновременно о высокой «морали», укрепившейся в мире бизнеса, красноречиво свидетельствует статья видного английского промышленника Пауэлла, напечатанная в газете «Таймс». «Число шпионов, — подчеркивал автор этой статьи, — увеличилось в огромных размерах за последние десять лет, в частности в области электроники и производства фотоаппаратов». Пауэлл с сожалением констатировал, что «даже некоторые управляющие фирмами становятся шпионами и продают их секреты соперникам».

Читатель, конечно, с большим интересом ознакомится с пикантными подробностями тайной войны (гл. 10) «белых зубов и свежего дыхания», которую вели между собой две известные фирмы — «Кол-гейт» и «Проктор энд Гэмбл». Не лишена своей колоритности и своего рода назидательности практика промышленных шпионов «более спокойного типа», ограничивающихся скупкой «информации».

Однако в этом-то и заключается «величайшая трудность промышленного шпионажа»: без помощи и услуг хороших специалистов можно, пользуясь жаргоном этого специфического мира, легко «влипнуть» в совершенно безвыходную и даже очень убыточную операцию, ибо «достаточно внести некоторые изменения в формулу катализатора или схему радиолокационной установки, чтобы информация не стоила уже ни гроша»!

А. М. Горький в статье «Город желтого дьявола» глубоко вскрыл социальные язвы и пороки общества, поклоняющегося золотому тельцу — доллару. Бержье спустя полвека подтверждает мысль Горького, говоря о многих бессовестных людях, которых можно купить: промышленные шпионы в Америке «отыскивают инженеров и техников, которые селятся в богатых кварталах и живут не по средствам. Этим людям суждено стать жертвами. Получив деньги, они оказываются во власти шантажа, и тогда их можно эксплуатировать без конца».

Увы, не только частные лица по мотивам личной корысти прибегают к промышленному шпионажу, но и некоторые правительства по соображениям, так сказать, «общегосударственной пользы». Так, английское правительство купило по сниженным ценам для своей медицинской службы медикаменты, изготовленные в Италии на основании документов и образцов, похищенных в американских компаниях. Конечно, здесь старинная русская пословица — «вор у вора дубинку украл» — едва ли подходит, но все же поощрение, если не прямое соучастие правительств капиталистических стран в промышленном шпионаже, более чем парадоксально…

Занявшись юриспруденцией, Ж. Бержье призывает к определению пределов промышленного шпионажа. Суд и наказание по закону — «единственное средство предупреждения шпионажа». «Мы живем уже не в те времена, когда частная полиция Круппа могла подвергать шпионов пыткам на месте и хоронить их трупы на территории завода». Здесь автор явно впадает в противоречие с многочисленными фактами кражи производственных секретов, шантажа и убийств в наши дни и дикой расправы с промышленными шпионами, попавшими в ловушки, расставленные компаниями или агентами контршпионажа.

Бержье, конечно, сильно преувеличивает, утверждая, что, «как и в области военного шпионажа, 95 % промышленной информации может быть получено путем простого чтения прессы».

Наконец, автор берет под защиту журналистов, информирующих общественность, например, через научно-технические периодические издания, рассчитанные на широкие читательские

круги, о новых производственных моделях автомашин или каких-либо других изделий, аппаратов, оборудования и т. д.»… Технические детали в научно-популярных статьях, — пишет Ж. Бержье, — слишком общи, чтобы они могли действительно осведомлять конкурентов»; да и не всегда совпадают интересы общественности и частных компаний, стремящихся скрыть ту или иную производственную информацию, получать которую общественность имеет некоторое право.

Заключительная глава (11) в книге посвящена промышленной контрразведке.

Существенной составной частью контрразведки является охрана безопасности промышленного предприятия или другого объекта от утечки производственных и иных секретов, принятие мер предупреждения этой утечки. Однако главную задачу контрразведки автор книги видиг в обмане «вражеских шпионов так, чтобы они посылали своим шефам неверные сведения».

Основываясь на своем личном опыте «эксперта по судебным делам о подделках и промышленном шпионаже» и на интервью с английскими, американскими и немецкими специалистами по вопросам безопасности, Бержье разработал целую систему рекомендаций — превентивных мер для борьбы с утечкой секретной информации. Главное, таким образом, не в аресте шпионов постфактум, то есть после того, как секретные сведения уже похищены, или в момент их кражи. Автор поясняет свою мысль следующими сопоставлениями: «Специалист по борьбе с огнем оборудует все помещения так, чтобы пожар не мог возникнуть. Специалист по вопросам промышленной безопасности организует движение информации так, чтобы не было ее утечки».

В соответствии с этой исходной позицией Бержье разрабатывает целую рецептуру средств защиты производственных секретов от овладения ими промышленными шпионами: начиная с техники отбора действительно секретной информации, допуска к ней минимального числа лиц, выдачи разрешений доступа в помещения, кабинеты, к сейфам «и даже в целые отделения предприятия, независимо от того, хранятся там секреты или нет», и кончая охраной секретной информации во время ее пересылки как наиболее уязвимого пункта всего процесса ее движения.

К образцам «творческой работы», куда более интересной, чем обычная банальная работа по охране безопасности промышленных тайн, автор относит случаи квалифицированного обмана фирм-конкурентов. Так, одна фирма организовала фиктивные испытания гоночного автомобиля на Корсике, и, «в то время как ее противники подсматривали с помощью телеобъектива эти испытания и фотографировали их, настоящие испытания были проведены в другом месте». Этот прием не ограничивается в наши дни миром частного бизнеса: «Поскольку многие промышленные работы теперь ведутся правительствами, они, в свою очередь, выходят на арену промышленной контрразведки».

Рабочие коллективы ряда предприятий также не стоят в стороне от охраны производственных секретов. Автор сообщает о том, как во время забастовки на заводах государственной автокомпании «Рено» около Парижа, в Бийанкуре, журналистов не пускали в цехи, где находились секретные прототипы. «Эти прототипы — наше богатство, и мы, рабочие «Рено», считаем своим долгом не допустить никакой утечки информации».

Автор сетует на плохую охрану государственной тайны во Франции (о девальвации «все узнают заранее из печати и по радио, но только не от министра финансов»), говорите более тщательной охране в Англии тайны государственного бюджета до доклада канцлера казначейства — министра финансов в парламенте о доходах и расходах на новый бюджетный год (впрочем, «в Англии также были случаи разглашения весьма серьезных сведений о таможенных тарифах еще до того, как они были утверждены и стали применяться»). Хотелось бы по этому поводу привести одно личное воспоминание о первом

лейбористском министре финансов — Филиппе Сноудене: когда автор настоящего предисловия находился в 1924 году в Англии в качестве эксперта советской делегации на переговорах с правительством Рамзея Макдональда об урегулировании долгов и получении восстановительного займа, циркулировали слухи, что переписку текста доклада о бюджете накануне заседания в палате общин Ф. Сноуден доверил только своей жене — Этель Сноуден. Видимо, для такой конфиденциальности имелись достаточные основания.

Не является, конечно, вполне надежным языковой, лингвистический барьер, но все же он ограничивает опытное поле промышленного шпионажа. Так, например, развитие индустриальной мощи Японии, вероятно, явилось важнейшим фактором увеличения числа промышленных шпионов в этой стране до внушительной цифры — 10 тыс.; вместе с тем «японские промышленные секреты, видимо, хорошо защищены как трудностью языка, так и промышленной тайной полицией».

В промышленно развитых странах капиталистического мира в условиях современного государственно-монополистического капитализма разрывы и диспропорции между научно-техническими уровнями различных стран не только не исчезают, но обостряются и углубляются. На усиление космополитических связей национальных и международных монополий агенты промышленного шпионажа отвечают тем же оружием — выходом организаций промышленных шпионов с их весьма интенсивной «деятельностью» на международную арену. Описанная выше «корпорация шпионов», несомненно, располагает разветвленными международными звеньями и связями.

Поэтому мы остановимся ниже на тех выводах и заключениях, которые содержатся в нашумевших в недавние годы книгах французского журналиста и парламентария Жан-Жака Серван-Шрейбера («Американский вызов») и английского журналиста, свыше 10 лет пропагандирующего на страницах лондонского журнала «Экономист» идею вступления Англии в Европейское экономическое сообщество, и автора внушительной монографии об американских капиталовложениях в Европе Кристофера Лейтона.1

Ж.-Ж. Серван-Шрейбер квалифицирует огромный рост американских капиталовложений в странах Западной Европы как «американский вызов», как «войну, которая со стороны США ведется не долларами или нефтью, не тоннами стали, не даже новейшими машинами, но посредством творческой мысли, организации и таланта». В хлестком публицистическом стиле Серван-Шрейбер пишет: «Это — первая большая война без применения оружия. В самом деле, американская авиакомпания «Дженерал моторз» — не вермахт, поглощение французской электронной фирмы «Бюль» — это не Мюнхен (1938), а англо-французский проект сооружения сверхзвукового самолета «Конкорд» — это не Седан (1870)».

Какие знакомые предметы и методы, скажет наш читатель, да не посвящена ли и книга Жака Бержье о промышленном шпионаже тем же проблемам и тем же вопросам? Конечно, да, и иначе быть не может, ведь недаром автор книги уделил столько внимания и людям, и технике, и методам промышленного шпионажа. Яблоко — промышленный шпионаж — от яблони — современной научно-технической революции, развернувшейся в самых специфических формах в капиталистическом мире, — далеко не надает!

Американские фирмы, комментирует «высадку американцев в Европе» Серван-Шрейбер, одна за другой открывают свои штаб-квартиры в странах Западной Европы в целях централизованного управления своими предприятиями. Этот по-настоящему реальный федерализм — единственный в Европе, основывающийся на высоком индустриальном уровне — идет теперь гораздо дальше, чем об этом думали эксперты «общего рынка». Это суждение крупного пайщика парижского еженедельника «Экспресс», одного из лидеров партии радикалов во Франции, все того же Серван-Шрейбера можно вполне резонно дополнить наблюдениями Ж. Бержье о происходящей «гармонизации» деятельности и тактики американских и западноевропейских промышленных шпионов. Их засекреченные

«штаб-квартиры» находятся в Лондоне и Париже, Бонне и Милане, Брюсселе и Стокгольме — всюду, куда протянулись щупальца американского большого бизнеса, уолл-стритовских промышленных концернов и конгломератов и банковских групп и синдикатов.

В ходе времени к инвестиционному процессу присоединилась, по терминологии Серван-Шрейбера, американизация управления. Этому можно поверить, так же как и известной американизации в управлении и общей постановке дела в области промышленного шпионажа. Ведь «кадры» его исчисляются цифрой с шестью знаками! И промышленным шпионам европейской выучки есть у кого и есть чему поучиться у квалифицированных руководителей «школ» и направлений в США, овладевших тайнами новейшей электроники, счетно-вычислительных устройств, интегральных схем и т. д.!

Для американских дельцов Европа «общего рынка» приобрела значение нового золотого дна, нового Эльдорадо. А для американских и других международных промышленных шпионов? Ведь «куда конь с копытом — туда и рак с клешней». «Интернэшнл бизнес машинз», международная монополия электронной промышленности США, дирижирует всеми своими европейскими делами из Парижа, сообщает Серван-Шрейбер. А промышленные шпионы в этой же отрасли после их «высадки в Европе» также водворились где-либо на Елисейских полях Парижа или, может быть, на лондонской Пикадилли?

«Наше время, — резюмирует Серван-Шрейбер, — вторая промышленная революция. Первая в XIX веке заменила физическую силу машинами (моторами), а современная, вторая промышленная революция с каждым годом позволяет заменить во все возрастающих масштабах человеческий мозг работой новых электронных устройств».

Поспевать за новейшими техническими решениями становится все труднее, поскольку современные темпы промышленного применения научных изобретений оставили далеко позади себя куда более замедленную динамику прошлых лет. Здесь уместно напомнить получившую широкое распространение таблицу ускорения во внедрении в практику научных изобретений:

• для фотографии потребовалось 112 лет (1727–1839)

• телефона — 56 — (1820–1876)

• радио — 35 — (1867–1902)

• телевидения — 12 — (1922–1934)

• атомной бомбы — 6 — (1939–1945)

• транзисторов — 5 — (1948–1953)

• интегральных схем — этого новейшего чуда технического изобретательства — 3 года (1958–1961)

Серван-Шрейбер рядится в тогу защитника капиталистической Европы от «американского вызова». Однако эта защитная маскировка плохо скрывает непреложный факт: автор — американофил, федералист, наднационалист, космополит в духе отца «общего рынка» — Жана Моннэ.

О «страхах Европы» и «американской модели» содержательную книгу написал и Кристофер Лейтон. Он тщательно прослеживает пути и методы развития американских достижений в области науки и технологии, призывает страны Западной Европы объединить усилия на федералистской, наднациональной основе в ряде «ключевых секторов»— физике и

энергетике, ядерной физике, авиации, в области космических исследований, электроники, транспорта и связи. Среди эффективных средств автор особенно рекомендует проведение политики индустриальной интеграции и учреждение «общеевропейских компаний», развитие которых не должно тормозиться какими-либо правительственными мероприятиями в духе «обветшалого национализма и устарелых представлений о национальном суверенитете»!

Что особенно отличает Западную Европу по сравнению с США, повторяет широко распространенный тезис К. Лейтон, — это не отставание в науке и технике, а «недостаток в квалификации и управлении предприятием во всем процессе модернизации». Шаг за шагом К. Лейтон рассматривает развитие науки и техники в Англии, Франции, ФРГ и других странах Западной Европы и предлагает свою концепцию «европейской стратегии», в частности для международного регулирования патентного дела, стандартизации, легализации общеевропейских компаний и принятия определенного правового статута их деятельности.

К. Лейтон идею Серван-Шрейбера создать «Соединенные Штаты Европы» считает утопической, по крайней мере для предвидимого будущего. Однако без перехода к общим институтам и нормам в рамках всего содружества (расширенного путем присоединения Англии и Других стран Западной Европы) серьезный отпор и ответ на «американский вызов», по словам Лейтона, вообще невозможен.

Кристофер Лейтон, так же как и Жан-Жак Серван-Шрейбер, не пишет специально о промышленном шпионаже, чем занялся в своей книге Жак Бержье. Однако читатель, несомненно, хорошо понял глубокую, неразрывную, органическую связь между научно-техническими достижениями, открытиями, изобретениями в условиях капитализма и деятельностью промышленных шпионов, руководимых (как и весь мир бизнеса) жаждой обогащения, наживы. Цель — одна, методы — не всегда совпадают…

В Программе КПСС со всей ясностью сказано: «Империализм использует технический прогресс преимущественно в военных целях. Он обращает достижения человеческого разума против самого человечества».

Жак Бержье считает промышленный шпионаж в наше время еще более опасным, чем шпионаж военный. Провести демаркационную линию между обоими «вариантами» шпионажа автор настоящего предисловия не берется, и это едва ли возможно.

Не все положения автора представляются бесспорными, но хотелось бы выразить уверенность в том, что читатель книги Ж. Бержье ознакомится с ней с большим интересом и сделает свои выводы об изложенных фактах, проблемах и выводах.

Профессор И. Любимов.

1 ГЛАВА

ШПИОНЫ ЗА РАБОТОЙ

Федеральный суд США специальным постановлением запретил инженеру, недавно ушедшему с работы из крупной промышленной фирмы, разглашать секрет конструкции нового космического скафандра…

Крупная американская строительная компания предлагает промышленности США разборный конференц-зал. Этот зал имеет следующее преимущество: можно быть уверенным, что в нем невозможно установить какой-либо аппарат для подслушивания или записи. В самом деле,

каждую деталь зала до его сборки можно рассмотреть в лупу и под микроскопом. В проспекте сказано: таким образом можно оградить себя от опасности промышленного шпионажа…

Другая американская фирма предлагает электронное устройство, способное создавать вокруг стола заседаний зону безмолвия…

Недавно в одном из журналов указывалось, что средства, используемые для промышленного шпионажа в Соединенных Штатах Америки, составляют 1 млрд. долл. в год.

В области промышленной контрразведки доходы одного только агентства Пинкертона увеличились с 5 млн. долл. в 1949 году до 43 млн. долл. в 1963 году. 400 из 500 крупнейших американских компаний являются абонентами агентства Пинкертона.

Итак, промышленный шпионаж заслуживает изучения, чему и посвящена настоящая книга. Я занялся подбором документальных данных под историческим углом зрения, ибо промышленный шпионаж имеет более давнюю историю, чем военный шпионаж. Однако, прежде чем перейти к предыстории, а затем и к истории промышленного шпионажа, я хотел бы дать в этой главе общее представление о нем.

Промышленный шпионаж ведется на всех уровнях.

Им занимаются государства, международные организации, отдельные лица. Несомненно, промышленный шпионаж переживет военный шпионаж, если последний когда-либо исчезнет в результате действительного разоружения или сдачи всех видов оружия Организации Объединенных Наций.

Утверждают, будто существуют даже биржи специализированных секретов, где покупается и продается краденая техническая информация; будто такая биржа, специализирующаяся на электронике и пластических материалах, существует в Японии; другая биржа, специализирующаяся на изделиях фармацевтической промышленности, находится в Италии.

Таким образом, промышленный шпионаж все больше превращается в важное социальное явление, заслуживающее изучения. Разумеется, серьезно изучая промышленный шпионаж, необходимо учитывать и его политическое значение.

Кроме того, необходимо констатировать, что шпионы располагают важными средствами не только информации, но и действия.

Доказательством тому служат злоключения, происходившие по окончании второй мировой войны с португальским инженером Висенте-и-Аматом. Этот инженер построил по заданию своей страны завод синтетического бензина на базе бурого угля. Завод работал прекрасно, и на него обратили внимание промышленные шпионы. Амат отказался продать свое изобретение. Спустя два года после окончания войны он был на основании ложных показаний обвинен в мошенничестве, предан суду и приговорен к 18 годам тюремного заключения. Завод был разрушен. Однако осужденный предпринял совершенно беспрецедентный в истории техники трюк: ему удалось склонить на свою сторону начальника тюрьмы и построить в самой тюрьме примитивную модель своего завода. Модель примитивную, однако достаточную для снабжения всей тюрьмы бензином! И другая тюрьма потребовала построить аналогичную установку, которая функционировала так же исправно. Было представлено прошение о пересмотре дела. Органы правосудия в Португалии, как и во многих других странах, медлительны, тем не менее Амата освободили по истечении семи лет. Следовательно, никоим образом нельзя пренебрегать опасностью промышленного шпионажа. И защита от этого шпионажа, которая является делом и официальной, и частной полиции, также представляет собой реальный факт и никоим образом не является выдумкой авторов полицейских романов.

В США существует ассоциация бывших агентов Федерального бюро расследований (ФБР). Ее адрес: Нью-Йорк, Мэдисон-авеню, 274. Она насчитывает 4,5 тыс. членов, которые предлагают свои услуги промышленности для борьбы со шпионами. Ассоциация издает справочную книгу о свободных детективах, а также публикует список детективов, уже работающих в промышленности. Только в одной компании «Форд» работают 39 бывших агентов ФБР, защищая ее от промышленного шпионажа. По словам «Уолл-стрит джорнэл», некоторые из этих агентов являются не рядовыми служащими компаний, а занимают в них важные посты. У этих детективов изрядная нагрузка, и возможно, что со временем она будет все больше и больше увеличиваться.

Дело в том, что шпионы гоняются теперь за секретами, хранящимися не только у отдельных лиц, но и в запоминающих устройствах электронно-вычислительных машин. На недавней конференции ЮНЕСКО крупный американский специалист по электронно-вычислительным машинам Бернард Бенсон заявил, что накопление секретов в запоминающих устройствах представляет опасность, которая может обернуться катастрофой. По его словам, ЮНЕСКО должна немедленно заняться защитой граждан от кражи принадлежащих им секретов, находящихся на хранении в запоминающих устройствах электронно-вычислительных машин. В самом деле, когда узнаешь, что налоговое управление США будет располагать машиной, хранящей в своем запоминающем устройстве все чековые сделки, которые будут совершены в США после пуска этой машины, есть от чего забить тревогу.

В этой работе мы еще приведем примеры хищений информации из запоминающих устройств электронно-вычислительных машин.

Таким образом, началась охота за самыми прогрессивными источниками информации, и, несомненно, она представляет собой большую угрозу. В противоположность военному шпионажу, промышленный еще не стал темой многочисленных репортажей и романов. Тем не менее уже широко распространено большое число легенд о промышленном шпионаже, и одна из целей этой книги — развеять эти легенды.

А между тем, как показывает нижеследующая информация, полученная во время работы над этой книгой и появившаяся в «Парижур» 3 июля 1968 г., реальная действительность промышленного шпионажа порой удивительнее, чем любой вымысел.

«Молчите, остерегайтесь, стены имеют уши!» — формула трафаретная, но она устарела. Сейчас имеют уши и окна, точнее — оконные стекла. Изучая свойства стекла, одна специализированная фирма сконструировала лазер-шпион, который она демонстрировала в Лондоне на съезде представителей стекольной промышленности. Благодаря дрожанию стекол этот прибор позволяет слышать даже на большом расстоянии, то есть на всем протяжении луча света, излучаемого лазером. Впрочем, уже существует превосходная защита от этого нового аппарата шпионажа: чтобы пресечь подслушивание, достаточно поставить двойные рамы.

Столь же необычным является объявление, помещенное в 1968 году в августовском номере американского журнала «Спейс уорлд», в котором описывается металлическое насекомое с микрофоном, подающим сигналы. Эти сигналы могут быть приняты на расстоянии 70

м любым радиоприемником с частотой модуляций в диапазоне от 80 до 90 мегагерц. Насекомое похоже на обычную божью коровку. Продается оно за 14,95 долл. Заплатив еще 3 долл., можно приобрести подробный каталог шпионского инвентаря. Обращаться: Нью-Йорк, 19-я улица, акционерное общество «Электронике мэнюфек-чуринг компани». Эти два сообщения печати, пожалуй, относятся, скорее, к информации забавного жанра. Приведем третье, более серьезное сообщение, о котором будет интересно узнать читателям.

В Лондоне недавно было раскрыто дело о промышленном шпионаже, касающееся секретов,

оцениваемых миллионами фунтов стерлингов. Жертвой является английская авиационная компания «Бритиш оверсис эйруэйс корпорейшн» («БОЭК»), которая в начале 1968 года объявила о временном отстранении от работы трех служащих, подозреваемых в выдаче конкурирующей компании секретов всемирной сети касс предварительной продажи билетов. Четвертый агент компании, также замешанный в деле, бежал. Сведения, позволившие дирекции «БОЭК» разоблачить виновников «утечки секретов», были сообщены, как указывают многие лондонские газеты, компанией, воспользовавшейся «утечкой». Осуществление нового плана предварительной продажи билетов «БОЭК» должно было начаться осенью этого же года. Всемирная сеть, позволяющая за несколько минут выяснить количество свободных мест на всех самолетах компании, работает при помощи электронно-вычислительных машин компании «Интернэшнл бизнес машипз» («ИБМ»). Стоимость программирования новой системы оценивается в 40 млн. ф. ст., но она, видимо, позволит компании сэкономить до 1980 года 48 млн. ф. ст., в частности в результате ликвидации 2 тыс. должностей.

При лынешнем состоянии английского законодательства промышленный шпионаж не подпадает под действие закона, и подозреваемые рискуют, в крайнем случае, быть уволенными. Тем не менее законодательная комиссия палаты общин рассматривает в настоящее время изменения, которые могут быть внесены в действующее законодательство по этому вопросу, и возможно, что через два года соответствующий законопроект будет внесен в парламент. Это сообщение из Лондона было помещено в газете «Монд» 28 апреля 1968 г. под заголовком «Раскрытие крупного дела о промышленном шпионаже».

Из этого третьего, и последнего, примера видно, что промышленный шпионаж — дело не пустяковое. Он затрагивает очень крупные интересы, и поэтому важно разобраться в этом вопросе.

Промышленный шпионаж не так драматичен, как военный, и тем не менее с ним связаны судьбы огромных ресурсов, а порой он приводит к конфликтам. Рассказывая обо всем этом, не хотелось делать свое повествование ни сугубо специальным трактатом, ни развлекательным романом. Я тщательно проверял информацию, и всякий раз, когда факты не получали официального подтверждения во время суда или в официальном заявлении, но когда я считаю их вероятными, я отмечал их, как таковые.

Мои источники информации — это главным образом материалы судебных процессов. Подробные отчеты о судах по делам промышленного шпионажа достаточно обильны; в то же время они представляют собой необыкновенно сырой материал, который, несомненно, когда-нибудь использует не один романист. Я встречался также с некоторыми людьми, которые охраняют промышленность от шпионажа. Я беседовал и с людьми, которых обвиняли в промышленном шпионаже и которые, впрочем, считают себя невиновными.

Исследования привели меня к убеждению, что промышленный шпионаж может вторгнуться в жизнь каждого. Такого же мнения придерживается английский исследователь Филипп Хиксон в работе «Промышленная контрразведка». Он пишет, что за английским промышленником можно вести слежку всегда — и днем, и ночью, прослеживать всю его деятельность, записывать его разговоры в поезле, баре или в любом другом месте.

Посетитель завода, мойщик оконных стекол, шофер взятого напрокат автомобиля могут быть шпионами. В США в каталоге, распространенном Союзом потребителей, приводятся подробные данные о приборах и технике промышленного шпионажа с указанием цен.

В этом каталоге примечательна следующая фраза о специальном приборе, служащем для выявления источника телефонного разговора: «Этот особый прибор используется главным образом гангстерами и ФБР». В каталоге указывается, кроме того, что некоторые электронные приборы для шпионажа, в частности приборы, изготовляемые компаниями

«Моэлер рисерч» и «Кел корпорейшн», предназначаются исключительно для американской полиции и контрразведки.

Все использованные мной документы имеются в свободной продаже, и не было никакой необходимости пользоваться какими-либо секретными источниками или разглашать какие-либо доверительные сообщения. Достаточно обратиться к обычной документации, которую легко может приобрести всякий, чтобы убедиться в реальности промышленного шпионажа.

Промышленный шпионаж и соответствующая контрразведка являются неизменными реальностями нашег мира. Этому в значительной мере был посвящен чикагский конгресс по вопросу о применении науки и техники при решении полицейских задач. На конгрессе, в частности, демонстрировался сконструированный американской компанией «Локхид мисилс энд спейс компани» прибор, позволяющий очень быстро обыскивать посетителей завода, выявляя любой металлический предмет любую камеру, любой самопишущий прибор.

Журнал «Антреприз», орган французских деловых кругов, писал 28 октября 1967 г.: «Наиболее агрессивными являются японцы. Шпионаж стран Востока носит систематический и централизованный характер. Что касается американцев, они уделяют значительную часть своего времени взаимному шпионажу. Химия и автомобилестроение — отрасли промышленности, где охрана секретов играет важнейшую роль. Два года назад преждевременное рекламирование новой модели «Мерседеса» нанесло серьезный финансовый ущерб фирме. Хищения коллекций мод широко известны. Компания «Проктор энд Гэмбл» похитила полный коммерческий план одной фирмы. Однажды фирмы «Ревлон» и «Коти» одновременно выпустили косметическое изделие одинакового образца. Случайность? Фирмы систематически выслеживают движение грузовиков своих конкурентов».

Вот пример не только промышленного, но также и экономического шпионажа: в 1968 году два английских промышленника, подготавливавшие слияние своих предприятий, решили встретиться в строжайшей тайне на вершине одной шотландской горы под проливным дождем. Но несмотря на все меры предосторожности, сохранить тайну не удалось: в автомобиле, в котором ехал один из них, были замаскированы микрофон и радиопередатчик.

Слияния, концентрации, увеличение капитала, новые научные открытия, рекламные планы, проекты выпуска новых изделий, учреждение филиалов за границей — таков первый, далеко не полный перечень объектов промышленного шпионажа.

Промышленные шпионы используют любые средства: здесь и применение новейших достижений электроники, и непосредственное тайное наблюдение, и кражи со взломом, и шантаж. Речь идет о настоящей тайной войне — столь же распространенной и столь же необычной, как борьба военных разведчиков и контрразведчиков.

Ее отражение часто можно видеть в газетах: «Инженер-изыскатель упал из окна», «В каменоломне обнаружен труп инженера-химика», «Не потому ли произошел взрыв на «Каравелле», что на ее борту находился ученый-атомник?», «Таинственное самоубийство специалиста по цветной фотографии». Это — крайние формы. Это — те события, которые всегда привлекают внимание журналистов.

Но то, что видит публика в области промышленного шпионажа, — не более чем вершина айсберга. Девять десятых происшествий остаются скрытыми и не появляются в печати. Однако следы их остаются в материалах судов и полицейских делах.

На заводах висят плакаты, довольно сходные с теми, которые можно было видеть во время первой мировой войны: «Молчите, будьте осторожны, вас слышат уши врага!» Этими ушами и даже глазами врага могут быть миниатюрные телевизионные камеры, настолько хорошо замаскированные, что их подчас невозможно обнаружить. Все это создает, по крайней мере в

некоторых странах, атмосферу подозрительности, которую можно сравнить с атмосферой, царящей при худших формах диктатуры и не имеющей ничего общего с демократией. Это привело также к учреждению школ промышленного шпионажа. Одна из таких школ в США недавно дала объявление, в котором предлагала полный курс, позволяющий стать шпионом и использовать новейшие приборы электроники. И все это за 22,5 долл.

Некоторые считают, что промышленный шпионаж и различные его последствия создают очень серьезную угрозу нашему обществу. Во всяком случае, следует отнестись к этому явлению со всей серьезностью. Известно, что в США дети уже покупали электронные приборы для шпионажа и «присматривали» за своими родителями! В 1962 году американское правительство объявило, что 8126 тыс. лиц, способных выдать промышленные тайны, были поставлены под надзор официальной или частной полиции.

Три крупных американских журнала в начале 1968 года высказали свое мнение о промышленном шпионаже. Вот эти мнения:

«Популар микэникс»: «Теперь в крупнейших фирмах признают, что промышленный шпионаж представляет самую большую опасность для промышленности».

«Бизнес уик»: «Поднимающаяся волна промышленного шпионажа создает непосредственную угрозу американской научно-исследовательской работе и экспансии нашей промышленности».

«Ньюсуик»: «Предприниматели начинают вести себя как воюющие нации. Промышленный шпионаж становится с каждым днем все более интенсивным, а его методы — все более крутыми».

Любые успехи науки, как в космосе, так и на дне морей, вызывают интерес промышленных шпионов. Вполне Бероятно, когда человек перейдет от изучения космоса и океанов к изучению «внутреннего космоса», когда он начнет бурить скважины в центре Земли, промышленные шпионы не останутся в стороне.

Дух промышленного шпионажа распространен настолько широко, что, как это ни странно, стало трудно бесплатно распространять технические изобретения! В США этот факт констатировала НАСА, американская организация, занимающаяся изучением космоса. НАСА бесплатно предлагает промышленности изобретения, сделанные в процессе изучения космоса. Диапазон этих изобретений широк: начиная от нового планера и кончая клеями или новыми методами сварки. Это — так называемые «побочные продукты» космических исследований. Любой американский промышленник может получить документацию обо всем этом совершенно бесплатно. Однако НАСА чрезвычайно трудно бесплатно распространять эту информацию среди промышленников. Они почти не интересуются ею и, вероятно, потому, что считают сведения, которые ничего им не стоят, не представляющими никакой ценности. И в то же время было арестовано множество промышленных шпионов, как американцев, так и иностранцев, которые прилагали огромные старания, чтобы похитить эту документацию, которую они, между прочим, могли легко получить, послав в НАСА всего лишь 25 центов за ее пересылку.

Русские тоже испытывают затруднения в деле распространения за пределами СССР некоторых новых изобретений. Одно время русские испытывали затруднения в деле бесплатного распространения образцов выработанного ими нового вещества для чистки трюмов судов и удаления из них всякого запаха. Для совершения этой операции достаточно примешать несколько капель этого вещества к бочке воды. Однако в то время, когда иностранные посетители не решались принять эти образцы, несколько склянок с этим веществом было похищено и, вероятно, продано по очень высокой цене.

Так же обстояло дело с советской машиной для обработки алмазов. Устройство машины,

своеобразие которой заключается в том, что она имеет реактивную камеру из бериллия, металла прочного, не пропускающего икс-лучи и позволяющего следить за этапами производства, было описано в советской брошюре, продававшейся в Париже за 60 сантимов. Однако данные, взятые из этой брошюры, без всяких изменений были проданы за огромную сумму одной американской компании: информация исходящая от промышленного шпиона, внушает больше доверия, чем та же информация, распространяемая бесплатно.

Говорят, что лучший способ сокрытия важной информации от внимания шпионов — это публикация ее. Ни кто не в состоянии читать все научные журналы, и документы, к которым не приложен гриф «секретно», «конфиденциально», не привлекают внимания шпионов.

Это замечание будет оставаться верным до тех пор пока агентства промышленного шпионажа не будут располагать машинами, автоматически просматривающими все научные журналы. Возможно, близок час, когда крупные международные организации промышленного шпионажа будут иметь такие машины.

Как и в области военного шпионажа, значительная доля сведений, которых домогаются промышленные шпионы, содержится в литературе, доступной всем. Однако здесь эта доля меньше, чем в области военного или политического шпионажа. Дело в том, что как патенты на изобретения, так и научные публикации, относящиеся к промышленным исследованиям, подвергаются предварительной цензуре. Эта цензура осуществляется с таким расчетом, чтобы местный или иностранный конкурент нашел в них как можно меньше секретов.

Иначе обстоит дело с официальными документами. Типичным в этом отношении примером, на который часто ссылаются и который действительно примечателен, является налет на редакцию журнала «Амеразия», совершенный ФБР 11 марта 1945 г., то есть почти в самом конце второй мировой войны. Этот журнал издавался тиражом 1,7 тыс. зкз. Тираж небольшой, но влияние журнала было велико. В кабинетах «Амеразпи» обнаружили 1,5 тыс. более или менее важных официальных документов. Они были посланы названному журналу по простой его просьбе различными правительственными учреждениями! Впрочем, редакция журнала состояла, видимо, не из шпионов, а из журналистов. Во всяком случае, они выпутались из этой истории, отделавшись штрафом в 3 тыс. долл. Такого рода события не могут произойти в области промышленного шпионажа, ибо промышленная компания, у которой просят техническую информацию, с большим вниманием относится к тому, что она посылает. Вот почему шпионы должны снимать фотокопии документов, похищать образцы, подслушивать разговоры, сманивать ученых и специалистов. Все это делается в широких масштабах в Париже, Нью-Йорке, Токио.

Ни один из примеров, которые читатель найдет в этой книге, не был ни вымышлен, ни облечен в форму романа. Достаточно было голых фактов из отчетов о судебных процессах и судебных объявлений. Кроме того, я посетил центры промышленного шпионажа в Швейцарии. По причинам понятной сдержанности, я не могу сказать о них многого. Эти учреждения не отличаются излишней сентиментальностью, на их дверях красуется простенькое, едва заметное слово «консультация». Они имеют многочисленную клиентуру. Люди, которые руководят этими учреждениями, проявляют исключительную порядочность в отношении своих клиентов. Они никогда не продают дважды одну и ту же документацию и никогда не совершают действий, направленных против фирмы, которая хоть раз была их клиентом. Хотелось бы надеяться, что такая же исключительная порядочность проявляется агентами этих учреждений, когда они приступают к делу. Я не могу назвать ни имен, ни адресов — и это понятно; могу лишь указать на некоторые из главных тем в области промышленного шпионажа, которыми интересовались в 1969 году:

— легкие аккумуляторы для электромобилей, в особенности батареи, применяющие литий. Это вполне понятно, ибо лабораторные испытания электромобиля теперь окончательно закончены. В США состоялся первый пробег электромобилей на дистанцию 5 тыс. км;

— специальные моторы для гоночных автомобилей. Проявлялся большой интерес как к роторным, так и к поршневым двигателям;

— большие реактивные самолеты типа «Конкорд». И это также понятно, ибо названные самолеты поистине являются кладезем новых идей и изобретений. Из-за «Конкорда» уже многие были арестованы и многие высланы. Шпионы развернули активную деятельность вокруг больших сверхзвуковых пассажирских самолетов;

— секрет производства транзисторов из пластических материалов. Преимущество обладания транзисторами, которые можно разрезать ножницами или которые имеют форму листа, к которому можно подключать ток, — очевидно. Поэтому вполне естественно, что активность шпионов развивается и в этом направлении;

— радиолокационное устройство для автомобилей, железных дорог и т. д. Это устройство в настоящее время разрабатывается в Англии и США. В основу его положен эффект Ганна, который состоит в образовании ударных волн в электронном газе кристалла.

Ряд американских работ показал, что такого рода изобретение, позволяющее избежать большинства железнодорожных и автомобильных катастроф, имело бы огромный потенциальный рынок, сумма сделок на котором, согласно некоторым подсчетам, составит минимум 500 млн. долл. в год. Поэтому вполне понятно, что информация, относящаяся к такого рода прибору, пользуется большим спросом на рынке промышленного шпионажа.

Итак, это то, что я видел в Швейцарии.

Мне сообщили из многих других стран — США, Англии и Франции — удивительные истории, которые воспроизведены в этой книге с предельной точностью.

Однако проблему промышленного шпионажа можно по-настоящему понять, если вернуться в довольно далекое прошлое. Поэтому давайте углубимся во тьму веков…

2 ГЛАВА

ДРЕВНЕЕ ВОЕННОГО ШПИОНАЖА

«Жила-была очаровательная принцесса, знающая большой секрет…» — так могла бы начинаться сказка из «Тысячи и одной ночи». В действительности это — доподлинный факт, запечатленный в китайских хрониках. Большой секрет — это секрет производства шелка. Принцесса отправилась за границу, надев на голову чудесную шляпу с живыми цветами. В цветах она спрятала шелковичных червей, которые отдала споему возлюбленному, индийцу. Таким образом шелк был вывезен за пределы Китая. Это поистине классический пример промышленного шпионажа, восходящего примерно к XV веку до нашей эры, но далеко не первый.

Люди с доисторических времен пытались выведывать друг у друга промышленные секреты, и прежде всего секрет добывания огня. И «Борьбу за огонь» Рони Старшего2 справедливо можно было бы рассматривать как первый роман о промышленном шпионаже, ибо племена, раскрывшие секрет огня, были вожделенным объектом шпионажа для менее удачливых племен. Очевидно, домогались раскрытия и других секретов, в частности секрета обработки кремня. Это — очень сложная техника, которую современные исследователи с большим трудом открыли вновь лишь частично. Существует, например, способ раскалывания одним ударом прямоугольной кремневой пластины на четыре куска для выделения желвака. Эта

работа требует очень большой сноровки. Шпионы охотились за этим секретом и, вероятно, похищали его не раз 10 тыс. или 20 тыс. лет назад. Несомненно также, что другие шпионы безуспешно доискивались секретов мастерства критян. Но так, видимо, и не доискались. Пришлось обратиться к критским специалистам, чтобы построить в Англии необыкновенный ансамбль мегалитов — Стонхендж, в котором некоторые хотят видеть теперь гигантскую машину для предсказания движения небесных светил.

Видимо, критянам долгое время принадлежала монополия обработки кремня. Крупнейшему критскому инженеру Дедалу приписывается такое множество необыкновенных изобретений — планеры, роботы, противозачаточные средства, искусственное осеменение, клей и т. д., — что трудно поверить, чтобы это было делом одного человека, даже гениального. Я, скорее, склонен думать, что Дедал — это собирательное имя тех, кто оканчивал определенную школу, подобно тому как слово «политехник» в наше время относится к питомцам Политехнической школы в Париже. Тайна Дедала еще ждет своего раскрытия.

Между великой критской эпохой и средневековьем были найдены, потеряны, затем вновь найдены многие производственные секреты, в особенности секреты алхимиков. Мы еще вернемся к ним, однако документов об этом мало. Зато довольно обильно число документов, относящихся к военному и главным образом промышленному секрету, а именно изобретению, сделанному в Константинополе. Речь идет о «греческом огне». Арабы затратили 400 лет на раскрытие этого секрета, для того чтобы вновь утерять его.

По мнению великого английского историка Гиббона, арабские шпионы, искавшие секрет «греческого огня», фактически пытались вновь раздобыть один из своих секретов. По словам Гиббона, изобретение было сделано неким Галлиникосом, который жил в Гелиополисе, в Сирии, дезертировавшим с калифской службы и поступившим на службу к византийскому императору. Гиббон — очень серьезный ученый, однако это сообщение представляется весьма неправдоподобным: вызывает сомнение упоминание Гелиополиса. В самом деле, опыт показывает, что всякий раз, когда в связи с каким-либо алхимическим изобретением говорят о Гелиополисе, речь идет не об одном из многочисленных городов, носивших это название, но об очень древнем тайном обществе гелиополисских братьев. Как бы то ни было, действие этого абсолютного оружия той эпохи видели такие заслуживающие доверия люди, как Жуанвиль,3 который говорит, что оружие это было приделано к метательному копью, запускавшемуся гигантской пращой. Он рассказывает, что «греческий огонь» «летел с быстротой молнии и с громовым грохотом и был похож на крылатого дракона с головой свиньи и длинным хвостом». Когда снаряд достигал цели, происходил сильный взрыв и поднималось облако черного дыма. После того как дым рассеивался, виднелось пламя, распространявшееся во всех направлениях.

Если пытались загасить пламя водой, оно вспыхивало с новой силой. Гасить пламя можно было песком или уксусом. В течение четырех столетий промышленный шпионаж всех стран был сосредоточен на «греческом огне». В частности, итальянцы после разрушения Пизы в конце XI века прилагали большие усилия, чтобы разгадать тайну «греческого огня», но это им не удалось. В конце концов мусульманам удалось похитить секрет, и они использовали «греческий огонь» во время крестовых походов, но затем секрет его производства был утерян. Вновь он так и не был найден. Известно, что в состав «греческого огня» входили какой-то нефтепродукт, сера и сосновая смола. «Греческий огонь» сравнивали с напалмом, однако свойства у них неодинаковые. Для производства современного «греческого огня» потребовалось бы прибавить натрий к какому-либо веществу типа напалма.

Однако представляется весьма сомнительным, чтобы техника той эпохи, если даже допустить, что были известны самые необычайные алхимические секреты, могла обеспечить возможность промышленного производства натрия, который получают лишь путем электролиза. Пытались обойти проблему, выдвигая предположение, что алхимикам, изобретшим «греческий огонь», удалось добыть фосфор, воспламеняющийся при

соприкосновении с водой. Подобные соединения существуют, однако довольно невероятно, чтобы в средние века можно было их выделить, очистить и изготовить промышленным способом. Предпочтительнее признать, что секрет был потерян. Как пишет Гиббон, «состав «греческого огня» хранили в тайне, и эту тайну оберегали исключительно ревностно. Ужас врагов был тем сильнее и продолжительнее, чем дольше длилось их неведение и изумление». В таком же неведении пребываем и мы — ведь мы не можем заслать шпионов в прошлое.

Секрет «греческого огня» стерегли куда лучше, чем, например, секрет пороха или атомной бомбы.

Нужно было дождаться XVIII века, чтобы промышленный шпионаж завладел секретом такого же значения: секретом производства фарфора. Китайцы в течение тысячелетий производили фарфор высокого качества. Секрет производства был найден китайскими алхимиками и, подобно всем алхимическим секретам, был окружен легендами и облечен в форму мифа. Согласно этому мифу, фарфоровая масса находится под землей в некоторых священных местах и охраняется злыми духами. Она превращается в фарфор под благотворными лучами солнца. Но из этой легенды нельзя было почерпнуть сведения о производстве фарфора. Поэтому в Китай засылали множество шпионов, чтобы они овладели секретом. Первым, кто в этом преуспел, был французский антрекольский иезуит. Ему удалось посетить закрытый город Цзиндэчжэнь, где находилась императорская фарфоровая мануфактура. Он описал этот город в своих письмах, датированных сентябрем 1712 года и январем 1722 года. В Цзиндэчжэни проживал в то время 1 млн. рабочих. Три тысячи фарфоровые печей озаряли ночное небо над городом красно-оранжевым светом. Антрекольский монах детально изучил технику производства твердого фарфора из каолина, и, несмотря на бдительность китайской контрразведки, ему удалось послать Реомюру4 образцы сырья. Как раз в это время химики Дарсе и Макер обнаружили каолин в окрестностях Лиможа. Венсеннская фарфоровая мануфактура мягкого фритто-вого фарфора, переведенная в 1756 году в Севр, уже с 1764 года начала производить твердый фарфор, который получил широкую известность. В 1876 году она была переведена в парк Сен-Клу.

Англичане, в свою очередь, похитили этот метод благодаря Томасу Бриану, агенту, который работал в Севре. В 1738 году сообщение антрекольского монаха было полностью воспроизведено в одном из пособий по истории Китая, что позволило англичанам расширить свою промышленность и даже получить патент! В Англии этот патент был подтвержден законом, дающим его владельцу исключительное право на производство фарфора и импорт сырья. Таким образом, англичане и французы обогнали немцев, которые самостоятельно раскрыли секрет. Немецкому алхимику Фридриху Бстгеру (который, видимо, производил также золото) удалось раскрыть китайский секрет и наладить производство фарфора. Впрочем, он использовал работы химика фон Гирнгаузена. Тем не менее Бётгер пренебрежительно относился к фарфору. На дверях его лаборатории красовалась такая надпись: «Наш создатель, бог, пути которого неисповедимы, превратил золотоделателя в горшечника».

Он так надежно оберегал секрет, что неизвестно даже, в каком году раскрыл его. Возможно, в 1708 или 1709 году. Он занялся производством фарфора только потому, что курфюрст Саксонии Август пригрозил ему смертью, в случае если бы последнему не удалось наладить производство фарфора. Бётгер до этого был приговорен к смерти за то, что занимался алхимией.

Бетгер отказался изложить письменно какие-либо сведения об изготовлении того, что впоследствии получило известность под названием саксонского фарфора. Тем не менее он заставил выучить наизусть половину секрета ученого Немица, другую половину — Гартельмея… Второй знал, как производить фарфор, первый — как покрывать его глазурью.

В XVIII веке Дрезден превратился в крупный центр промышленного шпионажа. Английский историк Джордж Сэвидж в своей книге «Немецкий фарфор в XVIII веке» рассказывает, что шпионы были настолько бессовестны, что, не колеблясь, соблазняли дочерей фабрикантов, чтобы похитить секрет у их отцов. Когда читаешь эту книгу, кажется, словно читаешь о пресловутом Джеймсе Бонде. Тюрьмы были заполнены мошенниками, которые продавали фальшивые секреты производства фарфора, и рабочими, которые продавали подлинные секреты. Все постоялые дворы в радиусе 50 км вокруг Дрездена, как и вокруг Севра, кишели шпионами и тайными агентами. Шпионы хлынули и в Китай. Были основаны заводы и в других странах, например в Австрии: в Вене был построен завод Клавдием Иннокентием дю Пакье, который вербовал специалистов на постоялых дворах близ Дрездена. Один из них, некий Штёльцель, саботировавший производство фарфора в Вене, — он примешивал к каолину посторонние вещества — устыдился и вернулся в Саксонию, в Мейсен. Таким образом, он вошел в историю как лицо, сочетающее функции двойного агента и саботажника. Собутыльник Бётгера Кристоф Хунгер, который занимался в Мейсене аппликацией золота к фарфору, путешествовал по Европе, продавая настоящие или ложные секреты производства фарфора в Венеции, Скандинавии и Санкт-Петербурге. В течение целого столетия фарфор был главной мишенью шпионажа.

Большинство секретов теперь известно, за исключением секрета изготовления розового фарфора. Старая легенда гласит, что китайцы окрашивали фарфор в розовый цвет, примешивая к нему кровь девственницы.

Маловероятно, чтобы европейцы испробовали подобный метод, который едва ли был бы запатентован: такой патент противоречил бы общественной морали.

Существует целая отрасль совершенно бесчестной деятельности — производство поддельного фарфора, и в частности «древних» китайских ваз. Однако новые методы, использующие палеомагнетизм и термолюминесценцию,5 позволяют ныне датировать фарфор и уличать производителей подделок.

В этой области еще предстоят открытия, в частности относящиеся к промежуточным продуктам между фарфором и стеклом, именуемым пирокерамикой. Хотелось бы знать, каким образом алхимики получали очень высокие температуры в своих фарфоровых печах и каким образом китайские алхимики, изготовлявшие фарфор, могли производить алюминиевую бронзу. Дело в том, что в их могилах были найдены предметы из алюминиевой бронзы. Видимо, ими был найден метод, отличный от электролитического, но какой именно — неизвестно.

После рассказа о мерзкой погоне за секретами производства фарфора говорить о шпионе Фоли — английском поэте и музыканте, жившем в XVIII веке, — одно удовольствие.

Фоли был литейщиком в Сторбридже, в графстве Ворчестершир. Считая, что английская сталь тех времен была очень низкого качества, Фоли взял свою скрипку, облачился в одежду менестреля и начал бродяжничать по континенту. Босой, в лохмотьях, зарабатывая на жизнь игрой на постоялых дворах и в замках, Фоли скитался по Бельгии, Германии, Богемии, Северной Италии и Испании и выкрадывал секреты производства стали. Вернувшись в Англию, он, проведя несколько опытов, нашел, что сталь еще не очень хороша, и снова вернулся на континент. На этот раз ему повезло больше. Лица, подосланные гильдиями литейщиков Европы, пытались его убить, совершали диверсии на его заводах. Ничего сделать им не удалось, и Фоли умер богатым. Его дети получили дворянский титул. Промышленный шпионаж вознаграждается!

Арабские секреты также были объектом промышленного шпионажа, однако безуспешного, ибо арабы исключительно хорошо хранили свои секреты. Впрочем, арабы продавали их, нередко через посредство евреев. Долгое время на португальских кораблях — «каравеллах

Христа», которые огибали Африку, находился какой-нибудь еврей с проданной ему арабами таблицей тригонометрических функций, с помощью которой можно было определять координаты местонахождения корабля. Секрет этих вычислений ревностно охранялся. Другой арабский секрет — на этот раз военный — уберечь не удалось. Это был секрет производства ракет, раскрытие которого позволило многим странам обзавестись собственными военными ракетами. В частности, англичане с помощью таких ракет во время теперь уже забытой войны 6 в 1812 году подожгли Вашингтон. Сами арабы называли свои ракеты «китайскими стрелами», поэтому можно предположить, что они выкрали этот секрет у китайцев.

Долгое время люди думали, что только порох может быть двигателем ракеты, и понадобился Ньютон с его законом действия и противодействия, чтобы они поняли, что двигателем может быть любая сила.

Промышленный шпионаж вызвал к жизни патент на изобретение, который в принципе предназначен для обеспечения монополии изобретателя и предоставления после его смерти секрета изобретения, поскольку в патенте содержится описание секрета, в распоряжение общества.

В деле о фарфоре, о котором мы уже рассказали, вполне четко проявились два аспекта патента на изобретение: предоставление секрета в распоряжение общества и опасность монополии. Первым англичанином, запатентовавшим производство фарфора, был Уильям Кукуорти. Его дело продолжил другой англичанин — Ричард Чемпион, у которого были широкие связи с парламентом и который добился принятия закона, предоставившего ему абсолютную монополию. Это выввало многочисленные протесты: ссылались на добрые намерения Кукуорти, который якобы хотел, чтобы его открытиями воспользовалась вся Англия. Но на самом деле произошло закрепление монополии.

До сих пор продолжаются споры о преимуществах и неудобствах патента на изобретение. Несомненно одно — в наше время сложной техники трудно воссоздать изобретение на основе одного лишь патента, нужно иметь дополнительные данные, которые обычно называются «know-how». В наиболее приближенном переводе термин «know-how» означает «умение». Именно умение и было похищено как в деле о фарфоре, так и в деле со сталью. Патент на изобретение, напротив, если он не является помехой для промышленного шпионажа, благоприятствует честной передаче или продаже его, и не следует забывать, что своим рождением он обязан тому, что в средние века сильно расплодились шпионы. Полагают также, что благодаря патенту на изобретение можно избежать потери секретов. Между тем большое количество секретов, и немаловажных, потеряно.

Так, например, потеряны секреты производства гнущегося стекла и нержавеющего железа. Забыт способ производства большого числа красителей шелка и шерсти. Невозможно воспроизвести большинство красок, применявшихся в великие эпохи масляной живописи. Потерян также секрет, о котором мне говорили в Скотланд-ярде. Упоминание о нем находят в документах, оставленных разведывательными службами Кромвеля и Джона Турлоу. Насколько мне известно, об этом никогда не рассказывали. Вот эта история. Турлоу получал в то время годовой кредит в 70 тыс. фунтов для своей разведывательной службы. Он пользовался услугами лучших криптографов того времени, в частности доктора Джона Уоллеса Оксфордского, который в 1654 году дешифровал весь секретный код эмигрантов, стремившихся убить Кромвеля. Однажды Турлоу посетил человек, отказавшийся назвать свое имя и заявивший следующее: «Сэр, вы теряете очень много временив «черном кабинете».7 Вскрыв письма, вы снимаете копии с них, и это обходится вам дорого в смысле расходов на служащих и затраты времени. Между тем, если вы оставите меня одного с письмом, через минуту я вручу вам его точную копию. Через несколько часов письменные знаки копии пропадут, но вы за это время сможете прочесть ее».

Турлоу договорился с неизвестным, и последний работал на него в течение всего периода

диктатуры Оливера Кромвеля и его сына Ричарда. Таким образом Турлоу избавил Кромвеля от необходимости вскрыть отравленное письмо, посланное ему из Франции. Он сумел раскрыть заговор сэра Джона Пекингтона, который ввозил в Англию боеприпасы, закамуфлированные под видом вина и мыла. Он сумел разгромить тайное роялистское общество «Тугой узел», которое также замышляло убийство Кромвеля. Когда к власти пришел Карл II, Турлоу удалился на покой, хотя новый король просил его остаться. Неизвестный из «черного кабинета» ушел с кошельком золота, и секрет так и не был раскрыт. Английские специалисты, рассказавшие мне об этом, говорили: «Мы полагаем, что это была своего рода фотография без гипосульфитного фиксажа. Вот почему снимки не сохранялись».

Должен сказать, что я не убежден в этом. Мне непонятно, каким образом при технике тех времен можно было достичь этого, даже оперируя известными нам светочувствительными материалами. Я думаю, что это была какая-то новинка, утерянная и еще не найденная в наши дни, тем более что неизвестный работал при самом скверном дневном свете и даже при свече. По-моему, вещество, которое он открыл, не было светочувствительным, оно, вероятно, изменяло окраску при соприкосновении с чернилами, причем на несколько часов. Неизвестный, видимо, пропитывал этим веществом листы бумаги, которыми пользовался. Во всяком случае, противникам Турлоу не удалось разгадать его секрет.

Упоминание о другом поистине необычном секрете мы находим в воспоминаниях сэра Джона Эвелина. Этот английский дворянин оставил очень интересный дневник. В начале XVII века он находился в Риме. И вот как-то к нему обратился один человек с предложением «продать чудо». Неизвестный показал ему перстень, в гнезде которого светилась чрезвычайно яркая точка. Этой светящейся точкой незнакомец запалил трубку Джона Эвелина. Затем он назначил цену. Эвелин хотел поторговаться, но незнакомец сухо возразил: «Милорд, я никогда не торгуюсь», — и скрылся в толпе. Найти его Эвелину уже не удалось. Однако же я бьюсь об заклад, что никому не удастся, даже используя радиоактивные изотопы, вложить в гнездо перстня источник тепла, которым можно было бы запалить трубку! Сигарету — может быть, но не трубку, которая требует более высокой температуры.

Вот вам еще секрет, потерянный не только для XVII века, но и для нас. Перстень, который видел сэр Джон Эвелин, в техническом отношении опередил его век и пока еще опережает XX век. Вероятно, он был сделан каким-нибудь алхимиком.

Теперь нам необходимо коснуться вопроса об алхимиках. Мои взгляды по этому вопросу, как известно, не разделяются большинством ученых, и я отнюдь не стремлюсь навязать их читателям. Попытаюсь оставаться, в меру возможности, в области установленных фактов. Для этого рассмотрим алхимию лишь под одним углом зрения, хотя речь идет об очень обширной области, затрагивающей философию, религию, искусство, науку и технику. Ограничусь здесь одним лишь техническим аспектом. Этот технический аспект вкратце можно охарактеризовать следующим образом: алхимики утверждали, что они могут манипулировать с материей иначе, чем химики и физики. По словам алхимиков, манипуляции их более артистичны. Это означает, что если в результате обычных манипуляций можно получить, например, рисунок, накатывая валиком краску на бумажные обои, то в результате артистических, то есть алхимических, манипуляций можно получить картину. Между конечным продуктом какой-либо химической реакции и конечным продуктом алхимии такая же разница, как между трафаретным рисунком и «Джокондой». С другой стороны, алхимики считали своим долгом максимально оберегать результаты, которых достигали. А результатов этих доискивались в средние века и вплоть до середины XVI столетия как посредством пыток, так и путем шпионажа.

Разумеется, пытались добывать секреты рентабельные или секреты, которые можно было использовать в промышленных целях. Но и не только такие. Так, например, занимались активным поиском секрета некоторых ядов. В самом деле, в свое время приготовление ядов превратилось в настоящий промысел. Это относится к сенсационному «делу о ядах», в

котором была замешана фаворитка Людовика XIV мадам Монтеспан вместе со многими представителями дворянства и крупной буржуазии. В связи с этим делом была раскрыта целая ассоциация алхимиков, знахарей и волшебников, которые большую часть своих доходов получали от приготовления и продажи ядов под названием «порошков для получения наследства».

Рецепты большого числа этих ядов разыскать не удалось — и тем лучше.

Поиск ядов и противоядий от них, так же как поиск лекарств, очень долгое время был частью промышленного шпионажа. Мы еще будем иметь случай подробно рассказать о шпионаже в области фармацевтики.

Замечу, что поиск ядов является не самой диковинной формой невоенного шпионажа. Пальма первенства в этой области принадлежит шпионажу в области музыки. В начале 1968 года обратили внимание на то, что в течение ряда лет все пользующиеся успехом во Франции мелодии и пьесы копировались музыкальными пиратами за границей, в частности в США. И раскрыть это помогла дешифровка странных каблограмм, передававшихся по трансатлантическим подводным кабелям.

Расскажу еще о нескольких секретах. Тайна некоторых из них еще не раскрыта и в наше время.

Секрет герметической закупорки. Герметическая закупорка, иначе говоря, закупорка по способу Гермеса, по мысли алхимиков, является методом, позволяющим закупоривать сосуды таким образом, чтобы они оставались непроницаемыми даже при высоких температурах, не пропуская каких-либо газов. Такая закупорка в настоящее время неизвестна, и опыт показал, что некоторые газы, как, например, окись углерода, проникают при высокой температуре как в металлы, так и в керамику. Поскольку нам неизвестны способы герметической закупорки, в настоящее время невозможно повторить большинство алхимических опытов.

Все попытки похитить секрет потерпели неудачу. Он может быть очень простым, но воссоздать его не удавалось.

Секрет пороха. Речь идет, конечно, об алхимическом секрете. Изобретение пороха приписывается немецкому монаху-бенедиктинцу Бертольду Шварцу (1318–1384 гг.), а может быть, это просто легенда, рассказывающая об одной из алхимических манипуляций — приготовлении черного пороха («шварц» по-немецки означает «черный»). Секрет почти всеми был выкраден у мусульман и китайцев, и применение черного пороха вместе с огнестрельным оружием распространилось по всему миру. Секрет действительно очень прост, ибо достаточно смешать в определенных пропорциях уголь, серу и селитру, чтобы получить порох. Вероятно, именно эта простота секрета позволила шпионам выкрасть его без большого труда.

Секрет кислот. Впервые азотная и серная кислоты были приготовлены алхимиками. Уже в XIV веке им было известно (спрашивается, каким образом?), что азотная кислота, хотя она является производной серы и селитры, содержит в себе составные части воздуха. Алхимики производили серную кислоту в большом количестве. Кстати, среди их символов фигурирует купорос. Они производили также некоторые другие кислоты, закладывая таким образом основы современной крупной химической промышленности. Производство серной кислоты позволило им, в частности, открыть явление катализа, которое остается необъясненным и которое, вероятно, играло большую роль в манипуляциях алхимиков. Все секреты производства кислот были довольно быстро похищены у арабских алхимиков и впоследствии из Испании или Африки проникли в Европу.

Секрет хранения пищевых продуктов. Этот секрет привлекал внимание многих алхимиков, и

не случайно Нострадамус, проявляя интерес к приготовлению пищевых продуктов, опубликовал свой «Трактат о варенье», который, несмотря на компетентность автора, написан таким же двусмысленным и туманным языком, каким написаны его «Centruries». Некоторые утверждали, что во время своих обстоятельных исследований он открыл салициловую и бензойную кислоты, которые действительно очень необходимы для длительного хранения варенья. Можно было бы даже сказать, что Нострадамус изобрел аспирин — продукт салициловой кислоты, который в наше время является самым употребительным лекарством. Нострадамус исследовал также большое число наркотиков. Возможно, что он нашел наркотик, придающий необыкновенные парапсихологические силы, но это, как говорится, из другой оперы и выходит за рамки настоящей работы.

Секрет хранения пищевых продуктов похищался неоднократно. Этот секрет волновал шпионов вплоть до появления холодильников.

Секрет производства золота. Мы располагаем многочисленными свидетельствами, доказывающими, что алхимики способны были, а может быть, и теперь способны, производить золото, и даже существуют медали, выбитые из алхимического золота.

Мы обычно отвергаем эти свидетельства, ибо они противоречат тому, что нам известно по этому вопросу. Быть может, будущее покажет, что мы неправы. Если даже секрет золота — вымысел, тем не менее он привлекал к себе наибольшее число шпионов в истории человечества. Были использованы все средства, и алхимики нередко настаивали на необходимости принять меры предосторожности для охраны их секретов. Один из них (это был китаец) иронизировал: «Те, кто знает секрет, не говорят о нем. Те, кто говорит, не знают».

Может быть, следовало бы придать больше значения рассуждениям алхимиков о так называемых вторичных металлах. Так, например, некоторые из них стремились превратить в золото не обычное олово, а «олово с зеленым свечением».

Если предположить, что олово с зеленым свечением — это таллий, который похож на олово и в огне светится зеленым светом, то, может быть, мы будем иметь объяснение этого секрета. Дело в том, что достаточно таллию потерять альфа-частицу, чтобы превратиться в золото. И, вероятно, «философский камень» — это катализатор, который может, между прочим, вызвать это явление. Большего пока об этом сказать невозможно.

И в наши дни шпионы интересуются некоторыми алхимиками, которые и поныне здравствуют. Мне известны крупные компании, которые безуспешно пытались подвергнуть анализу старательно выкраденные образцы, которые предлагались как «философский камень», то есть ядерный катализатор, позволяющий производить превращения (трансмутации). Я видел два таких образца, которые выглядели как куски красного стекла. Методы химических и физических анализов дали столь противоречивые результаты, что на их применении не настаивали. Проблема остается нерешенной.

Секрет сурьмы. Алхимики всегда подчеркивали важное значение сурьмы. Один из них даже написал книгу, названную им «Гимн сурьме». Лишь спустя несколько веков стали известны необыкновенные свойства антимонида индия, полупроводника, позволяющего производить чрезвычайно важные преобразования энергии. Это один из очень любопытных случаев, так сказать, секрета, имеющего давнюю историю. Если бы даже эта информация была похищена, она мало чему могла бы послужить в средние века.

Секрет стали. Как показал крупный эссеист Мирсеа Элиад, кузнецы первоначально были очень близки к алхимикам, и эти узы еще и теперь связывают их. Различные способы обработки стали долгое время сохраняли свое магическое значение, и с этим связана одна из наиболее удивительных историй о похищенном и затем раскрытом секрете. Во время

крестовых походов шпионы-христиане перехватили секрет закалки дамасской стали для получения тонких и гибких клинков. Секрет заключался в том, что клинок доводили до красного каления, затем вонзали его в тело живого раба. Когда секрет узнали на Западе, испытания там производили не на рабах или крепостных, а на животных. Опыты оказались столь же успешными. Впоследствии испытания производили на погруженных в воду шкурах животных. Результат был такой же. Затем, в XIX веке, химикам удалось в результате опытов выделить активное вещество, которое нашло применение и при закалке стали, — азот. Так родилось нитрирование.

Таким образом, мы видим различные этапы перехода от практики магического типа к научно обоснованным техническим знаниям.

Это не означает, что все проблемы примитивных сталей, которые я склонен называть ремесленными сталями в соответствии с определением алхимии, решены.

Алхимики производили нержавеющую сталь или железо. Я говорю «железо» потому, что недавние работы показали, что исключительно чистое железо, железо чистоты порядка 99 999 999 999 %, видимо, является в такой же мере, если не более, нержавеющим, как золото. По данным некоторых исследователей, такое железо не растворяется в царской водке.

Точно так же не удалось найти неоднократно описывавшийся алхимиками сплав, который в холодном виде пробивает толстую стальную пластину. Описание таких опытов мы находим вплоть до XVIII века.

Вообще говоря, ремесленная сталь обладает свойствами, которых не имеет ни доменная, ни конверторная сталь. В одной весьма современной французской лаборатории мне как-то довелось видеть нож работы ремесленника XIX века, имеющий свойства, намного превосходящие свойства лучших современных нержавеющих сталей.

Замечено, что сталь, выплавленная китайцами в маленьких семейных домницах, превосходила по своим качествам лучшие современные стали, но теряла свои свойства, когда пытались сплавлять ее со сталью, производимой самыми современными китайскими заводами, или с импортной сталью. Проблема стали — очень сложная проблема, обусловленная действием таких факторов, как катализаторы, посторонние примеси (даже если порой они в количественном отношении ничтожны), а также магнетизм и другие еще почти совершенно не изученные явления.

Вполне возможно, что алхимики эмпирически открыли такие способы производства стали, которых мы не знаем.

Секрет холодного света. Во множестве легенд об алхимиках, кабалистах и волшебниках говорится о вечных лампах, горевших в течение веков и настолько холодных, что к ним можно было прикасаться.

Мы ничего аналогичного не имеем. Газовая флуоресцентная лампа перегорает через несколько тысяч часов. О веках и речи не может быть. Электрофотолюминесценция дает много источников холодного света, почти неисчерпаемых и потребляющих очень мало электроэнергии, однако алхимики не знали электричества, а электрофотолюминесценцию едва ли можно было открыть случайно. С другой стороны, при нынешнем состоянии техники источники, использующие электрофотолюминесценцию, имеют очень небольшой коэффициент полезного действия и излучают лишь зеленый свет.

Светлячок излучает холодный свет благодаря окислению органическим катализатором, или энзимом, называющимся люциферазой, вещества, именуемого активированным люциферином.

Однако это явление никогда не удавалось воспроизвести достаточно убедительным образом. Если алхимикам действительно удалось добыть источник холодного света, то, вероятно, благодаря неизвестному нам способу применения фосфора. Теперь мы знаем, что именно фосфор в форме органических продуктов переносит энергию в живые организмы, в частности в растения. Именно эти вещества позволяют поглощать и накапливать солнечную энергию, затем преобразовывать ее во всех частях живого организма, хотя механизм поглощения и накопления солнечной энергии далеко еще не изучен. Быть может, алхимики, которые рассматривали эти явления под биологическим, а не химическим углом зрения, под которым рассматриваем их мы, нашли органическое фосфорное соединение, накапливающее огромное количество солнечной энергии днем и освобождающее ночью. Во всяком случае, в настоящее время это — потерянный секрет.

Секрет очищения алмазов. Алмазы нередко имеют цветные включения, снижающие их ценность. Многочисленные совпадающие свидетельства показывают, что в средние века алхимикам и позднее графу Сен-Жермену8 удавалось очищать алмазы. Это выдвигает своеобразную проблему. Теоретически подобная операция возможна лишь при условии обесцвечивания цветных включений, например превращения железа в титан. Но это потребовало бы очень мощного атомного реактора, при помощи которого можно было бы бомбардировать алмаз нейтронами. Уголь поглощает очень мало нейтронов, и поэтому в качестве замедлителя в реакторах применяется графит. Однако ни алхимики, ни граф Сен-Жермен не располагали атомным реактором. Как же они поступали? Это тоже потерянный секрет. Заметим, что алхимики никогда не стремились производить алмазы.

Таковы некоторые из секретов, за которыми гонялись промышленные шпионы средневековья и эпохи Возрождения. И здесь мне кажется необходимым заострить внимание на положительной стороне промышленного шпионажа. В то время как, по преданию, многочисленные физические, химические и биологические операции или манипуляции были уделом одних лишь посвященных, шпион средневековья или эпохи Возрождения считал, что эти опыты могут быть повторены, разумеется, если будет выкрадено достаточное количество сведений, чтобы не приходилось бесконечно брести в потемках наугад.

Таким образом, если отвлечься от моральной стороны вопроса, шпион считал так, как считают современный ученый и техник: эксперимент, если он был ясно описан, может быть повторен другим экспериментатором. И не следует забывать, что именно шпионы распространяли эту важную мысль. Таким образом, наука и индустрия своим развитием в огромной мере обязаны шпионажу.

Впрочем, мы увидим далее, что такие выдающиеся ученые, как, например, В. Франклин, не гнушались промышленным шпионажем, равно как политическим и военным. Таким образом, в эпоху, предшествовавшую рождению патента на изобретение, промышленный шпионаж играл определенно положительную роль.

В XVIII веке рождение патента на изобретение начало в какой-то мере охранять изобретателя или исследователя от воров. Держатель патента на изобретение мог преследовать по закону похитителей своего секрета в течение 20 лет, после чего секрет становился достоянием общества. С тех пор положение чрезвычайно осложнилось, но все-таки рождение патента на изобретение знаменует окончание периода, который можно было бы назвать кустарным периодом промышленного шпионажа.

3 ГЛАВА

1791–1875 ГОДЫ

Годы, стоящие в заголовке этой главы, взяты не случайно. 7 января 1791 г. — дата издания французского закона о патентах на изобретение, впервые определившего права изобретателя. 1875 год — дата организации полиции на заводах Круппа в целях охраны секретов фирмы.

Конечно, закон от 1791 года не является первой законодательной мерой во Франции или за границей, направленной на защиту прав изобретателя. Мы еще вернемся к этому вопросу. Однако этот закон, насколько мне известно, явился первым законом, поощрявшим промышленный шпионаж за пределами Франции. В самом деле, он признает «за всяким, кто первым привезет во Францию какой-либо иностранный промысел, такие же льготы, какими пользовался бы его изобретатель». Это не что иное, как самое явное поощрение промышленного шпионажа. Конечно, и до принятия этого закона иностранцев, владеющих промышленными секретами, побуждали к тому, чтобы они переезжали на жительство во Францию. Так, например, королевский патент предоставил в 1551 году итальянскому дворянину из Болоньи по имени Теско Муцио право «ему одному производить в течение 10 лет всякого рода стеклянные изделия по венецианскому способу». То обстоятельство, что этот благородный дворянин, вероятно, похитил способ производства у венецианцев, не принималось во внимание. Королевские патенты нередко ограничиваются лишь юридической кодификацией свершившегося факта.

С другой стороны, закон от 7 января 1791 г., дополненный постановлением о его применении от 25 мая того же года, в то же время вводите обращение категорию патента на изобретение. Постановление от 25 мая предусматривает обеспечение промышленной безопасности и решает судьбу «изобретений, которые нужно хранить в тайне по политическим соображениям».

Издавая закон 1791 года, законодатели руководствовались в отношении его технического аспекта английским законом 1623 года, а в отношении революционной политики — американской конституцией 1787 года.

Результаты принятия закона не заставили себя ждать. Среднегодовое число выданных во Франции патентов увеличилось с 19 за период 1791–1804 годов до 71 в следующем десятилетии (1804–1815 гг.). С 1815 по 1831 год ежегодно выдавалось 230 патентов, с 1831 по 1841 год — 750, в 1855 году — 4 тыс., в 1876 году — 5 тыс. и в конце столетия — более 10 тыс.

Большинство этих патентов послужило источниками международных конфликтов, и вокруг них разгорался шпионаж. Мы расскажем о некоторых из них, не соблюдая хронологического порядка.

Одна из самых поразительных историй очень близка по времени к нашей второй дате. Речь идет о Пастере и о пиве. Патриотизм Пастера неоспорим, однако мысль об отмщении за поражение 1870 года путем создания во Франции пивоваренной промышленности, которая могла бы вести во всем мире борьбу с немецким пивом, кажется по меньшей мере забавной. Тем не менее именно такую цель преследовали патент Пастера за № 91 941 от 28 июня 1871 г., а также его «Исследования о пиве», которые по справедливости можно было бы назвать манифестом, опубликованные в 1876 году.

Пастер никогда не использовал свое положение для получения материальных выгод. Впрочем, вот что он заявил 10 февраля 1862 г. по поводу своего нового способа изготовления уксуса: «Поскольку часто случается, что научные принципы, преданные огласке их авторами, превращаются в чужих руках в предмет заявки на получение патентов на изобретение благодаря добавлению приборов, аппаратов или незначительных изменений, я по совету авторитетных лиц взял до моего сообщения в феврале патент, который, видимо, будет иметь приоритет перед всеми теми, появлению которых могла бы дать повод моя работа, и я

добавляю, что исполнен решимости сегодня же предоставить этот патент в распоряжение государства». Однако он хотел сберечь секрет от немцев и остального мира.

Французское пиво превзошло по своим качествам немецкое. Широко развернувшаяся деятельность шпионов, засланных немецкими пивоварами, позволила им добыть секрет, и… равновесие было восстановлено.

Пастер продолжал настаивать на «национальном значении» своего пива. Он писал в своем патенте: «Я желаю, чтобы пиво, производимое по моему методу, носило название „пиво национального реванша"… а за границей — „французское пиво"».

В 1889 году французские пивовары, собравшись на конгресс, торжественно выразили свою признательность Пастеру.

Вернемся теперь к году, более близкому к нашей первой дате. 16 мая 1805 г. швейцарец Исаак Риваз подал заявку на патент об «использовании взрыва газов и других газообразных веществ в качестве движущей силы в механике». В докладной записке сообщалось об испытаниях изобретателем повозки с газовым двигателем, работающим на водороде, и приводился его чертеж. Так родился автомобиль. Слухи об этом изобретении распространились довольно быстро, и интерес к нему проявляли многие шпионы. В своих донесениях некоторые из них вполне справедливо указывали, что принцип газового двигателя может быть использован, кроме того, и в воздухоплавании.

Вероятно, именно эти слухи, о которых сообщают различные историки, подали мысль французскому писателю Жану Агреву написать научно-фантастический роман «Авиатор Бонапарта». Агрев объясняет победы Наполеона тем, что он тайно владел планером, приводимым в движение периодическими взрывами. Сочинение написано в 1925 году. Летательный аппарат, описанный французским писателем, очень похож на «ФАУ-1», сконструированный в 1944 году.

Уже в эпоху Первой республики было очень много шпионов, в особенности английских. В конце XVIII века они похитили патент Никола Робера «на производство необыкновенной бумаги длиной от 12 до 15

м без помощи рабочего и чисто механическими средствами». Это изобретение позволяло печатать ассигнации, и именно благодаря ему, ставшему известным в результате шпионажа, английское правительство имело возможность печатать фальшивые ассигнации — странное дело, в котором промышленный шпионаж сочетался с политическим. Разумеется, сам изобретатель не получил прав на печатание фальшивых ассигнаций, а различные правительства, сменявшие друг друга во Франции, до его смерти в 1828 году полностью обделяли его и настоящими банкнотами. Он окончил свой жизненный путь учителем в Вернуйе, близ Дрё. Его основной патент датирован 29 нивоза VII года. Без этого патента не было бы ни банкнот, ни современных книг, ни газет.

Приблизительно в это же самое время почти во всей Франции происходят хищения секрета, который, насколько мне известно, не был разыскан, — секрета плавки кварца. Королевские грамоты на выплавку кварца выдавались еще в XVII веке. Так, обершталмейстер короля Жан де Лакам получил королевскую грамоту «относительно открытого им секрета плавки горного кристалла для выделки из него ваз и зеркального стекла» 11 ноября 1659 г. (зарегистрирована в Высшем суде Парижа 13 декабря 1662 г.).

По-видимому, предприятия, положившие в основу своей работы этот принцип, который в наше время не применяется, функционировали до эпохи Реставрации. Этот секрет несколько раз похищался немцами, итальянцами и поляками. Затем он, видимо, был потерян.

Во всяком случае, представляется несомненным, что англичане очень быстро

«адаптировали» знаменитый патент Филиппа Лебона на «термолампу», полученный 6 вандемьера VIII года. «Эта термолампа состоит из печи, питаемой углем и подогревающей камеру, где происходит сухая перегонка древесины, которая может быть заменена другим углеродным топливом. При помощи трубы можно удалять из камеры выделяющиеся газы и очищать их прежде, чем использовать, в частности, для освещения».

Хотя эта «термолампа» была задумана для отопления печью и освещения очищенным газом помещения, в котором она устанавливалась, тем не менее она является прообразом современных газовых заводов. Между прочим, Лебон предугадал все виды применения производимого таким образом газа, как исключительно удобного, чистого и транспортабельного источника света, тепла и силы. Так, он в своей заявке на получение свидетельства о дополнительных усовершенствованиях прежнего изобретения описывает газовый двигатель с электрическим зажиганием (идея смелая для тех времен!) и газовую лампу, которой пользовались в его доме. Эта газовая лампа, состоящая из стеклянного колпака, в который по двум трубкам поступает газ и воздух, и трубки для удаления сгоревших газов, почти не отличается от ламп, использовавшихся нашими предками до появления электричества. Все эти изобретения быстро распространились в Англии, и только в 1816 году в Париже впервые появилось газовое освещение. Лебон умер в бедности в 1804 году. 7 фрюктидора IX года он получил «свидетельство о дополнительных усовершенствованиях» предмета своего основного патента, относящееся, в частности, к следующим трем изобретениям:

1. «Двигатели, аналогичные паровым машинам, приводимые в движение постоянными газами», получаемыми под давлением путем обугливания древесины в закрытом сосуде.

2. Поршневой газовый двигатель: взрыв «воспламеняющегося воздуха» происходит в самом цилиндре под воздействием электрической искры.

3. Применение того же «воспламеняющегося воздуха» для отопления и освещения: воспламенение происходит в конце подводящей трубки.

Мы уже говорили по поводу кромвелевского «черного кабинета» о том, как впервые зародилась фотография. Окончательное ее возникновение относится к 1826 или 1827 году. Первая фотография была выполнена Жозефом-Нисефором Ньепсом. Это был пейзаж на оловянной пластинке. Затем он использовал стекло и выполнил на первой фотографической пластинке натюрморт, ставший знаменитым. Это было в 1829 году. Клише сохранилось бы и до наших дней, если бы в 1909 году Французское общество фотографии не доверило его одному ученому, который в припадке безумия уничтожил свею лабораторию вместе с этим клише! Как видим, сумасшедшие ученые существуют не только в научно-фантастических романах и кино, но и в реальной жизни.

В это время уже началась тайная борьба вокруг фотографии. Ньепс умер, не получив патента. Дагерр, которого инженер-оптик Шевалье познакомил с Ньепсом, поспешил запатентовать свой способ в Англии. Способ Дагерра направил фотографию на ложный путь, однако проникновение этого изобретения в Англию нанесло огромный ущерб Франции. Англичане имели у себя самостоятельного и честного изобретателя — физика Вильяма-Фокса Тальбота, которому совершенно не были известны работы Ньепса и Дагерра. Ему первому принадлежала идея негатива, позволяющего размножать снимки на бумаге. Мы не можем отказать себе в удовольствии упомянуть мимоходом Гаспара-Феликса Турнашона по прозвищу Надар — героя книги Жюля Верна «С Земли на Луну» (под анаграммой Мишеля Ардана) и изобретателя шпионажа посредством, как показывает его патент № 38.509 (от 23 октября 1858 г.), воздухоплавательного аппарата: «Новая система аэростатической фотографии характеризуется расположением в гондоле свободного или привязного аэростата аппаратов, установленных перпендикулярно, с объективами, направленными вниз; при этом сама гондола превращается в ка-меру-абскуру при помощи различных устройств, и

в частности подвижного плафона из желтой ткани».

Этот метод применяется и сейчас, достаточно вспомнить современные самолеты-шпионы и спутники-шпионы. Однако мы отклоняемся от промышленного шпионажа. Вернемся к 1791 году.

В Англии в XVIII веке суть промышленного шпионажа, или, как говорили в то время, промышленного пиратства, заключалась в борьбе за свободу, против тирании патента. Монополия на пар, полученная Дж. Уаттом, именем которого названа широко известная единица мощности электрического тока, задержала на четверть века производство паровьюс машин как для промышленности, так и для железных дорог. Специальным законом, принятым английским парламентом, эта монополия была продлена с 1775 по 1800 год, что было бы совершенно невозможно в наши дни при современном патентном законодательстве. Аналогичным образом были продлены патентные монополии на другие изобретения, в частности на фарфор и краски. Английские промышленники считали вполне естественным, что нужно пытаться похитить какой-нибудь технический метод, а затем уже защищать свои интересы от монополии. Первый успех был достигнут в 1796 году — была отменена монополия на фарфор. В конце XVIII века в Манчестере возникла Ассоциация борьбы с патентами и монополиями. Вероятно, это была первая всемирная организация, поощрявшая промышленный шпионаж. В то же время могущественная группа промышленников, банкиров и филантропов, учредившая в 1754 году Общество поощрения ремесел и торговли, предлагала премии изобретателям, которые отказывались брать патенты или хранить свои изобретения в тайне и, наоборот, охотно предоставляли свои изобретения в распоряжение всех.

Общество выдало 14 тыс. фунтов Томасу Ломбу, чтобы он не возобновлял свой патент на обработку шелка; 30 тыс. фунтов — Дженнеру, чтобы он не патентовал вакцинацию; 5 тыс. фунтов — Самуэлю Кромптону, чтобы он не патентовал свою прядильную машину, которую он назвал «мюль-машиной». Пример оказался заразительным. Изобретатели взрывобезопасной лампы для шахтеров, которая до применения электричества оставалась лучшей гарантией безопасности от взрывов рудничного газа, — сэр Хэмфри Дэви, доктор Клэнни и Джордж Стефенсон опубликовали все подробности о своем изобретении, чтобы не подвергать опасности жизнь шахтеров в результате замораживания изобретения в угоду частным интересам.

К сожалению, не все изобретатели поступали столь благородно, и многие изобретения держались в тайне. Некоторые изобретатели по причинам, которые трудно установить, оставили секреты своих изобретений в запечатанных конвертах, которые могли быть вскрыты только после их смерти. Так было с изобретением Уолластона, который в 1805 году открыл способ обработки платины, и в частности изготовления из нее лабораторных инструментов. Не раз делались попытки похитить его секрет, однако безуспешно.

После его смерти в 1828 году был вскрыт запечатанный пакет, в котором содержались все данные о столь вожделенном методе, очень скоро получившем широкое распространение.

В первой половине XIX века промышленный шпионаж, почти официально поощряемый промышленниками и государствами, превратился в важный фактор как промышленной революции, так и политики.

Можно, пожалуй, сказать, что он усиливался пропорционально росту числа патентов. Мы уже приводили статистические данные о французских патентах, и, может быть, небезынтересны статистические данные об английских патентах за интересующий нас период.

В 1792 году было зарегистрировано 85 английских патентов. С тех пор число патентов непрерывно росло и в 1802 году достигло 107. Это число оставалось стабильным до 1824

года. В 1824 году оно подскочило до 180, а в следующем году было зарегистрировано уже 250 патентов. После этого начался форменный патентный потоп. Каждый английский патент того времени имел важное значение и порождал новую отрасль промышленности, становящуюся вскоре объектом промышленного пиратства.

Еще спорят по вопросу о том, в какой мере промышленный шпионаж в интересующий нас период способствовал переходу эстафеты промышленных исследований и прогресса из Англии в Германию. Мы к этому вопросу еще вернемся, когда будем говорить о Круппе. Несомненно, однако, что с начала столетия с немецкими учеными консультировались по всем промышленным, научным и военным вопросам. Когда Наполеон решил в 1809 году разработать систему более быстрой и более секретной дальней саязи, чем телеграф Шаппа, он обратился за советом к немцу — Самюэлю Томасу фон Зёммерингу, и последним был изобретен электрический телеграф!

Идея этого изобретения была прекрасна, но, к сожалению, изобретение Томаса фон Зёммеринга было настолько сложным, что никогда не было реализовано. Тем не менее стоит его описать. Брались провода по числу букв алфавита, и в конце каждого провода имелась позолоченная буква. Все это погружалось в подкисленную воду. Когда через один из проводов пропускался электрический ток, появлялись пузырьки газа, соответствующие букве, и оставалось только читать и записывать… В действительности это делалось слишком медленно. Однако хорошей была сама идея привлечения ученого для разработки системы тайной дальней связи, которая могла бы оставаться вне поля зрения шпионов.

История с электрическим телеграфом Наполеона имеет большое значение. Насколько мне известно, это был первый случай исследовательской работы на определенную тему, выполненной по заказу. Число такого рода «проектов» увеличилось в течение первых 75 лет XIX века, и каждый проект привлекал к себе внимание шпионов.

Разумеется, больше всех поощрял промышленный шпионаж Наполеон. Как ни странно, он — зачинщик дела, которое должно было обернуться катастрофой для Франции и в то же время положить начало промышленной безопасности в связи с учреждением фирмы Круппа. Об этом стоит рассказать подробнее.

Наполеон объявил нечто вроде конкурса и предложил ряд премий за изготовление английской стали. Составители условий конкурса не вдавались в подробности, и премию мог получить как похититель английского способа, так и автор оригинальной работы. Вся Европа всполошилась. В немецком городе Золлингене, известном своими ножами, даже основали общество изобретателей, для того чтобы иметь максимум шансов на получение этих премий. Среди соискателей в 1807 году были бельгиец и два швейцарца. Все они потерпели неудачу. Успех выпал на долю немца Фридриха Круппа. По-видимому, он купил у шпионов несметное число секретных формул, узнав благодаря этому основы технологии производства стали.

И вот 20 ноября 1811 г. 24-летний Фридрих Крупп объявил, что «шпионы его уже не интересуют» и что он учреждает в Эссене компанию для производства английской стали и различных стальных изделий. Так родилась эта известная во всем мире компания.

Вначале у компании было много неприятностей. Осенью 1814 года пришлось закрыть опытный завод, которому не удалось изготовить ничего похожего на английскую сталь.

В 1816 году Крупп вошел в компанию с международным шпионом по имени Николаи. Этот Николаи организовал в местной газете рекламную кампанию вокруг своего имени, объявив, что он много путешествовал по Франции, Голландии и Англии и привез с собой информацию большой практической ценности о всякого рода машинах. Это объявление может показаться циничным в нашу эпоху, когда реклама кодифицирована и регламентирована, но в начале XIX века и вплоть до 50-х годов разного рода проститутки, шпионы и даже наемные убийцы

часто публиковали объявления в самых серьезных газетах.

Очень скоро Крупп заметил, что Николаи прикарманивает заработную плату рабочих, и к тому же стало известно, что он сам сфабриковал рекомендательные письма о себе. В силу ряда причин в июле 1816 года завод был закрыт. Но вскоре Крупп вновь открыл завод. В 1819 году были построены новые здания. В 1823 году дела его пошатнулись, несмотря на получение заказа от прусского королевства на штампы для чеканки монет.

8 октября 1826 г. Фридрих Крупп умер в возрасте 39 лет, оставив долги приблизительно на сумму в 9 млн. нынешних франков.

Его сыну Альфреду, которого прозвали впоследствии пушечным королем, к 1834 году удалось сдвинуть дело с мертвой точки. Тем не менее его сталь все еще не могла равняться с английской. Мы уже видели во второй главе, как странствующий менестрель доставил в Англию все секреты производства стали на континенте, чтобы сделать их достоянием Англии. А в 1838 году отправился в Лондон, чтобы лично шпионить за англичанами, Альфред Крупп. Он остановился в отеле «Саблоньер» в Лейсестер-сквере, поставив в регистре отеля подпись — А. Крип, переделав свое имя на английский манер. Представительный, хорошо одетый, настоящий джентльмен, он был принят как в высшем английском свете, так и в промышленных кругах. Своему брату он писал: «Я редко обедал или завтракал у себя. Какая экономия!»

Альфред Крупп вернулся на континент с секретами, которые ему удалось добыть. Теперь перед ним стояла единственная задача — сделать так, чтобы они не были похищены. Поэтому он страстно увлекся делом промышленной безопасности, и его можно по праву считать отцом промышленной контрразведки. Крупп просил прусское правительство обязать рабочих присягать ему в лояльности и особой верности. Прусское правительство отклонило просьбу, но это не помешало Круппу заставлять приносить ему присягу не только рабочих, но и шпионов, засылаемых к конкурентам. Он подозревал всех. Брату своему Крупп послал следующую служебную записку: «Я подозреваю ночного сторожа. Он часто бывает на заводе днем». Все это может казаться смешным, однако начало промышленной безопасности было положено. Немцам оставалось только изобрести гестапо, что и было сделано позднее. Впрочем, Альфред Крупп страдал манией служебных записок, и один из его биографов считает, что он написал их 30 тыс. Он отличался «трогательной скромностью»: «Мне не нужно справляться о чем бы то ни было у Гёте или кого бы то ни было. Я все делаю сам». Хотя Альфред Крупп думал, что он всезнайка, тем не менее ему нужно было выкрадывать изобретения. Так, он похитил у одного из своих покупателей чертежи машины для изготовления ложек и вилок.

Максимальный внешний шпионаж, доведенная до последней крайности внутренняя безопасность — такова, видимо, была программа работы Круппа, которую он выполнял вполне успешно.

24 февраля 1848 г. Крупп расплатился со всеми своими долгами, расстался со всеми своими компаньонами. Он стал единоличным собственником фирмы, которая превратилась в абсолютную монархию. С 1843 года он начал производить мушкеты. В 1847 году он отлил стальную пушку. До этого пушки отливались из бронзы или чугуна. Конечно, ему говорили, что она не вызовет интереса. Однако на лондонской выставке 1851 года стальная пушка имела большой успех. Вскоре вице-король Египта заказал 36 стальных пушек, Пруссия — 312. Русские купили модель стальной пушки, из которой произвели 4 тыс. выстрелов, а затем поместили ее в музей.

В 1861 году у Круппа работало 2 тыс. рабочих. В 1871 году, после победы над Францией, чем немцы в огромной мере обязаны Круппу, число их составило 10 тыс. В эти же годы, отступая от своих правил, Крупп купил английскую лицензию на бессемеровский конвертер для

производства стали. В 1867 году по просьбе Наполеона III он выставил на Марсовом поле крупнейшую в мире пушку — пятидесятитонную. Он был возведен в кавалеры Ордена Почетного легиона. Тем не менее Франция не купила пушки Круппа. А вскоре гаубицы Круппа разбили в пух и прах форты Метца и Седана, и немцы двинулись на Париж, окружив его.

Когда Гамбетта бежал из Парижа на воздушном шаре, Альфред Крупп распорядился немедленно сконструировать зенитную пушку, стреляющую почти по вертикали. Эта пушка была сконструирована в рекордный срок. Так родилась противовоздушная оборона.

В 1872 году Крупп опубликовал правила внутреннего распорядка и роздал их своим рабочим. Впервые была легализована современная промышленная безопасность. Мы можем привести следующую фразу из этих правил:

«Независимо от издержек производства, необходимо, чтобы за рабочим постоянно наблюдали энергичные и опытные люди, которые получали бы премию всякий раз, когда задерживали саботажника, лентяя или шпиона».

В дополнениях к правилам, появившимся позднее, указывалось, что завод должен преследовать и социалистов. Необходимо признать, что Альфреду Круппу удалось создать определенную «крупповскую атмосферу», которая существует и в наши дни. Одновременно с расширением своих служб шпионажа и контрразведки Крупп создавал чрезвычайно крупные, хорошо оплачиваемые научно-исследовательские группы. До самой своей смерти Альфред Крупп, не выпускавший акций и не имевший компаньонов, оставался полновластным владыкой своей промышленной империи, которую передал своему сыну. Его личное состояние оценивалось почти в 300 млн. современных франков. Он был удостоен орденов многих стран, а наместник столичной провинции Китая Ли Хун-чжан подарил ему вазу, возраст которой насчитывает 2 тыс. лет. Его личный музей был одним из самых удивительных в Европе. Крупп преуспел в своем деле, ему подражали. Он был типичным воинственным предпринимателем, максимально использующим промышленный шпионаж, шпионаж против рабочих и вполне уверенно руководящим своими заводами. Однако мы увидим в главе, посвященной первой мировой войне, что «броня безопасности» Круппа была пробита французским шпионажем, и расскажем, при каких обстоятельствах.

А сейчас перейдем от войны за сталь к тайной войне за каучук. В Америке каучук был известен в течение тысячелетий. Слово «каучук» — индейское и в переводе означает «плачущее дерево». Первый патент на каучук был получен в мае 1791 года англичанином по имени Самюэль Пил.

Однако основной патент (на вулканизацию) был получен лишь в декабре 1841 года американцем Чарльзом Гудьиром, который случайно открыл явление вулканизации и сделал все, что мог, чтобы сохранить свое открытие в тайне. Несмотря на наличие патента, он имел основание опасаться, ибо образцы вулканизированного каучука, которые он послал в Англию, были переданы химику Томасу Ханкуку. Последний, ощутив запах серы, исходящий от образцов, сумел воспроизвести технологию и запатентовать ее. Однако он остался в какой-то степени джентльменом и признал, что приоритет принадлежит Гудьиру. Этого нельзя сказать об американских шпионах и пиратах, которые не раз похищали метод Чарльза Гудьира.

В результате бесконечной тяжбы Гудьир добился продления срока действия своего патента еще на семь лет начиная с июня 1858 года, когда его срок должен был истечь. Гудьир умер в 1860 году, оставив долгов на сумму 995 тыс. франков того времени.

Каучуковая промышленность превратилась в золотое дно для шпионов, и, несмотря на все меры предосторожности, было похищено около десятка секретных формул вулканизации, наполнителей и обработки каучука. Каучуковая промышленность развивалась так быстро, что остро вставал вопрос об источниках сырья. Именно в это время английскому авантюристу и

шпиону Генри Викхэму удалось нелегально вывезти из Бразилии в Англию семена гевеи.

Викхэм вначале сумел добраться до плато Тапажос — района Бразилии, который и в наши дни остается очень малоизученным, а в те времена был практически совершенно неизведанным.

Собрав там большое количество семян, Викхэм вернулся на бразильское побережье. По счастливой случайности в это же время оттуда возвращался порожняком в Англию новейший английский пароход. Викхэму удалось погрузить семена, не навлекая на себя подозрений бразильских властей. Последним он объяснил, что перевозит семена чрезвычайно прихотливых видов растений для Лондонского ботанического сада. Благодаря вмешательству английского консула погрузка была произведена беспрепятственно.

7 тыс. семян вначале были посажены в ботаническом саду. Затем саженцы были вывезены и акклиматизированы на острове Цейлон, а затем на Борнео и в Малайе. Эти плантации явились источником процветания этих стран. Пройдоха Викхэм получил дворянский титул, что редко случалось со шпионами.

Некоторые авантюры такого рода и наряду с ними бесплодность мер охраны промышленности способствовали созданию особых органов обеспечения безопасности и специализированных агентств, в том числе одного из пяти «главных» — американского агентства Пинкертона.

Агентство Пинкертона приобрело известность благодаря посвященным его деятельности дешевым романам, появившимся в конце XIX века. Его подлинная история куда более удивительна. Алена Пинкертона завербовал президент Линкольн до гражданской войны, поручив ему организовать разведывательную службу. Он стал руководителем разведки и контрразведки северян. Под псевдонимом «Ален» он водворился на 1-й улице в Вашингтоне и положил начало фотографическому шпионажу. Он оказал такие услуги северянам, что, без чрезмерного преувеличения, можно было говорить, что они выиграли войну благодаря ему. Еще до того как быть завербованным Линкольном, Пинкертон обратил на себя внимание тем, что разоблачал опасность сепаратистского движения, организованного южанами — сторонниками сохранения рабства. Он получил эти сведения во время крупной операции по промышленной контрразведке, когда орудовал в Чикаго.

Пинкертон был приглашен к президенту крупной железнодорожной компании, которому сообщил, что южане намереваются ринуться на железные дороги, пустить ко дну паромы, взорвать мосты и таким образом изолировать Вашингтон от северных штатов. Это происходило в январе 1861 года, как раз накануне войны.

Пинкертон провел расследование в Балтиморе и Новом Орлеане. Результаты оказались в высшей степени тревожными. Мало того, что существовал заговор, но существовал также — уже тогда! — план убийства Авраама Линкольна. Убийство его должно было послужить сигналом к уничтожению мостов (большинство из них было деревянными, и их легко было поджечь), подвижного состава железных дорог и паромов. Так промышленный шпионаж и контрразведка позволили раскрыть обширный политический заговор и вооруженный мятеж, которые должны были привести к ужасной гражданской войне между Севером и Югом.

21 февраля 1861 г. в Филадельфии Линкольн заслушал доклад Пинкертона и убедился в существовании заговора.

В то же время такую же информацию удалось собрать главе нью-йоркской государственной полиции Кеннеди и уведомить Линкольна.

Намечавшегося убийства удалось избежать, однако грянула гражданская война.

Как мы уже сказали, агентство Пинкертона оказало большие услуги правительству и впоследствии превратилось в почти официальную организацию, считавшуюся на редкость серьезной. После гражданской войны агентство уже не занималось военной разведкой или контрразведкой, но было и остается мощной организацией, ведущей борьбу с преступниками, диверсантами и шпионами.

Отметим, что во время бунтов против воинской повинности в Нью-Йорке в июле 1863 года Кеннеди был подвергнут линчеванию группой разъяренных ирландцев. Его спасли, осмотр в больнице показал, что он получил 21 ножевое ранение и 72 удара плетью. Американская традиция насилия начинается не с убийства президента Кеннеди и не с убийств Мартина Лютера Кинга и Роберта Кеннеди.

Агентство Пинкертона разоблачило в 1867 году лжешпиона по имени Пипер. Этот субъект, родившийся в Париже (штат Кентукки), вообще считался крупнейшим в те времена подделывателем документов. Поле его деятельности простиралось от Панамского пролива до снежных пустынь Канады. Согласно донесениям агентства Пинкертона, с 1857 по 1866 год он сбыл на 1 млн. долл. фальшивых чеков и векселей. Кроме того, он получил, если можно так выразиться, гонорары на сумму 500 тыс. долл., фабрикуя по заказу подложные судебные решения, завещания и купчие.

Он мошенническим способом выманил у покровительствовавших ему мексиканцев и французов огромное количество золота. Пипер был арестован «пинкертоновцами» в Вермонте. Это подвиг, которым они могли гордиться. Агентство Пинкертона, быть может, имеет меньше оснований «гордиться» уничтожением организации горняков Северной Пенсильвании «Молли Магвайрс»,9 главным «преступлением» которой, видимо, была защита рабочих и профсоюзной организации. По правде говоря, американскому профессиональному движению никогда не было чуждо некоторое насилие, и если методы членов «Молли Магвайрс» поистине были гангстерскими, то можно сказать, что к таким же методам сегодня прибегают члены союза водителей грузовиков, возглавляемого Джимми Хоффа. Разгром этой организации тайным агентом Пинкертона Макфарландом является темой одного из приключений Шерлока Холмса, описанного Конан Дойлом. Американский капитализм пришел к выводу, что рабочий класс можно обуздать, лишь подрывая его изнутри, и сам организовал свои тайные полицейские организации. Полагают, что к концу века в этих частных полицейских организациях американского капитала насчитывалось не менее 150 тыс. агентов! Ричард Вильмер Рован в своей книге «33 столетия шпионажа» утверждает, что человечество не знало более отъявленных негодяев. Итак, это — темное пятно в позолоченной легенде о Пинкертоне. Тем не менее агентство Пинкертона, равно как и Круппа, можно считать основоположником современной промышленной безопасности. С его именем нам придется встречаться еще не раз. И можно полагать, что агентство Пинкертона было первым независимым агентством промышленной безопасности. Разумеется, обеспечение промышленной безопасности не было его единственным видом деятельности. Агентство вылавливало бандитов, охраняло деньги, хранящиеся в банках, во время их перевозок, охотилось за контрабандистами, нечестными кассирами и вообще всеми растратчиками и похитителями чужих денег, будь то государственные служащие или частные лица. Агентству Пинкертона принадлежит заслуга серьезной постановки проблемы промышленного шпионажа, и не случайно, что оно остается одним из пяти «главных».

4 ГЛАВА

С 1875 ГОДА И ДО ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

1875 года значение промышленного шпионажа становится общепризнанным и начинает разгораться соперничество между промышленным и военным шпионажем. К концу века на арене борьбы появляется новый участник — Япония. Сознавая свою отсталость в промышленном отношении, она стремится всеми средствами догнать передовые страны. Некоторое время ей удавалось выманивать промышленные секреты обещанием размещать заказы, но это продолжалось недолго. Первыми спохватились владельцы английских, и в особенности шотландских, судостроительных верфей. Японцы взяли за обыкновение просить у них разрешение на полный осмотр судов вместе с их чертежами. Внимательно осмотрев суда и изучив всю документацию, заметив при этом все недоработки, японцы начинали строить суда сами.

Произошел инцидент, получивший широкую известность. Японцы попросили разрешение ознакомиться с устройством одного насоса, обещая сделать заказ на большое количество таких насосов. Им предложили для осмотра опытный прототип, который имел дефект: дыру в цилиндре. Чтобы заделать дыру, сделали в ней винтовую нарезку и вставили болт с гайками на обоих концах. Таким образом была достигнута полная водонепроницаемость. Японцы скопировали насос, и скопировали буквально в таком же виде, то есть вместе с болтом. Этот случай стал известен в европейских и американских промышленных кругах, и японцы заслуженно приобрели репутацию «поддельщиков».

Однако эти «поддельщики» были очень понятливы и располагали замечательным аппаратом промышленного шпионажа. Японцы интересовались прежде всего теми изобретениями, которые можно было использовать в войне. Они разработали производство бездымного пороха, самые новейшие способы литья стали, технику электрических прожекторов большой мощности, изготовления торпеды и раскрыли многие другие промышленные секреты. Прошло немного лет после 1905 года — и было замечено, что промышленность Японии представляет по меньшей мере такую же опасность, как ее армия.

Она добыла, весьма вероятно путем промышленного шпионажа, секрет производства высококачественных оптических линз посредством шлифовки их окисью церия. Это дало возможность японцам выбросить на рынок фотоаппараты высокого качества по внеконкурентным ценам. Они стали изготовлять виски вполне сносного качества и по очень низкой цене. Японская промышленность производила велосипеды более высокого качества и гораздо дешевле европейских. Начиная с 1910 года знак «сделано в Японии» был символом товара, одинакового по качеству с европейским или американским, но гораздо более дешевого. Образ японского покупателя или студента стал классическим как в литературе тех времен, так и в реальной жизни. Они заполняли промышленные города Европы и США. Европейские и американские промышленники вопили о пиратстве. Японцы могли бы ответить, что они не просили приобщать их к европейской цивилизации и что к этому их вынудили пушечными выстрелами, когда английский флот бомбардировал город Кагосиму. Позднее, когда японцы начали строить броненосцы, а затем самолеты, они показали, что не были простыми подражателями.

Расцвет японского промышленного шпионажа совпадает с периодом промышленного превосходства Англии. Впрочем, японцы были не одиноки; американцы, например, обкрадывали английские промышленные предприятия в течение последней четверти и даже в середине XIX века. Англичане издали законы, запрещавшие экспорт паровых машин, а также машин и чертежей, касающихся железоделательной и текстильной промышленности. Естественно, что уже в 1841 году начался контрабандный вывоз машин, и назначенный английским парламентом комитет, проводя расследование, установил, что машины, экспорт которых запрещен, свободно вывозятся из Ливерпуля. Для этого достаточно было увеличить издержки по перевозке их в США на 7,5 %.

Вслед за этим начали уезжать из Англии ремесленники и квалифицированные рабочие. В США, например, насчитывалось множество английских машинистов. Любопытно в связи с

этим провести параллель с нынешним положением, когда происходит стратегическая контрабанда и «утечка умов» в США. Ограничимся, однако, замечанием, что история повторяется и что «американский вызов» существовал еще в прошлом веке.

Собственно американским изобретением являлась стандартизация деталей, так же как и процесс организации промышленности. Вначале эти новшества были применены ими с большим или меньшим успехом в производстве оружия, а затем, уже с полным успехом, благодаря Исааку Зингеру (1811–1875 гг.), — в производстве швейных машин. Рождалось американское промышленное превосходство, и важно заметить — это замечание относится как к прошлому, так и к настоящему, — что оно основано не столько на идеях, сколько на методах. Американцы часто подражают, нередко похищают идеи, но затем они организуют производство, а делают они это великолепно.

Долгое время они с подозрением относились к инженерам с университетским образованием, и это было справедливо, ибо в то время американский прототип инженера на поверку оказывался бессовестным авантюристом, самоучкой, столь же мало считавшимся с официальной наукой, как и с законом.

Необходимо рассматривать различные битвы за алюминий, учитывая именно эту психологическую атмосферу. В небольших количествах, чисто химическими способами, без использования электричества, алюминий начали производить в первой половине столетия. В 1854 году, после открытия Сент-Клер Девилем алюминия, он использовался для выделки драгоценностей и для специальных целей, например изготовления покрытия для знаменитого памятника Вашингтону в США. В то время алюминий считался полудрагоценным металлом.

К идее электролитического способа производства алюминия, непосредственно из солей, пришли, независимо друг от друга и одновременно, Гратцель в Германии, Поль Эру во Франции, Коуэлс и Холл в США. Началась бесконечная борьба за патенты. В 1892 году было сделано, и сделано случайно, крупное изобретение. Промышленный шпионаж не остался в стороне и от этого изобретения. Канадец Вильсон пытался разработать неэлектролитический процесс, обойдя все патенты и используя кальций вместо натрия. Подогревая известняк и уголь в электрической печи, он открыл карбид кальция, что имело огромное значение, поскольку карбид кальция при соединении с водой дает ацетилен, что позволило создать карбидную лампу. Это открытие повлекло за собой развитие целого ряда отраслей химической промышленности. Возможно, что наиболее яркий пример научно-технического открытия, сделанного в результате попытки совершить контрафакцию (подделку) на основе неполных данных промышленной разведки. Битва за алюминий продолжалась.

Погоня за секретом алюминия поставила перед промышленным шпионажем действительно трудную задачу. Если раньше нужно было копировать простые машины или воспроизводить простые формулы (это утверждение не распространяется на алхимиков), то теперь нужно было собирать и передавать всю совокупность сложных технологических данных, что было довольно трудным делом. Процесс производства алюминия очень сложен. Нужно было вводить в электролизную ванну криолит (двойной хлорид алюминия и натрия), малоизвестный, хотя и имеющийся в изобилии, минерал. Применение этого электролита позволяет получить нужную температуру для поддержания ванны в расплавленном состоянии без притока энергии извне. Больше того, плотность раствора меньше, чем плотность алюминия, и поэтому расплавленный алюминий осаждается на дне ванны. Наконец, нужны совершенно особые угольные аноды.

В заявках на получение патентов, сделанных в 1886 году одновременно во Франции и США, не содержалось вполне точного описания открытия. Поэтому промышленный шпионаж развернулся вокруг алюминия с особой силой. В следующей главе мы рассмотрим драматические перипетии передачи секрета высокопрочных алюминиевых сплавов из Германии в Англию во время первой мировой войны.

Использование алюминия позволило вновь найти применение постоянному электрическому току в то время, когда можно было думать, что окончательная победа принадлежит переменному току. Началась, образно говоря, драматическая дуэль постоянного тока, представленного Эдисоном, и переменного тока, представленного Вестингаузом. В этой борьбе принимали участие совершенно не сведущие в науках эмпирики. Еще хуже обстояло дело на уровне исполнения. Американская компания «Томсон — Хьюстон» вынуждена была в то время (в 90-х годах XIX в.) брать на работу коммивояжеров и уличных торговцев, профессиональных боксеров и пастухов. Сам президент компании Чарльз Коффин в прошлом был коммивояжером-обувщиком. Один из принятых им на работу директоров филиалов жаловался Коффину: «Я не знаю, что такое электричество». «Тем лучше, — изрек Коффин. — У меня слишком много людей, которые знают или делают вид, что знают, что такое электричество. Мне нужны продавцы. Чем меньше вы знаете об электричестве, тем лучше».

В этих-то условиях и началась битва вокруг огромных источников энергии Ниагарского водопада. Вопрос заключался в том, какой будет избран ток — постоянный или переменный. Ставка была велика. И поэтому все средства были дозволены. Эдисон, добыв посредством промышленного шпионажа чертежи генераторов переменного тока Вестингауза, изготовил такой генератор и предложил его штату Нью-Йорк для казни преступников. Так появился электрический стул. После этого группа Эдисона начала пропаганду в печати: «Не разрешайте проводить у вас переменный ток. Он убивает, его используют для казни преступников электрическим током». Против применения переменного тока выступал не только Эдисон, выступала и официальная наука, всегда готовая вести борьбу с техническим прогрессом. Крупнейший представитель официальной науки той эпохи лорд Кельвин телеграфировал в Комитет эксплуатации Ниагарского водопада: «Я надеюсь, что вы избежите огромной ошибки, отвергнув переменный ток». Но все было тщетно. Несмотря на попытки опорочить переменный ток, он все-таки был использован для передачи на расстояние энергии, источником которой был Ниагарский водопад.

Вестингауз одобрил проект гениального и безумного изобретателя югослава Николая Теслы. Последний утверждал, что умеет разговаривать с голубями и получает вести от марсиан, и, несмотря на это, изобрел электродвигатель переменного тока и большое число других электрических машин, в том числе автотрансформатор.

В конце века была основана «Дженерал электрик компани», которая впервые в истории электрической промышленности использовала настоящих ученых, и среди них математика Стейнметца. Последний объяснил все парадоксы переменного тока, открытые у Вестингауза и переданные Эдисону его шпионами. Впрочем, Эдисон этим не удовольствовался и сам организовал сбор сведений в Европе. Ниагарский комитет предложил ему 10 тыс. долл. за сведения, которые ему удалось добыть. Эдисон счел экспертов комитета слабоумными. После этого Ниагарский комитет предложил премию в 3 тыс. долл. за разработку вопроса о передаче электроэнергии на расстояние и ее стоимости. На этот раз посмеивался не только Эдисон. Один выдающийся английский инженер сказал: «Эти простаки хотят получить за 3 тыс. долл. сведения, которые стоят 100 тыс.». Другой английский инженер выразился более хлестко: «Ниагарская гидроэлектростанция будет строиться на основе работ, выполненных во всем мире, за которые их авторы не получили никакого вознаграждения». Так проект Ниагарской гидроэлектростанции впервые выявил значение промышленной разведки. В счетах к проекту упоминается о 75 тыс. долл., выплаченных иностранным инженерам и экспертам за технические заключения, и о 400 тыс. долл., выплаченных американцам за технические чертежи, модели машин и оборудование. Какая часть этой огромной суммы (дело происходило до 1900 г.) была выплачена за сведения о том, что мы теперь назвали бы промышленным шпионажем? Этого мы никогда не узнаем. Во всяком случае, ликвидация в 1899 году компании по строительству Ниагарской гидроэлектростанции показала, что это строительство было одной из самых рентабельных операций за всю предшествующую

историю капитализма.

Капиталисты вложили в это предприятие за 10 лет 7 044 500 долл. После ликвидации они получили 8 832 000 долл. облигациями, приносящими проценты, плюс 3 974 000 долл. акциями и 289 570 долл. наличными деньгами. Переменный ток безаварийно передавался на расстояние 30

км. Он применялся не только для освещения, но и как источник энергии для двигателей трамвая, для швейных машин и лифтов. Никто в то время не знал свойств переменного тока, однако интуиция Вестингауза взяла верх над происками Эдисона.

Одновременно с борьбой вокруг переменного и постоянного тока происходила борьба вокруг газового двигателя и двигателя внутреннего сгорания. Своеобразие этой борьбы заключается в том, что ее могло и не быть. В 1862 году французский инженер Альфонс Бо-де-Роша нашел идеальное решение, в котором принцип четырехтактного двигателя сочетался с принципом двигателя с самовоспламенением от сжатия, что позднее было изобретено Дизелем. Бо-де-Роша опубликовал свои результаты, однако… в рукописной брошюре. Видимо, никто, кроме автора, не читал этой брошюры. Ему не удалось накопить достаточно денег, чтобы сконструировать двигатель. Между тем его предвосхищения были ясны и определенны. И лишь в 1883 году пронырливым сотрудникам патентного ведомства удалось обнаружить его брошюру и воспользоваться ею, чтобы аннулировать часть патентов Отто10* на четырехтактный двигатель. Несмотря на это, к концу столетия существовало 200 тыс. стационарных двигателей такого рода, использовавшихся для приведения в движение генераторов переменного тока и динамомашин и для других целей. Но они не могли служить моторами для повозок, так же как и газовые двигатели. Нужно было ожидать появления автомобиля. Последний своим появлением, вероятно, обязан изобретению в конце столетия немцами Карлом Бенцем и Робертом Бошем электрического зажигания. Как раз в это время появилось изобретение Дизеля. Смерть Дизеля, возможно, была насильственной, что могло быть организовано шпионами. Если это так, он — первая жертва в этой специфической области. Жизнь Дизеля настолько овеяна легендами, что большую часть того, что мы сейчас расскажем, нужно излагать в сослагательном наклонении.

Идея двигателя, получившего впоследствии его имя, возникла у Дизеля, видимо, в 90-х годах XIX в., когда он увидел на одной выставке полинезийскую зажигалку. Это хитроумное устройство, работающее даже под дождем, содержит ликоподий, который воспламеняется от сжатия, когда нажимается кнопка взрывателя.

Изобретение оригинальное. Вообще полинезийцы — люди очень изобретательные. Они продолжали делать изобретения даже после прихода европейцев. Так, в XIX веке они изобрели лодку со съемной мачтой.

Итак, оставляя в стороне вопрос о том, было ли навеяно изобретение дизель-мотора полинезийской зажигалкой, заметим, что Дизель занялся изобретением того, что сам назвал «рациональным тепловым двигателем». Его идея заключалась в зажигании смеси любого топлива, в том числе пылевидного твердого топлива, со сжатым под большим давлением воздухом.

Вначале он думал о давлении порядка 250

атм. После воспламенения температура снижалась бы до температуры окружающей атмосферы. Теоретически коэффициент полезного действия такого двигателя должен был достигать 75 %, тогда как кпд газовых двигателей того времени не превышал 13 %. Кроме того, он мог бы сжигать очень дешевое топливо, например угольную пыль, вместо бензина. Не нужно зажигания, не нужно карбюратора. Дизель полагал, что можно будет даже упразднить систему охлаждения.

Обнаружились огромные практические трудности. Преодолевая их, Дизель получал патенты. У него накопилось большое количество экспериментальных данных, которые не раз пытались выкрасть. По-видимому, эти экспериментальные данные и послужили причиной его гибели.

В 1897 году он построил свой первый двигатель. Этот двигатель был еще далек от его идеала: он требовал сжигания тяжелого топлива, давления в цилиндре до 30 атм и в то же время его кпд составлял всего 26 %. Тем не менее Дизель смог продать несколько лицензий. Постепенно, ценой больших усилий и огромных денежных затрат, он усовершенствовал свой двигатель. Спустя 15 лет, в 1913 году, дизель-моторы начали поступать в продажу. Дизель отправился на пароходе в Англию для ведения важных переговоров, взяв с собой портфель, туго набитый самыми секретными документами, и бесследно исчез с палубы при загадочных обстоятельствах. Говорили и о несчастном случае, и о самоубийстве, и об убийстве его шпионами, стремившимися похитить секреты, в частности высказывали подозрения в отношении агентов германской разведки. Немецкие военные не хотели, чтобы накануне войны, которую они тщательно подготавливали, англичане располагали секретом дизель-мотора. Истины доискаться не удалось. Так и не был сконструирован идеальный дизель-мотор, каким хотел видеть его изобретатель. Тем не менее дизель-мотор играл и играет чрезвычайно важную роль. Он применяется как в стационарных, так и в подвижных установках: он служит двигателем судов, грузовиков и даже легковых автомобилей. Из-за своей тяжести он не нашел применения лишь в авиации.

Смерть Дизеля произошла в той, пожалуй, типичной ситуации, которая часто используется в романах, фильмах и книгах, претендующих на «раскрытие» подоплеки махинаций финансистов и промышленников: смерть изобретателя, убитого агентами трестов, которые не желали реализации его изобретения.

В действительности, по-видимому, официальных доказательств подобных фактов никогда не приводилось. Однако несомненно, что в крупных промышленных компаниях, как и в любой организации, где возможна анонимность, люди не останавливаются перед преступлением. Отвратительный пример в этом отношении являет собой крупная германская компания «ИГ Фарбениндустри», которая во время второй мировой войны покупала у дирекции нацистских концентрационных лагерей польских женщин, чтобы испытывать на них действие удушающих отравляющих веществ, и которая затем жаловалась Гиммлеру, что 40 марок за одну женщину — это слишком дорого!

В процессе работы над этой книгой мной не было найдено ни одного доказательства убийства какого-либо изобретателя шпионами. Нельзя найти и много доказательств глушения изобретения по той причине, что оно ущемляло чьи-либо интересы. Зато довольно часто — и к этому нередко стали прибегать уже с конца XIX века — какая-либо компания покупает изобретение, не представляющее ценности, чтобы «обойти» патенты другой компании, создать таким образом угрозу ее монополии и при случае добиться падения курса ее акций. Эдисон в своих мемуарах рассказывает, как финансист Гульд просил его обойти патенты «Вестерн юнион компани», которая запатентовала все возможные формы электромагнитного реле. Эдисон открыл, что влажный мел имеет коэффициент трения, который значительно снижается, когда через него пропускается электрический ток. Таким образом, подвижная деталь, движение которой обычно тормозится мелом, скользит, когда через мел пропускается электрический ток. Это открытие позволило Гульду объявить, что монополии «Вестерн юнион» пришел конец, и успешно играть на понижении курса ее акций на нью-йоркской бирже.

Ясно, что Гульд узнал, на какие патенты сделаны заявки компанией «Вестерн юнион», и, может быть, было бы нескромно спрашивать, каким образом он это сделал.

Этот пример показывает, что с конца XIX века промышленный шпионаж был направлен не только на выкрадывание формул и методов, но и на выявление заявок на получение

патентов, сделанных компаниями. Кстати сказать, вся жизнь Эдисона была непрерывной борьбой в защиту своих интересов, и он не раз протестовал против приобретения за бесценок промышленными компаниями и банками изобретений, которые впоследствии были использованы для блокирования его патентов или для ведения конкурентной борьбы с изобретениями, которые он сделал ценой больших усилий. И здесь мы усматриваем появление новой формы разведки в промышленности: выявление изобретений в самой начальной их стадии, выявление изобретателей и мелких лабораторий, терпящих финансовые затруднения, позволяющее затем завладеть последними. Мы увидим далее, что такого рода разведка развивается все больше и больше.

Те, кто занимается этой формой промышленного шпионажа, решительно открещиваются от нее, утверждая чаще всего, что ученые по своей натуре анархисты, что они стараются работать на себя, а не на общество и что у них нужно изымать их изобретение, как только оно доведено до стадии, позволяющей промышленное использование последнего. В такого рода рассуждениях сквозит недобросовестность, ибо в конечном итоге правом располагать изобретением по своему усмотрению должен пользоваться только изобретатель. Но это не всегда так.

В наши дни изобретатели-одиночки могут обратиться к государственным органам, которые имеют достаточно возможностей для реализации изобретений на благо общества. В Англии этим занимается «Нешнл девелопмент компани». Во Франции такой орган только создается, это — «Ажанс насьональ пур ля валоризасьон де ля решерш» («ЛНВАР»). Он учрежден законопроектом, утвержденным парламентом 30 ноября 1966 г. 20 апреля 1968 г. его директором был назначен Морис Понт. Вот как комментировал это назначение научный журналист Никола Вишне в газете «Монд» от того же числа: «Учрежденный при Национальном центре научных исследований и подчиненный, таким образом, министерству просвещения, «АНВАР» имеет задание реализовывать в промышленных целях работы по фундаментальным исследованиям, выполняемые в различных лабораториях Национального центра научных исследований. Таким образом, агентство должно пытаться перекинуть мост между учеными, которые во Франции очень часто пренебрегают практической пользой, которую можно извлечь из их работ, и промышленниками, которые, со своей стороны, часто плохо информированы о работах, ведущихся в лабораториях фундаментальных исследований. «АНВАР», с которым, очевидно, будет объединено нынешнее патентное управление Национального центра научных исследований, должен будет извлекать из научных работ все, чему может быть найдено промышленное применение, и сообщать результаты своих изысканий заинтересованным фирмам. Функции этого органа в высшей степени деликатны: он должен одновременно выявлять изобретения и служить посредником. Таким образом, его успех в значительной мере будет зависеть от влияния, которым будут пользоваться его руководители как среди ученых, так и среди промышленников. Поэтому выбор его директора приобретает большое значение».

Между тем такого рода организации появились совсем недавно. Их не было ни в XIX веке, ни в период между двумя мировыми войнами. Поэтому многие изобретения использовались как орудия в конфликтах между фирмами, компаниями или трестами, и часто с их реальной значимостью не особенно считались.

Такие случаи происходили чаще, чем случаи простого ограбления изобретателя или замалчивания открытия.

Для правильного понимания значения промышленного шпионажа в конце XIX века необходимо принять во внимание, что именно в этот период были учреждены первые компании, «делающие» изобретения по заказу. В наше время эта плодотворная идея получила широкое распространение. Мы должны быть признательны за нее Эдисону. Можно без преувеличения сказать, что мысль о том, что по заказу можно изобретать все, что угодно, куда важнее, чем любое отдельное изобретение. Эта идея пришла в голову Эдисону при

удивительных обстоятельствах. В 1870 году его пригласили на работу в компанию, занимавшуюся покупкой и продажей золота в Нью-Йорке, и предложили разработать систему телетайпа, или, точнее, систему, аналогичную, хотя и примитивную, современному телексу. Эта компания регулярно сообщала цену золота почти во все концы света. Вскоре после приглашения Эдисона в компанию группе спекулянтов удалось организовать трест, монополизировавший всю торговлю золотом в США, и вызвать крупнейший в финансовой истории страны кризис. С высоты своей кабины, откуда он по телеграфу сообщал курсы золота, Эдисон видел драки на бирже, видел обезумевшего банкира, которого с трудом усмирили пять человек, видел всеобщее безумие. В своих мемуарах он рассказывал: «В это время в мою застекленную кабину вошел телеграфист «Вестерн юнион» и сказал: „Как хорошо быть бедным, старина! Нам, по крайней мере, терять нечего!“».

Что же до Эдисона, то он заключил из этого, что на телетайпе, который в то время работал медленно и нечетко, можно заработать. Спустя шесть дней он ушел с работы и основал компанию по совершенствованию телетайпов. Будучи обязанным указать свою профессию при регистрации устава компании, он назвал себя «инженером-электриком», что является теперь довольно распространенным термином. Он был первым в мире инженером-электриком и первым независимым изобретателем «по заказу». В последней четверти XIX века было основано множество такого рода фирм, которые, разумеется, стали мишенями промышленных шпионов.

Первым законодательство об охране промышленных секретов принял штат Нью-Йорк, за ним последовали другие. Тем не менее число шпионов не переставало расти. Порой к шпионажу примешивался саботаж. Вот один из примеров этого. Известный американский оружейный заводчик Ремингтон посетил прусского короля, который должен был закупить 20 тыс. винтовок, и лично вручил ему одну винтовку. Король произвел выстрел, винтовка дала осечку. Он снова пытался произвести выстрел, снова осечка. Король швырнул винтовку, выругался и тотчас же собственноручно разорвал контракт. Саботажники, вероятно подкупленные конкурентами, вложили в эту винтовку непригодные патроны.

Впрочем, компания «Ремингтон» отличилась во время осады Парижа. После сенсационного бегства Гамбетты на воздушном шаре представитель компании «Ремингтон» в Париже Рейнольде поручил изготовить для себя воздушный шар, перелетел на нем в оккупированную немцами Францию и предложил пруссакам винтовку «Ремингтон». На сей раз инцидент был предан забвению, и компания «Ремингтон» получила, наконец, заказ. Все это привлекло пристальное внимание, и следственные комиссии, назначенные американским сенатом, пришли к выводу о необходимости выработки антитрестовского законодательства.

Названные следственные комиссии вскрыли не только существование необычной практики в американской оружейной промышленности, но и некоторых необычных поединков, в частности поединка между Шнейдером и Круппом. Так, в 1902 году Шнейдер пытался продать 75-миллиметровые пушки бразильскому правительству. Однако накануне демонстрации пушек склады с ними были подожжены, и демонстрация не состоялась. Шнейдеру, видимо, удалось доказать, что эта операция была совершена тайными агентами Круппа, и он заявил, что это вопиющий случай в торговой практике.

Год спустя французам удалось выгрузить свои боеприпасы, однако бразильские железные дороги отказались перевезти их в глубь страны: они считали их слишком опасными. Французы все-таки сумели выйти из затруднительного положения в условиях, достойных известного романа «Плата за страх». Однако Крупп не признал себя побежденным. Бразильское правительство получило ложное донесение о том, что французы поставляют оружие Перу, которое в то время было врагом Бразилии. Впрочем, авторы донесения невольно выдали свое тайное намерение, указав, что хорошо было бы для Бразилии закупить оружие у Круппа, чтобы обороняться от перуанцев.

Это была поистине романтическая эпоха для торговцев пушками, когда никто не препятствовал торговле, налагая эмбарго или ведя компанию в печати.

Торговцы пушками с конца XIX века и до первой мировой войны гордились своей профессией. Крупнейший из них — сэр Базиль Захаров11 заказал золотой поднос для визитных карточек лиц, желавших видеть его. На этом подносе были выгравированы слова: «Сэр Базиль Захаров шантажу не поддается».

В те времена национализм не был так распространен, как в наши дни. Работа на другую страну, даже в области исследований военного характера, ни у кого не вызывала удивления. Так, частные изобретательские бюро в США работали на немцев, а в Германии — на англичан. И промышленный шпионаж начал переплетаться с военным.

Мы увидим далее, что по мере развития военной техники будет разрастаться и переплетение промышленного и военного шпионажа. Начало этому положила первая мировая война. Подробнее об этом мы расскажем в следующей главе.

Кажется, что эпизод, о котором мы сейчас расскажем, выхвачен из романа «20 тысяч лье под водой» Жюль Верна, и, может быть, эта книга вдохновила действующих лиц этой истории. Один взбунтовавшийся ирландец по имени Холланд изобрел «карманную» подводную лодку, желая использовать ее в войне с Англией совсем как капитан Немо у Жюль Верна. США решили принять на вооружение военного флота подводную лодку под названием «Холланд». Американский адвокат Исаак Райе, которому принадлежало частное изобретательское бюро, купил патент Холланда, финансировал проектирование подводной лодки и учредил компанию по строительству таких лодок. Почти немедленно было заключено соглашение между этой компанией и английской группой Виккерса, и изобретение, предназначавшееся для борьбы с Англией, было поставлено на службу англичанам.

А с 1901 года почти во всем мире приступили к строительству подводных лодок такого типа. Позднее были назначены следственные комиссии. Весьма вероятно, что чертежи были проданы Германии и что подводные лодки, благодаря которым Германия едва не выиграла войну 1914–1918 годов, были ирландского происхождения.

На угрозу немецких подводных лодок обратил внимание «отец» Шерлока Холмса — сэр Артур Конан Дойл. За два года до мировой войны в новелле под заголовком «Опасность» он поведал о том, какую опасность представляют подводные лодки. Однако тогда никто ему не поверил.

Чертежи, похищенные у англичан и американцев, продолжали циркулировать по всему миру с 1902 по 1914 год, и цена их постепенно падала. Этим воспользовались японцы. Видимо, никакие меры предосторожности не принимались. Очевидно, никто ни у Виккерса, ни в «Электрик бот компани» не слышал об идеях Круппа относительно безопасности в промышленности. Но зато Жюль Берн ничего не упустил из этой истории и, соединив идею «карманной» подводной лодки с идеями ракеты и атомной бомбы, написал новый роман «Равнение на знамя».

Один полусумасшедший изобретатель узнал в герое этой книги себя и, исходя из принципа, что верят только богатым, возбудил дело против Жюль Верна, использовавшего только такие данные, которыми в то время располагали все. В данном случае мы имеем прекрасный пример взаимодействия действительности и научной фантастики. После Жюль Верна и другие французские авторы научно-фантастических романов, в частности Поль д'Ивуа, Жиффар и Робида, подхватили материалы о «карманной» подводной лодке и блестяще использовали их: д'Ивуа — в «Корсаре Триплексе», Робида — в «Адской войне». Чертежи Робиды, иллюстрирующие его роман, совершенно замечательны и, пожалуй, могли бы быть использованы для строительства современных «карманных» подводных лодок. Для 1911 года

они просто поразительны.

Любопытное явление: шпионы конца XIX и начала XX века, видимо, не интересовались авиацией. Может быть, они полагали, что она относится к области научной фантастики. Г. Дж. Уэллс в «Войне в воздухе» рассказывает о таинственном исчезновении изобретателей воздухоплавательных аппаратов тяжелее воздуха, однако, видимо, в данном случае он пользовался больше фантазией, чем своими превосходными источниками информации. Незадолго до первой мировой войны французская контрразведка напала на след агентства промышленного шпионажа, которым руководил некий Петерсен. Отправной базой деятельности агентства вначале служила Норвегия, затем — Бельгия, а позднее — Швейцария. Оно гонялось за секретами английских судоверфей и вербовало агентов, трое из которых были задержаны. Это были Генрих Гроссе и супруги Шредер. Шредер был приговорен к трем годам тюрьмы. Что касается г-жи Шредер, то судьи заявили, что преследовать по суду женщину неблагородно. Это было доброе старое время. Может быть, в случае военного шпионажа судьи поступили бы иначе. И уж совсем маловероятно, чтобы в современном судебном деле о промышленном шпионаже был проявлен такой рыцарский дух. Было бы интересно провести параллель между делом агентства Петерсена и приключениями Шерлока Холмса, в частности сравнить его с делом о планах Брюса-Партингтона,12 но это завело бы нас слишком далеко.

Если мы, по-видимому, не можем обвинять тресты в умышленном уничтожении нежелательных для них изобретений, то в то же время мы можем сообщить, что в царской России существовало подчиненное особе императора отделение зловещей охраны по надзору и уничтожению слишком опасных изобретений. Так, когда профессора Филиппова, который изобрел способ передачи на расстояние по радио ударных волн взрыва, нашли в 1903 году мертвым в его лаборатории, то по особому указу императора Николая II его документы были изъяты и уничтожены, а лаборатория разрушена. Вероятно, Николай II спас человечество, ибо подобные средства передачи на расстояние по радиорелейной линии ударных волн и энергии атомного взрыва или взрыва водородной бомбы могли быть равнозначны возможности уничтожения земного шара!

Известны и другие изобретения, обнаруженные и уничтоженные по приказу царя. Это — совершенно уникальный в своем роде аспект промышленного и научного шпионажа.

5 ГЛАВА

СЕКРЕТЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Когда первая мировая воина начала захлебываться в грязи траншей, воюющие стороны стали искать секретное оружие и вскоре убедились, что его может дать только промышленность. Тем самым промышленный шпионаж приобретал такое же важное значение, как и военный.

Первой его мишенью был крупный немецкий ученый Фриц Габер, который изобрел удушающие отравляющие вещества и прожил достаточно долгую жизнь, чтобы убедиться, что тот, кто сеет смерть, пожинает нацизм. Это был человек, в котором большое дарование сочеталось с ребяческой хвастливостью. Еще в 1904 году он отличился в промышленной химии, синтезировав аммиак из азота и водорода. Габер открыл, что синтез происходит при температуре 500° и под давлением 200

атм. Он устроил демонстрацию опыта в 1909 году и построил первый завод в 1912 году.

Германия в 1914 году надеялась на «молниеносную» победу. Тем не менее наступление на Париж было остановлено на Марне. Немцы поняли, что они не имеют достаточного количества азота, чтобы обеспечить одновременно работу промышленности взрывчатых веществ и промышленности синтетических удобрений. Обычно Германия получала удобрения (естественные) из Чили, однако английская блокада пресекла эти поставки. Возникла угроза голода и катастрофы. Император воскликнул: «Да покарает бог Англию!». Но сделать он ничего не мог. Габер же приступил к действиям, и его заводы давали одновременно и взрывчатые вещества, и искусственные удобрения. Если в 1913 году Германия производила 6,5 тыс. т синтетического аммиака в год, то в 1918 году — 200 тыс. т аммиака. Вот почему именно к этому спасителю родины обратился генеральный штаб, прося его разработать оружие, которое положило бы конец позиционной войне и обеспечило бы победу. Габер предложил удушающие отравляющие вещества. Пришел ли он к этой мысли самостоятельно или позаимствовал ее из научно-фантастических романов, в частности из столь популярной в Германии «Борьбы миров» Уэллса? Мы этого не знаем. Вскоре он предложил хлор. Для защиты немецких солдат за шесть месяцев им же был сконструирован противогаз. Никакие моральные соображения его не останавливали. Тем из своих близких, которые упрекали его в том, что он ввел в обращение новое ужасное оружие, Габер спокойно отвечал, что тремя большими новшествами в военном искусстве являются газы, авиация и подводные лодки. Авиация, говорил он, популярна потому, что она восстановила единоборство в войне; подводная лодка стала популярной потому, что она действует скрытно и вне поля зрения большинства людей; следовательно, для тех, кто питает отвращение к войне, не остается ничего другого, кроме удушающих отравляющих веществ. Как видим, он не был лишен цинизма.

22 апреля 1915 г. в Ипре было испытано секретное оружие Габера. Облако удушающих отравляющих веществ уничтожило две французские дивизии и вызвало большие потери среди англичан и канадцев. Затем направление ветра изменилось. Газовое облако надвинулось на немецкие войска. В результате погибли сотни немцев. Габер по этому поводу сказал, что нельзя приготовить омлет, не разбив яйца, и что эксперимент показателен.

В то время в Германии жил француз по имени Шарль Люсьето — тайный агент, прекрасно владевший немецким языком. Им оставлены интересные мемуары. Умер он при загадочных обстоятельствах: был отравлен в 30-х годах, когда начал разоблачать гитлеровские военные приготовления.

Люсьето сначала «засек» завод удушающих отравляющих веществ в Мангейме, затем заметил, что транспортировались эти вещества не на фронт, а на заводы Круппа! После этого он отправился в Эссен, где натолкнулся на кордон безопасности, установленный вокруг заводов колоссального концерна Круппа. Если бы Люсьето схватили, он был бы немедленно расстрелян. Тем не менее он не дрогнул. Люсьето подружился в кафе с одним из полицейских, охранявших заводы Круппа. Полицейский за кружкой доброго немецкого пива рассказал, что Крупп получает газ для производства химических снарядов. Люсьето заметил ему: «Но это с научной точки зрения невозможно: эти полые снаряды взорвались бы еще до вылета из пушки». После долгого спора крупповский полицейский заключил пари на 2 тыс. марок, сказав, что сможет показать Люсьето полигон, где испытывают химические снаряды. Они устроились в укромном уголке полигона. Появилась вереница военных автомобилей в сопровождении эскорта. Из одного автомобиля вышел… сам император Вильгельм II. Если бы Люсьето имел винтовку с оптическим прицелом, он смог бы изменить ход истории, но при нем не было даже револьвера, о чем он сожалел потом всю жизнь. Военный оркестр исполнил «Рейнский марш». Началось испытание. Были произведены выстрелы из морских пушек по стаду баранов. Баранов обволокло зеленое облако — и они упали замертво. Люсьето воскликнул: «Это великолепно! Германия выиграет войну! Я рад дать эти 2 тыс. марок». Он дал деньги и спросил: «Можно, я возьму малюсенький кусочек осколка снаряда на память об этом незабываемом дне?». Крупповский полицейский ответил: «Я не возражаю, но

лучше, если я сам пойду за осколком, ведь меня здесь знают». Так и сделали. А через три дня осколок снаряда был в Париже в руках одного из выдающихся химиков, который подверг его тщательному анализу. Его имя заслуживает упоминания. Это был профессор Эдмон Бейль, сумевший разложить ультрасекретный немецкий газ — трихлорметиловый эфир хлоругольной кислоты, ничтожное количество которого содержалось еще в присланном Люсьето осколке снаряда.

Союзники, со своей стороны, открыли другие газы. Началась газовая война. Когда после войны Люсьето провел детальное обследование, он узнал, что один немецкий дезертир, у которого имелся противогаз, пытался уведомить об опасности газовых атак союзников. 13 апреля он дошел до Лангемарка. Об этом стало известно генералу Ферри, который командовал 2-й французской пехотной дивизией. Ферри направил донесение, но ему не поверили. Он получил выговор за то, что непосредственно предупредил англичан, минуя штаб Жофра. После газовой атаки Ферри вторично получил выговор, а затем был уволен за то, что оказался прав.

Продолжим рассказ о Габере. После поражения он продолжал защищать Германию и немецкую науку. Германия «вознаградила» его: в 1933 году его начали преследовать как еврея. Он отправился в Англию, где немедленно начал работать в Кембридже в лаборатории У. Дж. Попа.

Габер допустил оплошность, высказав вслух свои мысли о Гитлере. После этого германское правительство возбудило преследование против спасителя Германии по обвинению в вероломных чувствах. Это было ударом для Габера. Умер он в 1934 году от сердечного приступа, когда находился на отдыхе в Швейцарии. Всю свою жизнь он работал для своей страны, или, по крайней мере, для той страны, которую считал своей. В частности, он пытался добыть золото, содержащееся в ничтожном количестве в морской воде, чтобы покрыть военные долги Германии. Гитлер успел показать ему, что со старой Германией покончено и что на смену ей пришло нечто другое.

А обследование Люсьето относительно удушающих отравляющих веществ остается образцом успешной секретной миссии. В то время когда газовая война была в полном разгаре, воздушная война видоизменялась и превращалась, с одной стороны, в серию поединков между такими героями воздуха, как Гинемер и Рихтгофен, с другой — в серию бомбардировок гражданского населения. Эти бомбардировки вначале производились германскими дирижаблями жесткой системы — цеппелинами. Разведывательные органы союзников немедленно занялись поиском секретов производства этих летательных аппаратов. Они могли бы разобраться во многих секретах, прочитав научно-фантастический роман Г. Уэллса «Война в воздухе», но им не пришло в голову сделать это. Случай дал в руки союзников обломки сбитого над Англией цеппелина, который частично был построен из нового сплава: дюралюминия. Тотчас в Германию заслали шпионов для выяснения технологии производства нового сплава.

13 октября 1912 г. граф Цеппелин совершил продолжительный испытательный полет. Полет проходил над Германией, но вскоре после этого начали видеть цеппелины над Англией. Была ли это коллективная галлюцинация или первое появление того, что теперь называют «неопознанными летающими предметами», трудно сказать. Однако в 1913 году и до начала войны в 1914 году над Англией видели цеппелины-призраки, и, несомненно, они не были германского происхождения. Это привлекло к себе внимание, и английские разведывательные органы стали проявлять все больший интерес к заводам Фридрихсхафена и Мангейма-Рейнау, где строили цеппелины. Основным секретом производства был дюралюминий, однако имели большое значение и другие технические секреты, в частности использованные клеи и герметизация.

21 ноября 1914 г. английская авиация подвергла бомбардировке Фридрихсхафен. По нашим

масштабам — бомбардировка совершенно незначительная: из Бельфора вылетели 3 биплана с четырьмя 10-килограммовыми бомбами в каждом. Все же разрушения были значительны, но один самолет был сбит. Во время перелета была нарушена швейцарская граница, а протесты Швейцарии были настолько резкими, что налеты прекратились. 15 декабря 1914 г. новый цеппелин-призрак появился над Англией. И этот не был германским, однако, поскольку на следующий день германский флот подверг бомбардировке три английских порта — Хартлпул, Уитби и Скарборо, в Англии решили, что это была разведка. На рождество того же года английские гидросамолеты подвергли бомбардировке базы цеппелинов.

Настоящие цеппелины впервые бомбардировали Англию в ночь на 20 января 1915 г. Германская печать поговаривала о полном уничтожении Англии посредством воздушных бомбардировок. Несколько бомб было сброшено и на Кале. Затем наступила очередь Лондона и Парижа. Стали говорить о желательности производства цеппелинов, но не был известен процесс плавки дюралюминия, а без этого ничего нельзя было сделать.

Не имея возможности воспроизвести цеппелин, пытались изобрести новое секретное оружие, которым можно было бы уничтожать цеппелины, в частности управляемые по радио торпеды и лучи смерти.

Все это не дало ощутимых результатов, а бомбардировки продолжались. Они не вызывали больших разрушений. Самый большой ущерб, который они нанесли, — это уничтожение огромных запасов виски в Лейте!

Англичане не придавали этим бомбардировкам особого значения. Немцы же, наоборот, взяли за обыкновение настолько раздувать сводки, что начали сами серьезно верить в возможность уничтожения Англии с помощью цеппелинов.

В 1916 году англичане в поисках секретного оружия против цеппелинов нашли два вида оружия, которые испытали одновременно. Бакингем изобрел фосфорную зажигательную пулю, а майор Брок — разрывную пулю. Стреляя одновременно обеими пулями, можно было разрывными пулями пробивать жесткую оболочку цеппелина, а зажигательными — воспламенять выходивший из пробитой оболочки водород. Это было катастрофой для цеппелинов, и немцы сочли эти изобретения «дьявольскими». За первый сбитый таким образом цеппелин англичанин Робинсон получил Крест Виктории.

Шпионаж вокруг баз цеппелинов усилился до такой степени, что в августе 1916 года командир эскадрильи цеппелинов майор Штрассер запретил командирам цеппелинов обсуждать свои оперативные планы с членами экипажа или офицерами наземной армии, которые охраняли базы. Несмотря на эти меры предосторожности, англичане продолжали получать сведения о вылетах цеппелинов. Хотелось бы знать — каким образом? Однако спустя и 50 лет после этих событий Интеллидженс сервис все еще хранит свои секреты. Но тот факт, что Лондону не удалось добыть технические данные о цеппелинах, видимо, указывает на то, что промышленный шпионаж англичан был явно менее совершенен, чем их военный шпионаж.

Во всяком случае, немцы увеличили число налетов, в особенности на Лондон. 2 сентября 1916 г. Лондон бомбардировали одновременно 12 цеппелинов. Это был самый большой налет за все время войны. Три цеппелина удалось сбить. Англия начинала брать реванш. В ответ на это немцы начали строить цеппелины, поднимавшиеся на большую высоту. На первый план выдвинулись проблемы, аналогичные тем, которые выдвигает теперь освоение космоса: конструирование респираторов, искусственная атмосфера в резервуарах сжиженного воздуха, а также проблемы аэронавигации, которые осложнялись вследствие несовершенства управления по радио в то время. Больше того, англичане быстро установили частоты, использовавшиеся немцами для управления по радио цеппелинами, и благодаря этому смогли впоследствии блокировать их.

Этот новый способ ведения войны ознаменовался в 1917 году большим успехом научных отделов Интеллид-женс сервис: им удавалось определять местоположение цеппелинов по их радиопередачам, благодаря чему цеппелины подвергались атакам гидросамолетов. Эти гидросамолеты, специально оборудованные для борьбы с цеппелинами, в течение большей части 1917 года оставались секретным оружием. И все же в 1917 году секрет цеппелинов раскрыли. 24 мая 1917 г. цеппелин «Л-49», уцелевший после атаки, приземлился в Бурбон-ле-Бэн и был захвачен союзниками. Со всей тщательностью его осмотрели лучшие инженеры: были сделаны подробные чертежи и розданы всем союзникам. Впоследствии американцы построили дирижабль жесткой системы «Шенандоа», скопировав его с «Л-49» и использовав многие из его технических секретов. Это была эпоха, когда техника была относительно простой и достаточно было иметь под рукой совокупность технических данных, чтобы построить дирижабль. Кстати, отметим, что в «Л-49» был найден боевой приказ германскому подводному флоту: «Л-49» часто встречался с подводными лодками в океане. Перехват этого боевого приказа и закодированных документов, которые удалось дешифровать, дал возможность приступить к массовому уничтожению германских подводных лодок. Так поворотный пункт в воздушной войне явился поворотным пунктом и в подводной войне.

Английские и американские разведывательные органы весьма вежливо признали, что своей победой они в огромной мере обязаны французским жандармам, которые не дали возможности экипажу дирижабля «Л-49» уничтожить его.

Другой цеппелин — «Л-51» был перехвачен частично: его гондола зацепилась за дерево и осталась на земле, тогда как сам дирижабль был унесен ветром и погиб в Средиземном море, к сожалению, с большей частью своего экипажа. Катастрофы стали учащаться. Погиб командир немецких военных дирижаблей — Петер Штрас-сер. Последняя крупная атака цеппелинов окончилась их беспорядочным бегством.

Германия потерпела поражение. После войны большое число запасных частей и даже целых моторов дирижаблей пропало в общем хаосе и позднее их стали продавать в Швеции, где возник необыкновенный черный рынок, обороты которого составляли миллионы марок. Некоторое число дирижаблей было включено в воздушные флоты союзников, в частности французский «Диксмюд», и английский «Р-III» — это бывшие цеппелины.

Однако не все секреты цеппелинов были разгаданы. В 1921 году американцы обратились за помощью к немцам для строительства цеппелина типа «Л-70», который был использован американским военно-морским флотом под названием «Лос-Анджелес». А осенью 1924 года союзники снова разрешили немцам строить цеппелины, поскольку сами не в состоянии были сделать это.

Дирижабль не настолько устарел, как обычно думают. Американский военно-морской флот имеет весьма усовершенствованные дирижабли, и один из них — «ЗПГ-2» — продержался в воздухе в течение 11 дней. Экипаж его составляет 24 человека. Дирижабль был оснащен радиолокационными установками, а его оболочка была наполнена гелием. Другие дирижабли используются для охоты за подводными лодками и воздушного наблюдения. В настоящее время предполагается строительство дирижаблей без газа, из сверхпрочного металла, в которых был бы создан вакуум. Дирижабли такого типа с атомным двигателем могли бы служить платформой для запуска лунных ракет. Германия потеряла секрет цеппелинов, но, может быть, когда-нибудь она восполнит этот пробел, создав мощную промышленность атомных дирижаблей.

История с дирижаблями привлекла внимание к двум вопросам:

• к вопросу о необходимости промышленного шпионажа;

• к вопросу об огромной технической отсталости союзников, в частности Англии, по сравнению с Германией. Эта отсталость была так велика, что Англия вынуждена была через посредство нейтральных стран получать красители из Германии для крашения солдатских шинелей!

Кроме того, война показала следующее: лучше верить информации секретных органов, если даже эта информация в техническом отношении представлялась неправдоподобной. Так, французские тайные агенты дали точные сведения о 420-миллиметровых пушках Шкоды, которые разрушили бельгийские укрепления в Льеже, Намюре и Антверпене. Им не поверили. Немецкие агенты дали подробные сведения о танках, Им тоже не поверили.

Совершенно недооценивались возможности радио, и только зимой 1918 года союзники сбросили на парашютах на оккупированную территорию радиопередатчики с указанием способа пользования ими. Это были радиопередатчики «Маркони» с 4 аккумуляторами, сухими элементами в 400

в, складной антенной длиной 30

м, необходимой для малочувствительных приемников тех времен, и дальностью приема примерно в 60

км. Обращаться с этими передатчиками было легко. К ним были приложены инструкции для собирания военных разведывательных данных и зашифровывания передач. Они могли бы быть сконструированы намного ранее, если бы несколько раньше было понято значение электроники.

В то же время союзники основательно разработали технику, которая оказала большую услугу как военному, так и промышленному шпионажу, но в особенности последнему: технику кражи со взломом и вскрывания сейфов. Крупный специалист в этой области носил странное имя: Батист Травай. Он был известен также под кличкой «Король алиби». Все были убеждены, что именно он вскрыл в 1911 году сейф компании «Мессажери маритим», однако Траваю удалось доказать свое алиби. Батист Травай работал на союзников в Швейцарии. Он занимался также обучением своему ремеслу. Он и его ученики продолжали работать и после войны, и в технике кражи со взломом ими были достигнуты исключительные успехи. Жертвами этих успехов были главным образом германские и австрийские промышленники. Таким путем большое число германских технологических процессов стало достоянием Англии, Франции, Италии и США.

Работа шпионов была облегчена широкими контактами между промышленниками воюющих стран. Возмущенный Анатоль Франс писал: «Мы думаем, что они умирают за свою родину, они умирают за промышленников». Например, французские промышленники окольными путями поставляли немцам никель из Новой Каледонии. В свою очередь, немецкие промышленники поставляли французской военной промышленности оборудование и химикаты для взрывчатых веществ и искусственных удобрений. Сложный обмен осуществлялся через посредство Голландии, Швеции и Испании, и этот обмен широко использовали шпионы обоих лагерей. Кроме того, во время переправы через границы шпионов и денег переправляли контрабандным путем и стратегические материалы. Впрочем, немцы, нарушая все принципы нейтралитета, задержали некоторых шпионов на голландской территории. Один из этих шпионов-контрабандистов — продавцов стратегических материалов, француз Крезен, был схвачен в Голландии и содержался в течение трех лет в германской тюрьме очень сурового режима. После освобождения он пытался отомстить за себя сенсационным образом — отравить кайзера, когда последний бежал в Голландию. Повар знаменитого беглеца выдал Крезена полиции и таким образом спас кайзера. Голландцы, поставленные в чрезвычайно затруднительное положение, выслали Крезена в Бельгию. Неизвестно, что сталось с ним впоследствии и продолжал ли он мстить.

Вскоре после его задержания, в 1915 году, немцы установили электрический барьер вдоль границы между Бельгией и Голландией. Быстро убедившись, что постоянное пропускание тока в заграждении такой длины обходится очень дорого, они начали включать ток время от времени. Очевидно, нетрудно было разработать устройство, аналогичное буссоли, обнаруживающее магнитное поле тока, если он постоянный, или, например, отклонение стрелки показало бы наличие переменного тока. Этого, однако, не было сделано, и многие шпионы и пленные, пытавшиеся наудачу пройти через барьер, были убиты током. В конце концов была изготовлена резиновая одежда, предохраняющая от поражения электрическим током. Одежда была черного цвета, и поэтому носившие ее практически были невидимы с наступлением темноты. Было лишь одно неудобство: несколько комплектов такой одежды было добыто германской полицией и впоследствии всех, кто в такой одежде оказывался по соседству с заграждением или у кого во время обыска находили сходную одежду, почти наверняка расстреливали. В дальнейшем союзники вынуждены были прибегнуть к промышленному шпионажу, чтобы выяснить, в какой момент ток выключался. В наше время, несомненно, в подобном случае применили бы детекторы.

Параллельно с промышленным шпионажем правительств во время первой мировой войны широкое распространение получил промышленный шпионаж крупных компаний, производящих оружие. По правде говоря, крупные торговцы пушками, такие как Максим или Захаров, всегда имели замечательно развитую секретную службу, Максим, например, подверг анализу бездымный порох, который предложил ему один немецкий изобретатель и формулу которого хотели продать ему за 35 тыс. ф. ст. Анализ образца бездымного пороха позволил открыть секрет его производства, и немецкий изобретатель лишился причитавшегося ему вознаграждения. После этого случая изобретатели воздерживались иметь дело с Максимом, который, не колеблясь, выкрадывал их секреты.

Максимом был изобретен пулемет нового типа, который он продал многим странам. Большие неприятности ему причинял знаменитый соперник — пушечный король Базиль Захаров. Так, когда Максим для демонстрации итальянцам в Специи своего скорострельного пулемета прибыл на полигон с герцогом Генуэзским и целой свитой итальянских специалистов и генералов, два артиллериста, которые должны были провести демонстрацию, валялись на земле мертвецки пьяные. Их споили накануне в кабаке агенты Захарова. Более серьезный саботаж имел место в Вене: не только были усыплены стрелки, но и был поврежден пулемет. Тем не менее Максим получил заказ на 150 пулеметов. Что касается Захарова, то это был особого склада романтик. Он руководил одновременно крупным оружейным предприятием и огромной организацией промышленного шпионажа и саботажа, которая, согласно лучшим традициям детективных романов, называлась «Сеть ZZ». Не раз говорилось, что «Сеть ZZ» работала во время первой мировой войны на оба блока. Это правдоподобно. Конечно, Базиль Захаров не из тех людей, которые могли испытывать угрызения совести, и «Сеть ZZ» выкрадывала и перепродавала многочисленные военные секреты, в том числе и французские. С другой стороны, «Сеть ZZ» контролировала как в Великобритании, так и во Франции и Германии большое число частных полицейских агентств. Позднее одно из этих агентств — агентство Монди Грегори приобрело печальную известность в Англии: его директор за хорошую мзду добивался предоставления своим клиентам титула лорда. Это был один из крупных скандалов периода между двумя мировыми войнами.

Захаров разработал очень совершенную систему взяток. Вот как это делалось, например, в России: Захаров приходил к какому-либо влиятельному чиновнику и говорил ему в разговоре: «Сегодня у нас четверг». Между тем разговор происходил в среду, на что тут же указывал ему чиновник. Тогда Захаров, настаивая на своем, заключал пари на 10 тыс. рублей и… «проигрывал».

Во время первой мировой войны разведывательные данные «Сети ZZ», видимо, обусловили возможность и конструирования германских подводных лодок, и ведения борьбы с ними. Немцы, как видно, довольно быстро раздобыли чертежи изобретенного во Франции

Шиловским и Ланжевеном устройства, использующего ультразвук для обнаружения подводных лодок, однако не придали им достаточно серьезного значения. Как мы увидим далее, только во время второй мировой войны были найдены средства борьбы против подводных лодок. Прототипом немецких подводных лодок, вероятно, послужила главным образом подводная лодка «Норденфельд», изобретенная в конце XIX века. Захаров начал продавать эти подводные лодки одновременно грекам и туркам, после чего чертежи попали в Германию. Чтобы убедить мир в ценности этой лодки, Захаров добился (неизвестно, каким образом) того, что русское посольство в Лондоне заявило протест компании «Норденфельд» против строительства этих подводных лодок, считавшихся опасными для России.

Во время войны немецкие подводные лодки, как известно, нанесли огромный ущерб союзникам. Однако менее известно то, что этот ущерб был сильно преувеличен, ибо большое число судов было уничтожено не подводными лодками, а бомбами немецких диверсантов.

Возможно, что именно такая бомба породила одну из больших загадок моря: загадку исчезновения американского судна «Циклоп». «Циклоп» шел в США с грузом марганцевой руды из Бразилии (эта руда необходима для производства броневых плит и специальных сталей). Это было тихоходное устойчивое грузовое судно, оснащенное самым совершенным в то время радиопередатчиком. Последний раз его видели близ Багамских островов 4 марта 1918 г. Немцы знали, какое значение имеет марганец для американской военной промышленности, и, вполне понятно, хотели помешать его поставкам.

В Рио-де-Жанейро американский консул получил таинственное предупреждение, в котором сообщалось, что «Циклоп» не сможет достичь берегов США. Никаких обломков судна не нашли, никаких сигналов бедствия не было принято. В случае нападения немецкой подводной лодки или капера «Циклоп», несомненно, имел бы время передать какую-либо весть. Поэтому, вероятно, он был уничтожен бомбой, однако правды мы не знаем.

Заметим, что немцы всегда были прекрасно осведомлены о всех мерах, принимаемых союзниками против подводных лодок, и в частности о кораблях-ловушках. Борьба с подводными лодками, как и борьба с цеппелинами, в конечном итоге показала важное значение научных исследований.

В 1916 году американцы учредили Национальный совет научных исследований; французы (в 1915 г.) и англичане (в 1917 г.) также создали комитеты по военно-прикладным научным исследованиям.

Имея множество отрицательных моментов — централизованные учреждения вскоре стали идеальными мишенями для научно-промышленного шпионажа, — эта централизация научно-исследовательских работ имела и положительные стороны. В частности, централизованные бюро научных исследований способствовали выяснению значения связи. Английский промышленный шпионаж «засек» большинство немецких подводных кабелей, и англичане начали уничтожать их в Северном море уже в 1914 году.

В 1915 году Германия была вынуждена пользоваться почти исключительно радио, и англичане довольно быстро научились расшифровывать большинство германских систем. Это позволило им одержать большое число политических побед, в частности подавить ирландское восстание, организованное Роджером Кезментом, и добиться вступления в войну США. В связи с этим немцы все больше и больше стали доискиваться способов производства симпатических чернил, не поддающихся проявлению. Погоня за этими чернилами превратилась в то время в одну из основных целей промышленного и научного шпионажа.

Существуют чернила, практически не поддающиеся проявлению, однако обнаружение пузырька симпатических чернил у шпиона обрекает его на смертную казнь. Поэтому необходимо, чтобы чернила не только трудно было проявить, но и легко камуфлировать.

Этого удалось добиться посредством изготовления немецких симпатических чернил серии «F», которые выдавались за содержащее серебро превосходное средство от бородавок. Но секрет этих чернил был раскрыт, что позволило, в частности, ликвидировать в США крупную группу диверсантов во главе с Вицке и Янке. В конце концов специалисты союзников разработали способ обнаружения симпатических чернил безотносительно к их химическому составу. Этот метод основан на том, что всякое письмо, написанное пером, оставляет след, и этот обычно невидимый след становится видимым, если бумагу подвергнуть воздействию паров йода. Немцы, в свою очередь, открыли этот способ и, пытаясь нейтрализовать его, изобрели шариковую ручку.

Тем временем применение метода с использованием паров йода ознаменовалось неожиданным успехом контрразведки США, которым она обязана скупости ее противников. История кажется настолько необычной, что я считаю необходимым указать, что она почерпнута из надежного источника, и я могу поручиться за ее достоверность.

Во время обыска, произведенного у немецких агентов, американская контрразведка обнаружила секретные задания, написанные симпатическими чернилами в журналах. Допрос показал, что уже ненужные журналы немцы продавали букинистам, вместо того чтобы сжигать их. Эта экономия оказалась для них роковой. Американские тайные агенты ринулись в лавки букинистов, скупили тысячи журналов, подвергли их обработке парами йода и восстановили буквально все задания, дававшиеся в течение ряда лет, что позволило им впоследствии уничтожить все немецкие шпионско-диверсионные организации. Не раз уже случалось, что организации проваливались из-за скаредности некоторых агентов, но это, насколько мне известно, единственный случай, когда грошовая экономия повлекла за собой провал огромной сети организаций. Может быть, это произошло по той простой причине, что немцы были уверены в своих симпатических чернилах, недооценивая в то же время промышленный шпионаж в Германии и научно-исследовательские работы союзников. Есть только одна теневая сторона в этом деле — американским органам не удалось доказать виновность немцев в знаменитом взрыве гигантского склада боеприпасов Блэк Том в Нью-Джерси.

Назовем имя американского детектива, который совершил эту изумительную операцию с журналами: майор Амос Пизли, выполнявший конфиденциальные задания при штабе генерала Першинга.

Тем же американским органам удалось в 1915 году, когда Германия и США еще не находились в состоянии войны, похитить портфель крупного немецкого агента в Нью-Йорке доктора Генриха Альберта. В портфеле Генриха Альберта находилось важнейшее досье промышленного шпионажа, когда-либо составленное в мирное время. В нем нашли:

— проект монополизации всего американского производства жидкого хлора, используемого в Германии для производства удушающих отравляющих веществ;

— проект тайной покупки заводов боеприпасов, которые принимали бы впоследствии заказы для союзников, но не поставляли бы им свою продукцию;

— проект предотвращения возможности работы известной авиационной кампании «Райт» на союзников;

— проект трестирования всего производства хлопка на юге США и резервирования его для Германии на предмет производства бездымного пороха.

Были и другие удивительно тщательно подготовленные досье в этом портфеле.

Странная вещь: доктор Альберт, видимо, не подозревал, что его портфель был похищен американскими контрразведчиками. Он поместил объявление в «Нью-Йорк телеграмм», в

котором сообщалось об утере портфеля. Тому, кто доставит портфель владельцу, обещалось вознаграждение в 20 долл. — мизерная сумма. Может быть, однако, он не хотел обратить на себя внимание предложением слишком крупного вознаграждения, а может быть, подобно агентам, о которых мы только что говорили, считал, что важно уметь экономить и на малом.

Осмотр его портфеля показал масштабы и эффективность германского промышленного шпионажа в США.

За всеми заводами, которые могли представлять хоть какой-либо интерес для Германии, велась методическая слежка. Поэтому когда эти заводы стали один за другим взрываться, возникло подозрение, что немцы перешли от этапа промышленного шпионажа к следующему этапу — диверсиям. В самом деле, в США существовала огромная диверсионная сеть, организованная тайным агентом фон Ринteленом, прибывшим в Нью-Йорк в апреле 1917 года с швейцарским паспортом на имя Эмиля Геше. Эта сеть использовала бомбы Шлее — немецкое изобретение, приводимое в действие не часовым механизмом, который может разладиться, а серной кислотой, разъедающей медный диск (автор этой книги изготовлял тысячами эти снаряды во время второй мировой войны и может засвидетельствовать, что они действуют превосходно).

Бомбами Шлее было разрушено много заводов и уничтожено несколько десятков английских и американских судов и судов нейтральных стран. Ринтелен был арестован на борту судна, на котором он плыл в Голландию. Вначале он утверждал, что является швейцарцем, однако, когда один из допрашивающих его обратился к нему по-немецки, обвиняемый взял под козырек. Это военное приветствие выдало его с головой. Он долго сидел в американских тюрьмах, ибо англичане выдали его американцам. Затем ему было разрешено жить в Англии. Во время второй мировой войны он выступал против Гитлера и оказал услуги союзникам. В 1949 году его нашли мертвым в лондонском метро. Сведения о диверсиях, содержащиеся в его книге воспоминаний «Невидимый враг», были использованы наряду с другими источниками автором настоящей работы при составлении «Пособия для идеального диверсанта», которое было широко использовано союзниками во время войны и переведено на 30 языков. Но это, как говорится, история, которая, может быть, будет предметом другой книги.

6 ГЛАВА

ЕВРОПА В ПЕРИОД МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

В противоположность тому, что произошло во время первой мировой войны 1914–1918 годов, Германии не пришлось пострадать от потери своих промышленных секретов во время и после второй мировой войны.

Условия перемирия не обязывали Германию выдать эти секреты, но тем не менее немцы отвечали союзническим офицерам, возглавлявшим контрольные комиссии, на все интересовавшие последних вопросы. Эти комиссии обнаружили очень интересные факты. Так, наконец было объяснено клеймо «КР-96/04», обнаруженное на некоторых снарядах. Это клеймо ставилось на снарядах, которые изготовлялись по лицензии Круппа в Англии компанией «Виккерс». Последняя, как говорили в то время, заплатила Круппу после перемирия огромную сумму за лицензию. Таким образом, Крупп получил деньги за кровь своих соотечественников — немецких солдат, убитых изобретенными им снарядами. Впрочем, все, в том числе и немцы, нашли это вполне естественным.

Кстати, как выяснилось позднее, броня английских броненосцев также изготовлялась по

лицензии Круппа. Ее качества оказались превосходными, и они прекрасно выдерживали удары немецких снарядов. В Версальском договоре Крупп был назван военным преступником, но против него не было возбуждено преследования.

Крупный торговец пушками, который в 1919 году имел право производить всего четыре пушки в год, да и то для внутреннего употребления (непонятно, что означает для «внутреннего употребления», — вероятно, для стрельбы картечью по бунтовщикам, требующим хлеба), пытался перестроиться и приспособить для применения в мирных условиях изобретения, которые были сделаны во время войны и которых энергично доискивались шпионы других стран.

К числу этих изобретений относится сталь «2А». Она была изготовлена для пушек, которые устанавливались на палубах подводных лодок. Совершенно не ржавеющая сталь «2А» оказалась пригодной для изготовления хирургических инструментов и ножевых товаров.

В январе 1923 года Крупп переместил в сверхсекретный тайник все свои досье, относящиеся к технологическим процессам и исследовательским работам. Дело в том, что немецкая разведка предупредила Круппа, что французы собираются оккупировать Рур.

Действительно, французы прибыли 11 января 1923 г. на виллу Хюгель, но досье к этому времени уже были перевезены.

31 марта в результате провокации французские войска открыли огонь по рабочим Круппа. 13 человек были убиты, 40 — ранены. Похороны при свете факелов и под пение патриотических песен явились прообразом будущих гитлеровских сборищ. Французы арестовали Густава Круппа. Военный трибунал приговорил его к 15 годам тюрьмы и к штрафу в 100 млн. франков. Он был заключен в дюссельдорфскую тюрьму; из окна камеры, в которой он находился, открывался прекрасный вид на принадлежавшие ему заводы.

Крупнейшие французские капиталисты и промышленники, испанский король и даже Папа Римский немедленно выступили в защиту Круппа. Через шесть месяцев он вышел на свободу. Впоследствии в статье, появившейся во внутреннем журнале компании 1 марта 1942 г. под заголовком «Фюреры заводов, рабочие оружейной промышленности», он рассказывал о том, как, выйдя из тюрьмы, начал втайне подготавливать перевооружение. Привожу выдержку из этой статьи: «Следственные комиссии союзников форменным образом остались в дураках. Мы продолжали производить оружие, делая вид, что производим замки, молочные фляги, кассы и мусорные ящики. Когда наш великий фюрер пришел к власти, я имел возможность заверить его в том, что заводы Круппа, которые готовы поставлять оружие нашей непобедимой армии, после периода подготовки в течение минимального срока находятся вполне в удовлетворительном состоянии. Хайль Гитлер!».

Этот текст показывает, что начиная с 1923 года и до прихода Гитлера к власти промышленный шпионаж союзников находился на самом низком уровне. Можно ли надеяться, что это послужит уроком теперь, когда Крупп снова процветает (хотя его заводы национализированы) и когда основана компания с капиталом 500 млн. марок для экспорта оружия? Конечно, нет. Во всяком случае, теперь известно, что Крупп предпринял реконструкцию на американские деньги (120 млн. долл. в 1925–1926 гг.). Известно также, что большая часть секретных документов до прихода французов была своевременно переправлена в Швецию в акционерную компанию «Бофорс», в которой Густав Крупп купил акций на 19 млн. марок. Компанией «Бофорс» и были разработаны изобретения, которые не могли быть завершены во время первой мировой войны. Дело охраны промышленных секретов было поставлено так хорошо, что скандал разразился лишь в 1935 году. Шведское правительство немедленно добилось ликвидации альянса «Бофорс — Крупп».

Другие исследовательские и конструкторские работы велись в Голландии, где еще в 1922

году Крупп учредил фиктивную компанию. Эта компания занималась главным образом строительством экспериментальных подводных лодок, которые должны были появиться во время второй мировой войны. Спустя четыре года операция была раскрыта французскими специальными службами, и в 1926 году Франция заявила протест голландскому правительству. Это не дало никаких результатов. Германия «вознаградила» Голландию за ее помощь, разрушая во время второй мировой войны ее города и высылая ее население.

Крупп сумел разработать множество технических усовершенствований, результатом которых явилось производство восьми новых типов пушек и строительство многочисленных подводных лодок. Гитлер мог воспользоваться этим еще в 1933 году. Совершенствование самих пушек производилось в Берлине на фиктивном станкостроительном заводе «Кох унд Кинцле-энтвиклунг». Этот завод, видимо, никогда, не вызывал подозрений у шпионов союзников, которые не были на высоте. Что касается Круппа, то он понял значение промышленного шпионажа и для этого еще в 1920 году основал бюро в Эссене. Это бюро занималось также камуфляжем. Оно сумело похитить у французов Гроса и Макса пушку, которая стреляла по Парижу в 1918 году, закамуфлированная в гигантской заводской трубе. Если бы нам пришла в голову элементарная мысль сравнить фотоснимки завода Круппа в 1918 и 1943 годах, мы обнаружили бы эту трубу, которая никогда не дымила, а если бы ее осмотрели, нашли бы в ней гигантские пушки! Однако французской контрразведке в Рейнской области, видимо, не пришла в голову эта мысль, хотя она действовала достаточно энергично.

Со своей стороны, контрразведка Круппа разработала бесчеловечную технику облучения посетителей, конечно без их ведома, большой дозой икс-лучей. Икс-лучи засвечивали фотопленку, вызывая в то же время серьезные физические расстройства, но это было совершенно безразлично Густаву Круппу.

В августе 1933 года на заводах Круппа было объявлено обязательным гитлеровское официальное приветствие. В январе 1933 года с его заводов были изгнаны евреи. С 1933 по сентябрь 1939 года 700 служащих Круппа были отправлены в концентрационный лагерь, а в 1945 году в подвале бюро Густава Круппа в Эссене союзники обнаружили камеру пыток догитлеровских времен. Как видно, служба промышленной безопасности Круппа применяла все средства, в том числе «шарффернемунг» (энергичный допрос). Безопасность эта была идеальной. Мы не хотим этим сказать, что насилие и пытки необходимы для безопасности, а просто безопасности нужно придавать более серьезное значение в промышленности, чем в армии. Впрочем, встает один вопрос: кто обеспечивал эту безопасность с 1935 года?

Довольно интересными являются кадры киносъемки собраний, на которых присутствовал Гитлер и другие нацистские главари. Эти фильмы существуют и поныне, и одна частная английская телевизионная компания воспроизвела их в 1965 году в великолепном документальном фильме Питера Бэтти «Фирма Круппа». Один из кадров этого фильма особенно примечателен. Мы видим Гитлера и Густава Круппа рядом во время спуска на воду в 1938 году крейсера «Принц Евгений» на судостроительных верфях Круппа в Киле. Этот крейсер как военный трофей был использован американцами всего через 10 лет после его спуска на воду в качестве мишени во время атомного эксперимента в Бикини.

Германия показала нам, что сумасшедший фюрер вместе с энергичными технократами образуют великолепную амальгаму.

Геббельс в своем «Дневнике» говорит, что он встречался с Густавом Круппом и нашел его преждевременно состарившимся, совершенно впавшим в детство.

Другие немецкие секреты охранялись хуже, чем секреты Круппа, и в частности секрет удушающих отравляющих веществ. В этой области были достигнуты огромные успехи в период между 1915 годом и концом первой мировой войны. Самые опасные газы были

изобретены в 1918 году, но, к счастью, перемирие помешало их применению. С тех пор, видимо, не было достигнуто крупных успехов, разве что в области удешевления производства боевых отравляющих веществ. Несмотря на то что военные платят дорого за боевые отравляющие вещества, их производство рентабельно для заводчика, если они производятся одновременно с некоторыми пластическими веществами. Однако это дает возможность констатировать производство газов и даже устанавливать по количеству пластических веществ, поступающих на рынок, количество производимых боевых отравляющих веществ.

Поэтому французское Второе бюро13 через посредство промышленников и химиков, которые его осведомляли, в период между двумя мировыми войнами всегда было в курсе германского производства боевых отравляющих веществ. Это — пример промышленного шпионажа, не сопряженного с трудностями и основанного лишь на логических умозаключениях.

В 1936 году Второе бюро завербовало исключительно знающего венгерского химика, совершавшего поездки в Германию. В одну из своих поездок в Мангейм он раздобыл формулы комбинированного производства удушающих веществ и пластических веществ. В Париже ему заплатили 5 тыс. франков. Он счел, что этого мало, и снова поехал в Германию, где продал следующую информацию: «Французы располагают вашими формулами». За это он получил гораздо более крупную сумму. Это — пример двойного агента промышленного шпионажа, причем разоблачившего самого себя, что случается не часто.

Масштабы промышленного шпионажа вынудили в период между двумя мировыми войнами некоторые французские компании принять энергичные, а иногда смехотворные меры предосторожности для охраны своих промышленных секретов. Часто называют крупную компанию по производству шин, в которой возникла нелепая мысль изменить градуировку на шкалах всех термометров. В данном случае была проявлена чрезмерная, хотя по существу довольно понятная, предосторожность. Тесные связи между французской и немецкой промышленностью превращали эти меры предосторожности в нелепость. Во время войны эти связи переросли в сотрудничество. Подводя итоги, можно утверждать, что обо всем, что делалось в 1918–1939 годах во французской промышленности, немедленно сообщалось в Германию. В период между двумя мировыми войнами Франция широко снабжала германскую военную промышленность не только материалами, но и промышленной информацией. Вскоре после поражения 1940 года на французские заводы явились представители германских комиссий по перемирию, которые были великолепно информированы обо всем, что делалось на заводах. Во многих случаях источником информации оказывались сами французские предприниматели. Это — крайне любопытная и важная форма промышленного шпионажа, но она полностью выходит за рамки нашей темы.

Предвидя тесное сотрудничество, французские промышленники давали точные ответы на чрезвычайно подробные вопросники. После этого отраслевые промышленные организации в Германии обобщали ответы, затем передавали их гражданским и военным органам, которые могли использовать эти данные. Как мы увидим далее, таким образом создавались лучшие условия для организации промышленного грабежа Франции и всей Европы с 1940 года вплоть до освобождения.

В то время Германия широко использовала также репутацию своего патентного бюро, которое действительно выдавало для ознакомления наиболее детально разработанные патенты, но оно предоставляло также в распоряжение немецких гражданских и военных лиц подробнейшую информацию обо всех заявках на получение патента, поступавших из-за границы. Вся германская промышленность использовалась как огромная разведывательная сеть. Выдержка из книги Алена Герена «Серый генерал» позволяет составить представление об этом: на Елисейских полях довоенного Берлина, каковыми была Унтер-ден-Линден, Бюро NW 7 выдавало себя за берлинский филиал огромного концерна химической промышленности «ИГ Фарбениндустри». И действительно, это был филиал, но филиал очень

своеобразный. Прежде всего, директором был человек с большим весом — доктор Макс Илгнер, племянник президента административного совета «ИГ Фарбен». Кроме того, к руководству принадлежали: Герман Шмитц, брат одного издиректоров нью-йоркского филиала «ИГ Фарбен» — «Кемикл инкорпорейтед», Рудольф Илгнер, проживавший в США с 1923 года и натурализовавшийся в 1930 году, доктор политических наук, член 14 административных советов в семи странах, и т. д. Почему Макс Илгнер хотел с 1926 года лично руководить берлинским бюро? Почему он должен был возглавлять его до 1945 года? Потому что Бюро NW 7 было очень своеобразным филиалом. Один из служащих бюро заявил: «Наша работа заключалась в подготовке… всякого рода документов, досье, докладов, карт и шифров по заказу верховного командования вермахта; в дополнении их с помощью досье нашего бюро и досье верховного командования; в подготовке докладов и карт, касающихся промышленности и сельского хозяйства иностранных государств».

Точно так же в обвинительном акте военного трибунала в Нюрнберге, составленном для процесса, происходившего 29–30 июля 1948 г., можно прочесть о шпионаже, которым занимался «ИГ Фарбен» во всем мире, следующие строки: «На основе докладов, получаемых от главных руководителей заводов «ИГ Фарбен» за границей, и на основе тщательных исследований, которыми занимались его специалисты в Германии, «ИГ Фарбен» давала вермахту и другим органам нацистского правительства информацию о загранице политического, экономического и военного характера. Закамуфлированные предприятия «ИГ Фарбен» явились идеальным средством шпионажа; высокие правительственные деятели и государственные служащие, отправляясь за границу, часто просили «ИГ Фарбен» направить их для отвода глаз в один из его заграничных филиалов, с тем чтобы они могли маскировать свою деятельность. Через посредство своих главных агентов за границей… «ИГ Фарбен» часто получал донесения, содержащие информацию по экономическим, политическим и военным вопросам. Его заграничные агенты в большинстве случаев входили в абвер и организации нацистской партии. Кроме того, донесения получались, анализировались, обобщались и направлялись в административный совет и различные заинтересованные органы третьего рейха через посредство берлинского Бюро NW 7. Это бюро подготавливало также специальные доклады и карты».

Подобное сочетание промышленного шпионажа с военным возможно лишь при тоталитарном режиме.

Несомненно, что гитлеровская Германия занимала доминирующее положение в промышленном шпионаже в Европе в период между двумя мировыми войнами. Другие страны, видимо, занимались промышленным шпионажем меньше. Может быть, именно эта слабость промышленного и экономического шпионажа в Европе и обусловила крупные финансовые скандалы, как, например, известный случай с Иваром Крейгером, который окончился гибелью — убийством или самоубийством? — шведского спичечного короля. Дело заключалось в фабрикации фальшивых акций крупных промышленных компаний и банков. Эти акции вносились в банки в качестве гарантийного вклада. Все эти злоупотребления были раскрыты. Характерно, что ни в одной из многочисленных книг о Крейгере не делается попытки (по крайней мере, насколько мне известно) связать это дело с делом Лемуана. Лемуан был руководителем отдела подложных документов французского Второго бюро в период 1930–1935 годов. Он в своекорыстных целях продавал подложные документы людям из преступного мира или иностранцам без определенных занятий. Его в конце концов поймали с поличным.

Позволительно спросить, поскольку даты почти совпадают: не Лемуан ли фабриковал фальшивые акции для Крейгера?

К научно-промышленной информации проявляли так мало интереса, что, когда еще до начала второй мировой войны возникло предположение, что немцы создали радиолокационную установку, английские секретные службы оказались не в состоянии найти

агента, обладающего необходимыми познаниями в электронике, и изобретателю английской системы радиолокационных установок Роберту Уотсону-Уатту пришлось самому заняться сбором информации в Германии.

Это также одна из тех историй, которые до проверки кажутся совершенно неправдоподобными. Если бы Роберта Уотсона-Уатта арестовало гестапо и он был бы вынужден под пыткой давать показания, то не только задержалось бы создание английской радиолокационной сети, но немцы смогли бы создать свою систему раньше англичан и битва за Англию, может быть, приняла бы иной оборот.

В это время немцы проявляли особый интерес к методам закалки стали, используемой в строительстве английских танков. Некий англичанин Артур Гордон Оуэне, приехав в Германию, установил связь с немецкими секретными органами в Гамбурге, которым предложил свои услуги в любом деле, направленном против Англии. Вначале его сочли сумасшедшим. Тогда Оуэне запросил за услуги 2 тыс. ф. ст. в год. После этого к нему отнеслись серьезно и завербовали в качестве тайного агента. Ему удалось раздобыть формулу сплава, используемого при строительстве танков. Он оставался шпионом до начала войны. Немцы снабдили его радиопередатчиком для поддержания с ними связи, однако Оуэне был совершенно неспособен научиться азбуке Морзе. Вскоре Оуэнса «засекли», и ему пришлось скрыться. В декабре 1940 года он просил немцев дать ему 500 ф. ст., чтобы он мог выпутаться из беды. Деньги немедленно дало ему японское посольство в Лондоне, всегда готовое помочь немцам. Весной 1941 года после безуспешных попыток выбраться из Англии он был арестован и пробыл в тюрьме значительное время; теперь Оуэне живет в Ирландии. Вероятно, это единственный шпион, который еще не написал своих мемуаров.

Во Франции германский шпионаж был настолько активен, а борьба с ним была настолько слаба, что практически он не встречал никакого противодействия. Шпионаж почти не считался преступлением.

Главные немецкие организации военного шпионажа, и в частности организация Пуарье-Обена, который работал в газете «Тан», также занимались, причем в широких масштабах, промышленным шпионажем. Организация Пуарье-Обена, как и многие частные лица, получила известность благодаря «Канар аншене». Эта организация была раскрыта, но дальнейшее расследование застопорилось, так как умер один из ее членов, которого оперировал военный хирург. «Канар аншене» в то время писала: «Военная полиция медлительна и снисходительна, но военная хирургия беспощадна».

Впрочем, французское правительство не проявляло интереса не только к скромным проблемам промышленного шпионажа, но равнодушно относилось и к науке. Когда автор настоящей работы предложил в конце 1939 года Полю Рейно организовать производство ядерных взрывчатых веществ, известный политический деятель, который впоследствии привел Францию к величайшему в ее истории поражению, ответил: «Милейший друг, Вы, стало быть, хотите бомбардировать линию Зигфрида альфа-частицами?»

Вот почему во Франции не было атомной контрразведки. Однако уже готовились английские атомные контрразведчики, роль которых, однако, не следует преувеличивать. Об этом мы еще расскажем.

А пока вернемся к событиям во Франции. Вероятно, судно «Жорж-Филлипар» было подожжено в 1932 году в Адене германскими диверсантами. Диверсии были совершены также на борту судов «Иль-де-Франс» и «Нормандия». Чрезвычайно многочисленны были случаи диверсий на авиационных заводах, в результате которых порой выходила из строя четвертая часть производимой продукции.

Если промышленный шпионаж во Франции не карался, то все же лиц, занимавшихся

диверсиями в промышленности, вероятно, привлекали бы к уголовной ответственности, в случае если бы их удалось схватить.

Диверсанты действовали, располагая очень точной промышленной информацией, которую немцы, вероятно, получали как путем промышленного шпионажа, так и посредством обмена информацией, которым занимались компании. Национализация авиационной промышленности после второй мировой войны отчасти была реакцией на этот обмен.

Необходимо признать, что немцы дали чертежи для строительства во Франции опытного завода синтетического бензина по немецкому методу (правда, усовершенствованному французами). Завод выработал в 1939 году 20 тыс. т бензина. Эти чертежи были даны на основании вполне законных промышленных соглашений, однако они позволили немцам после поражения Франции в 1940 году аннексировать французскую химическую промышленность.

Прежде чем перейти к другим вопросам, укажем, что за очень небольшую сумму (200 тыс. франков) Франция могла бы в 1936 году воспользоваться услугами знаменитого Вернера фон Брауна, который хотел покинуть Германию и строить свои ракеты во Франции. Разумеется, в выдаче этой суммы было отказано, так как французские власти не придавали серьезного значения ни танкам, ни ракетам, ни атомным бомбам. Впрочем, они не были одиноки. Несколько позднее отец американских ракет Годдар, сознавая приближение войны, предложил услуги своей стране. Военные ему ответили: «Незачем зря терять время, будущую войну выиграет траншейный миномет».

Тем временем русские, защищенные от всякого военного и промышленного шпионажа, спокойно строили ракеты, которые должны были разбить немецкие танковые дивизии во время войны и покорить космос. Дело в том, что еще до войны в области ракет русские опередили немцев и весь мир. Они опережали всех и во время войны: «ФАУ-2» были дорогостоящими игрушками, и производилось их слишком мало, чтобы они могли иметь военное значение.

Советские же противотанковые ракеты имели гораздо более серьезное значение, в особенности ракеты, которые запускались с самолетов. Это они уничтожили немецкие танковые дивизии. Немцы называли штурмовики-ракетоносцы «черной смертью». Благодаря этим ракетам стали возможны сталинградская победа и взятие Берлина. Если бы в СССР мог существовать военный и промышленный шпионаж в пользу Германии, ракеты не были бы столь полной неожиданностью. Советская контрразведка сумела обеспечить полную тайну до, во время и после второй мировой войны. И лишь в 1968 году появилась первая книга о советских ракетах 1932 года с фотоснимками тех времен. И в наши дни нередко пишут, что советские ученые предвидели, что войну выиграют различные установки для запуска ракет и ракеты, запускаемые с самолетов. Это предвидение сбылось.

Снова возвращаясь к промышленному шпионажу во Франции, очевидно, позволительно спросить: не снабжали ли Германию промышленной информацией и даже не передавали ли ей изобретения огромного военного значения, предпочитая, чтобы они были внедрены у Гитлера, а не в стране Народного фронта, различные французские промышленники, которые так успешно сотрудничали с врагом? Когда-нибудь, вероятно, мы узнаем всю правду в этой области, но это будет нелегко, ибо немцы «вознаградили» французских промышленников, оказывавших им исключительные услуги, тем, что высылали их, приказывая поскорее истреблять в лагерях, что и делалось. Тем не менее остается значительное количество документов, которые рано или поздно будут опубликованы. Необходимо, впрочем, признать, что в промышленном отношении Франция и Германия дополняют друг друга и что после войны, поскольку сотрудничество продолжается в другом направлении, многие как военные, так и гражданские изобретения были усовершенствованы франко-германскими группами.

Автор полагает, что, если бы французская промышленность проявила инициативу и патриотизм американской промышленности, Франция могла бы располагать атомным оружием уже в 1940 году, ибо его производство гораздо проще, чем обычно думают. Американцы пошли самыми длинными путями и израсходовали в тысячу раз больше денег. Но есть кратчайшие пути, позволяющие производить атомную бомбу с такой же легкостью и по такой же цене, по какой строится самолет-истребитель.

Во всяком случае, несомненно, что немцы знали больше о том, что происходило на заводах Рено (если ограничиться лишь одним примером), чем сама дирекция заводов. Они смогли получить танки Рено, которых французская армия не имела. Впрочем, нужно думать, что и англичане имели своих агентов на заводах Рено, ибо первыми подверглись бомбардировке именно эти заводы, причем почти полностью были уничтожены военные материалы, предназначавшиеся для немцев.

Незадолго до бомбардировки, которая была произведена в 1941 году, немцы в память об английском городе Ковентри, стертом ими с лица земли, изобрели ужасное прилагательное «ковентризированный» для обозначения полного разрушения города. После бомбардировки заводов Рено в Париже появились листовки с надписью: «Бийянкур был ковентризирован».

Английская страховая компания, которая застраховала заводы Рено, отказалась выплатить страховую премию. Это заставило маршала Петэна срочно издать декрет, запрещавший английским страховым компаниям развивать свою деятельность во Франции.

После беглого обзора промышленного шпионажа в Европе в период между двумя мировыми войнами посмотрим теперь, что происходило в тот же период в США.

7 ГЛАВА

США В ПЕРИОД МЕЖДУ ДВУМЯ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

Если в Европе в период между двумя мировыми войнами промышленный шпионаж тесно переплетался с военным шпионажем и политическими подрывными действиями, в США в течение того же периода широко развивался промышленный шпионаж в узком смысле этого слова между компаниями и почти достиг нынешнего уровня, если не считать современных технических средств шпионажа.

В США крупные фирмы занимались исключительно активно взаимным промышленным шпионажем. Необходимо, однако, указать — чтобы к этому больше не возвращаться — на некоторое число случаев, когда шпионажем занималось правительство, причем объектом шпионажа были промышленность и банки.

В 1938 году американское налоговое управление издало внутреннее распоряжение, запрещавшее его сотрудникам подслушивать телефонные разговоры. Несмотря на запрещение, телефонные разговоры подслушивались. Подслушиваются они и теперь. Кроме того, комиссия, учрежденная правительством в 1934 году для проведения обследования во всей американской военной промышленности, видимо, тоже занималась промышленным шпионажем. За работой этой комиссии пристально следила крайне нейтралистски настроенная общественность, которая нещадно критиковала торговцев пушками.

Упомянутые торговцы пушками, в свою очередь, обвиняли правительственную комиссию в использовании гангстеров для похищения частных писем и передачи за границу американской промышленной информации. С особой силой комиссия обрушилась на

строителей подводных лодок из «Америкэн электрик боут компани» и их английских компаньонов — Виккерсов. Письма, загадочным образом попавшие в правительственную комиссию, говорили о том, что обе компании, связанные системой участия, широко прибегали к подкупу сотрудников американского и английского государственного аппарата. Некий Герберт Аллен, торговец пушками, принадлежавший к группе Дригса, показал, что из-за темных маневров Виккерсов в 1929 году был расторгнут крупный контракт с Турцией. Аллен заявил с негодованием: «Виккерсам дозволены всякие приемы; в их распоряжении организации шпионажа — персонал целого посольства, и они прибегают к услугам большого числа женщин легкого поведения».

Волна возмущения прокатилась по США, где, видимо, до учреждения правительственной следственной комиссии никто не слышал разговоров о проституции. После этого Виккерсов обвинили в том, что они в 1932 году заплатили за услугу одному китайскому генералу 50 тыс. ф. ст. Агент Виккерсов, который дал эту щедрую взятку, был допрошен при закрытых дверях. Из камеры следователя его отправили прямо в психиатрическую лечебницу как буйно помешанного.

Никто, видимо, не поставил простого вопроса: каким образом правительственная комиссия раздобыла сверхсекретные досье, принадлежавшие частным компаниям, в которых не были произведены какие-либо конфискации? Торговцы пушками обвиняли комиссию в том, что она использовала шпионов, мафию и шайки профессиональных гангстеров, чтобы заполучить указанные досье. Насколько мне известно, это — единственный случай, когда правительственная следственная комиссия была обвинена в сотрудничестве с мафией. По меньшей мере, можно сказать, что эта следственная комиссия, видимо, работала в обстановке, обычно изображающейся в детективных романах, когда довольно трудно отличать полицейских от гангстеров.

Тем временем американская промышленность перестраивалась, рождался «американский вызов», о котором теперь так много говорят. После тяжелого периода экономической депрессии, последовавшего за великим крахом на нью-йоркской бирже в 1929 году, США совершенствовали гигантскую промышленность, которая должна была выиграть войну, затем поднять США на такой уровень промышленно-технической организации, что теперь очень многие здравомыслящие люди задаются вопросом: можно ли будет когда-нибудь догнать их? Однако положение было исключительно напряженным. Правда, крупные компании охранялись патентами, но антитрестовский закон вынуждал их в некоторых случаях передавать эти патенты конкурентам, а в других — привлекал к ним, как к держателям патентов, внимание шпионов. Поэтому пять крупных частных полицейских агентств — Бранса, Пинкертона, Уэкенхата, Глоба и «Интерстейт» — начали заниматься вопросами промышленной безопасности. Они продолжают свою деятельность и в настоящее время; общая сумма их годовых оборотов достигает 150 млн. долл.

Было разработано некоторое число общепринятых теперь принципов. Например, если какая-либо американская компания получает письмо, в котором ей предлагается изобретение, секретариат компании немедленно возвращает его отправителю, не показав его какому-либо специалисту компании. Поэтому последняя не может быть позднее обвинена в похищении изобретения. Дело в том, что, как показывает опыт, в случае судебного процесса присяжные заседатели из числа средних американцев склонны выносить решение против крупной компании («потому что у нее много денег и она, видимо, могла заплатить какому-нибудь горемыке 100 тыс. долл. без большого ущерба для себя»), а не против изобретателя-одиночки, если даже все факты и все законы на стороне крупных трестов, против изобретателя. Неизбежным, но досадным результатом этого факта является то обстоятельство, что ни одна американская компания не принимает изобретений изобретателей-одиночек.

Больше того, если какая-либо американская компания получает письмо с предложением

продать ей секреты конкурента, то письмо немедленно пересылается конкуренту, который начинает разыскивать его автора. Таким образом пытались умерить промышленный шпионаж, который приобрел фантастические размеры. Друг за другом шпионили крупные химические тресты, нефтяные, автомобильные, авиационные компании. Все эти группы искали средств помешать своим специалистам уйти к конкуренту со знаниями, которые те могли запечатлеть в своей памяти, не унося с собой ни одного секретного документа. В свободном обществе чрезвычайно трудно создавать помехи промышленному шпионажу такого рода.

Известен случай, когда химик, проработавший в одной компании 12 лет, перешел на работу в конкурирующую с ней компанию. На первый взгляд его контракт, основанный на антитрестовском законе, не мог помешать его переходу в другую компанию. Тем не менее его прежние работодатели возбудили против него судебное дело и под присягой заявили на суде, что знания, которыми обладает инженер-ответчик, стоят 15 млн. долл. Инженер получал 10 тыс. долл. в год. Следовательно, он должен был бы проработать у своих прежних работодателей 15 столетий, чтобы получить такую сумму. Видимо, им не пришла в голову мысль заинтересовать его участием в предприятии, предложив ему, например, акции. В конце концов, сам он и его новые работодатели заявили под присягой, что они хотели использовать не его специальные знания, а лишь его интеллектуальные способности (тонкое различие!) и что теперь он будет занят в совершенно иной области.

В этой атмосфере подозрительности и в условиях расплывчатости законодательства возникли удивительные организации промышленного шпионажа и контрразведки. Руководитель одной из таких организаций, которая была основана в 1927 году и, видимо, была одной из первых среди них, — У. Камминг опубликовал в 1961 году свои воспоминания. По его словам, он занимался «сбором информации, относящейся к конкуренции в области патентов, фабричных марок и отраслей промышленности». Опираясь на этот опыт, он имел смелость написать: «Я являюсь служащим некоторых самых почтенных в США контор адвокатов, а также 15 крупнейших промышленных компаний страны. Если их не смущает моральная сторона моей работы, то почему она должна смущать меня?»

Камминг, если ему верить, участвовал во многих авантюрах, которых хватило бы для 25 томов детективных романов. Однажды, когда ему поручили добыть чертежи новой системы вентиляции, используемой на одном цинковом руднике, он послал туда свою жену, которая выдала себя за журналистку. Между прочим, Камминг утверждает, что в США нет завода, куда он не мог бы войти. Камминг говорит о конкурентах, которые менее совестливы, чем он. Некоторые из них доходят до того, что обряжаются в полицейский мундир. Впрочем, рассказывают, что однажды шпион прошелся с вертящимся столиком по всем этажам здания, в котором помещались отделы дирекции одной очень крупной компании. Он заходил во все отделы и объявлял: «Проверка документов, благоволите выложить их на этот стол». После этого он исчез вместе с документами. Возможно, что он был сотрудником упомянутой выше следственной комиссии. Число такого рода похождений множилось, и компании все чаще нанимали частных детективов. Один из них был уволен, когда бухгалтерия установила, что ему слишком щедро платили исключительно за то, что он вел слежку за женой генерального директора. Иные компании применяли более крутые методы, и было довольно много американских компаний, которые разрешали своим детективам стрелять в упор в каждого, кто без разрешения прохаживался ночью по отделам дирекции. Между прочим, было много случаев избиения полицейскими дубинками журналистов и отправки в больницу профсоюзных деятелей. Делалось это под предлогом защиты от промышленного шпионажа. Избивавших всегда оправдывали, так как американские присяжные заседатели исходят из принципа, что промышленник — хозяин своего предприятия.

Лаборатории вызывали больший интерес, чем промышленные предприятия, и из них было похищено большое число изобретений. Особенно часто хищения совершались в промышленности пластических веществ, где конкурент мог выпустить новое пластическое

вещество еще до реализации изобретения первого изобретателя.

Как увидим далее, только после войны, совсем недавно, некоторым штатам удалось наверстать отставание своего законодательства от достижений в области науки и создать условия для охраны промышленных секретов.

Между тем еще в 1862 году в штате Калифорния был принят специальный закон против нелегального отведения телеграфных линий. В 1864 году происходил первый судебный процесс на основе этого закона, окончившийся осуждением группы спекулянтов, которые нелегально получали биржевые котировки. Впоследствии этот закон, практически без изменений, применялся для защиты от промышленного шпионажа.

Первое большое судебное дело о подслушивании телефонных разговоров разбиралось в Нью-Йорке в 1916 году. Полиция установила аппараты для подслушивания телефонных разговоров на телефонных линиях пяти католических священников, чтобы контролировать использование средств, собираемых для благотворительных целей. Этот скандал послужил поводом для усиления защиты по закону промышленных секретов, независимо от того, изложены ли они в устной или письменной форме. Заметим, что именно с этого времени американская полиция начала устанавливать аппараты для подслушивания разговоров в общественных телефонных кабинах. Многие и сегодня думают, что в этом отношении более надежно пользование общественным телефоном. Позволим себе предостеречь их: это глубокое заблуждение.

Вскоре американский закон запретил также тайное фотографирование объектов или документов. Было вынесено несколько приговоров по таким делам. Этим вопросом занялись палата представителей, сенат и многочисленные полицейские агентства. Тем не менее секреты переходили из рук в руки. Очень скоро шпионы научились разлаживать механизм счетчиков копировальных машин для получения оттисков на восковке. Они получали 52 оттиска, тогда как счетчик показывал 50. По США циркулировало огромное количество незаконно и тайно скопированных планов и документов. Шпионы также очень быстро научились пользоваться самыми совершенными подзорными трубами. В ответ на это американские автомобильные компании стали скупать и разрушать хибарки, из которых можно было наблюдать в бинокль испытания новых моделей. Позднее, после изобретения вертолетов, одна крупная автомобильная компания обзавелась устройством, которое моментально опускало непроницаемый занавес над оконными проемами конструкторского бюро, как только доносился шум вертолета или, вернее, как только чувствительный микрофон улавливал этот шум. Усиливались страхи перед фотографированием с небольшой высоты как чертежей, так и макетов новых проектов. Шпионы, работавшие в то время, совершенствовали классическую технику, применявшуюся в «черных кабинетах» различных стран для вскрытия писем. Впрочем, один частный детектив писал: «Сами жертвы облегчают работу шпионов, помечая свои письма словами: «лично», «конфиденциально» и этим привлекая к ним внимание шпионов».

С этого времени широкое распространение получают миниатюрные фотоаппараты, вделанные в замок портфеля или в авторучку. Шпион с миниатюрным фотоаппаратом чаще всего выдавал себя за иностранного покупателя, ходил по заводам и конструкторским бюро и возвращался к себе с чрезвычайно ценными фотоснимками. Иногда визитеры уходили с образцами. Очень часто им удавалось фотографировать документы о закупках, произведенных компанией, секреты которой они похищали. Таким образом, они получали информацию, на основе которой можно было умозаключить, что она производила и из каких материалов.

Американцы не доходили до того, чтобы засвечивать фотопленку промышленного шпиона, бомбардируя ее икс-лучами (как это делалось в Германии), однако они регулярно производили обыск. Обыск нередко сопровождался избиением. Впрочем, это не очень

обескураживало шпионов. Они, вероятно, получали дополнительное вознаграждение за «непредвиденные случайности».

Широко практиковалась также установка в отделах или лабораториях и цехах бесшумных кинокамер, автоматически включавшихся в момент, когда из окна кто-либо проникал в пустую комнату. В одной крупной авиационной компании, секреты которой регулярно похищались, такого рода кинокамера показала рабочего, входящего в кабинет директора, чтобы сфотографировать предложения компании, относящиеся к различным подрядам с торгов и конкурсам, объявленным воздушного транспорта. Рабочий, допрошенный (вероятно, энергично) частным детективом, который установил кинокамеры, признался, что он был агентом компании-конкурента.

Все это создавало довольно необычную атмосферу подозрительности. Атмосфера настолько сгустилась, что благотворительные проекты миллиардера Рокфеллера изображались как гигантская операция промышленного шпионажа! Биограф Рокфеллера Мертен пишет: «Чикагский университет, фонд Рокфеллера, который должен был финансировать во всем мире научные исследования неоценимого значения, обширная программа борьбы в мировом масштабе с голодом и нищетой, в частности несметное число больниц, которые в самых обездоленных; районах земного шара должны играть первостепенную роль в борьбе против желтой лихорадки, — все это изображалось некоторыми органами печати как утонченный метод создания гигантской сети экономического шпионажа или как хитроумный способ наживы».

Между тем Рокфеллер хотел лишь, чтобы изменилось к лучшему очень скверное мнение о нем. Его единственной мечтой было прожить до 100 лет, но он умер в возрасте 97 лет 23 мая 1937 г.

Атмосфера, созданная усилившимся промышленным шпионажем, привела даже к учреждению «консультаций», действующих внутри компаний и занимающихся в них шпионажем. Одна из целей этих консультаций — слежка за всеми возможными соперниками президента компании.

Руководитель одной из таких «консультаций» признался спустя четверть века своей деятельности: «Одной из наших функций, функций консультантов, является контрразведка. Вы должны понять, что для вице-президента единственный способ стать президентом до того, как последний уйдет на пенсию, — это расставить сети, чтобы он подмочил свою репутацию, подставить ему ножку. Один из способов достижения этого — дача президенту неправильных советов. Вот это и есть сфера нашей деятельности. Мы работаем подпольно, остальные члены административного совета и другие высокопоставленные особы компании не знают, что мы являемся советниками президента. Существуют десятки способов тайного проникновения в компанию. Когда я уже нахожусь в компании, президент передает мне доклады своих помощников. Мы их изучаем и говорим ему, как нужно ответить, как поставить их в затруднительное положение дельными вопросами на очередном заседании административного совета. Это их убеждает в том, что президент превосходит их, и они уже не пытаются подрывать его репутацию».

Очевидно, эта атмосфера многообразного шпионажа сильно действовала на нервы. Поэтому еще в 1935 году крупные американские компании «Истмен Кодак», «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн», «Интернэшнл бизнес мэшинз» и «Дюпон» принимали на работу психиатров, чтобы можно было тихо и без скандалов помещать в психиатрические лечебницы генеральных директоров и вице-президентов. Видимо, атмосфера в американских компаниях в те времена напоминала атмосферу нацистской партии до «Варфоломеевской ночи». Это был — вероятно, вследствие такой напряженной обстановки в компаниях — великий период концентрации промышленности США. В 1939 году всего 200 промышленных компаний контролировали три пятых финансовых и половину промышленных богатств страны.

Статистические данные за 1945 год показывали, что всего 100 промышленных компаний контролировали треть промышленного производства страны и в них была занята одна пятая рабочих. Начиная с 1950 года концентрация приняла такие размеры, что четыре компании, охватывающие производство автомобилей, сигарет, шин, консервных коробок, целлюлозы, пишущих машинок, швейных машин, электроламп, жевательной резинки, промышленных изделий из зерна, выпускают 70 % продукции.

Таким образом, появились секторы, где всего четыре или пять крупных компаний господствуют на рынке, например на автомобильном. Однако на этом концентрация прекращается — по экономическим причинам, по соображениям личного характера и из-за антитрестовских законов. И тогда четыре или пять империй продолжают вести конкурентную борьбу между собой, и каждая из них содержит шпионов и в то же время либо нанимает на постоянную работу контрразведчиков, либо время от времени обращается к услугам специализированных фирм контрразведчиков. Мы расскажем ниже, какое положение сложилось в результате этого в 1968 году, однако необходимо теперь же отметить, что основы этого положения были заложены в США в период 1919–1939 годов. Перемены, о которых будет идти речь, обусловлены главным образом огромным развитием электроники и дальней связи. Однако, не дожидаясь успехов электроники, шпионы великолепно справлялись со своим делом. Приводились всякого рода цифры убытков американской промышленности из-за шпионажа. Видимо, цифра в 1 млрд. долл. для 1938 года не является преувеличенной. Правда, для 1968 года называют цифру 3 млрд. долл. Шпионам было тем более выгодно работать в США в 1938 году, что в общем инженерам и техникам там платили в то время гораздо меньше, чем платят в наше время.

В то время еще не было атомных бомб и спутников, благодаря которым повысился всеобщий интерес к науке, недостаточно было, как в наши дни, какой-либо компании взяться за реализацию важной программы исследовательских работ, чтобы курс ее акций на нью-йоркской бирже повысился. Нужно было действительно производить и продавать, чтобы наживать деньги, и похищенный промышленный секрет мог способствовать свершению удачных финансовых операций благодаря продаже товара, который выбрасывали на рынок, опережая, таким образом, его изобретателя. Соответственно вознаграждался и шпион, причем ему платили гораздо больше, чем инженеру или ученому. Разумеется, это поощряло промышленный шпионаж в широких масштабах.

Мне так и не удалось выяснить, каким образом американское налоговое управление устанавливало доходы шпионов. Вероятно, последние в своих декларациях называли эти доходы «вознаграждением за консультации», тогда как те, кто их нанимал, добивались снижения своих налогов, относя эти расходы к категории расходов по исследовательским работам… Во всяком случае, несомненно одно: американское налоговое управление поняло значение частного шпионажа, ибо оно учредило агентство частного шпионажа! Тайные агенты отдела по выявлению случаев сокрытия доходов от органов фиска являются добровольцами, которые получают 10 % суммы выявленных ими сокрытых доходов. Они не всегда доживают до старости, например если разоблачают сокрытие доходов гангстерами. Большинство американских гангстеров великой эпохи, в частности знаменитый Аль Капоне, были арестованы именно за сокрытие доходов. Однако некоторые из тех, кого американское налоговое управление стыдливо называет «информаторами», бесследно сгинули, и есть все основания полагать, что они покоятся на дне озера Мичиган или нью-йоркского порта, откуда они выйдут в день Страшного суда. Между тем еще 30 лет назад среднему американскому промышленнику начала грозить опасность одновременно со стороны шпионов его конкурентов, иностранных шпионов и шпионов органов фиска!

Диву даешься при мысли о такой пролиферации шпионажа, однако это не мешало довольно широкому развитию лабораторий, занимающихся исследовательской работой по заказу. Разумеется, эти лаборатории могут работать лишь при условии, если обеспечена полная секретность. Заслуживает упоминания с некоторыми необходимыми подробностями пример

компании Артура Литтла. Эта компания была учреждена в 1880 году двумя химиками. Теперь она насчитывает 1400 ученых. Принадлежит она только ее служащим, а прибыли откладываются в пенсионный фонд сотрудников фирмы. Эта система гарантирует полную лояльность по отношению к компании, что позволяет обеспечивать абсолютную тайну в отношении клиента, дающего заказ на исследовательские работы. В настоящее время компания работает, между прочим, над овсяными хлопьями для завтрака, бумажными сосудами для горячих напитков, найлоновыми лесками для ужения рыбы, топливом для лунных ракет, холодильниками, работающими при температуре, приближающейся к абсолютному нулю, и фильтрами, задерживающими радиоактивные осадки. Как видим, программа весьма эклектичная. В компании, правление которой находится в Эйкорн Парке (штат Массачусетс), царит полная демократия. Руководитель проекта может быть подчинен одному из своих помощников, если компания занимается проектом, в котором помощник более компетентен. Такая компания вполне застрахована от промышленного шпионажа в области исследовательских работ.

В 1920 году в США существовало 190 компаний такого рода — и это уже много. Но теперь таких компаний 5420 — и, может быть, именно поэтому США в техническом отношении намного опередили весь остальной мир. Вот этим-то и объясняется «американский вызов». Заказчиками этих компаний как в 20-х годах, так и в наши дни являются частные американские компании и правительства. В этих организациях обеспечивается большая секретность, чем в компаниях другого рода. Можно думать, что именно вследствие промышленного шпионажа эти компании получили такое широкое распространение в США и исключительно промышленному шпионажу обязаны они своим успехом. Насколько мне известно, ни одна из крупных и серьезных американских лабораторий, занимающихся исследовательскими работами по заказу, не была уличена в шпионаже. Если никогда не существовало треста, контролирующего исследования по заказу, то объяснение этому следует искать в самом характере руководителей этих компаний. Такие компании, как правило, создаются индивидуалистами, которых нелегко во влечь в какую-либо корпорацию.

Встает вопрос: каким образом они могут выдерживать конкуренцию гигантских компаний, которые имеют собственные исследовательские лаборатории?

Сила этих независимых, относительно небольших и демократически управляемых компаний состоит не толь ко в свободной циркуляции идей, но и в их свободном обсуждении, а добиться этого, кстати сказать, гораздо труднее в больших гражданских и военных исследова тельских учреждениях.

Эти большие исследовательские учреждения начали появляться в 1918 году. Они возникли после рождения независимых исследовательских организаций и следовали их примеру. В 1920 году таких учреждений было очень мало, начиная с 1938 года их число быстро растет. Общие расходы США на исследовательские работы, составлявшие в 1938 году около 3 млрд. долл., в 1970 году должны достичь 25 млрд. долл. Наибольшая часть этих расходов падает на крупные исследовательские компании, которые вследствие этого становятся основным объектом деятельности шпионов.

Борьба, которая повлекла за собой концентрацию промышленности в США в период между двумя мировыми войнами и которая всеми способами, в том числе посредством промышленного шпионажа, противопоставляла больших — малым, изобретателям — тресты, породила настоящую мифологию. В этой мифологии «злые тресты» противопоставляются «добрым изобретателям», преследуемым гангстерами, шпионами и различными агентами этих трестов.

Эта мифология, как и все мифологии, представляет собой любопытную смесь правды и вымысла, и на ней стоит остановиться. Несомненно, были случаи преследования изобретателей, к ним относится случай с Эдвином Армстронгом, который в 30-х годах

изобрел частотную модуляцию. Это изобретение явилось помехой для крупных американских радиовещательных компаний, которые использовали амплитудную модуляцию. Они всеми способами преследовали Армстронга, и он в 1954 году покончил жизнь самоубийством. Лишь намного позднее, в 1960 году, стало известно, что он оставил своей стране великолепное изобретение: радиолокатор, действующий на больших расстояниях, не испытывая помех от кривизны земного шара. Армстронг — один из величайших изобретателей всех времен, и совершенно верно, что он выбросился из окна в результате преследований, которым он подвергался с 1936 года. Верно также, что такого рода преследования обескуражили некоторых блестящих изобретателей, например изобретателя электронного умножителя Фарнсуорта. Последний выиграл битву с трестами, однако был настолько надломлен этой борьбой, что в возрасте 34 лет уединился на небольшой ферме в штате Мэн, занимаясь делами, не имеющими никакого отношения к промышленности.

Армстронг и Фарнсуорт отнюдь не были параноиками, когда поверили, что за ними шпионят. За ними действительно шпионили.

Однако другие легенды были не более чем вымыслом. Например, легенда о Карозерсе, изобретателе найлона. У. Х. Карозерс родился 27 апреля 1896 г. в Бар-лингтоне (штат Айова). С 1928 года он руководил в компании «Дюпон» программой исследовательских работ по синтетическим волокнам и открыл найлон. Карозерс покончил жизнь самоубийством 29 апреля 1937 г. в Филадельфии. После его самоубийства сложился миф: якобы Карозерс покончил с собой потому, что его вынуждали вырабатывать фальшивый найлон относительно низкого качества, ибо настоящий найлон совершенно не снашивается. Чулки из настоящего найлона никогда не снашивались бы и, следовательно, изобретение в его реальной форме не получило бы широкого применения. Этот миф держится упорно и совсем недавно послужил сюжетом фильма под названием «Человек в белом костюме». В действительности Карозерс покончил с собой по причинам личного характера, которые не имели ничего общего с найлоном и были связаны с частыми и тяжелыми нервными депрессиями. Современные успокоительные средства, вероятно, спасли бы его.

Если легенда столь упорна, то объясняется это тем, что публика склонна упрямо верить, что тресты скрывают изобретения, которые могли бы нанести им ущерб. Согласно мифу, крупные компании ценой больших затрат содержат армию шпионов, охватывающих своими щупальцами всю территорию США. Будто эти шпионы выявляют изобретения, которые могут способствовать снижению цен, похищают их, после чего могущественные промышленники глушат изобретения.

За некоторыми указанными выше исключениями, это неверно. Может быть, полезно перечислить некоторые изобретения, в которые широкая публика твердо верит, хотя бы для того, чтобы доверчивые люди не поддавались обману:

— пилюля, позволяющая вливать в бензобак автомобиля воду вместо бензина. Речь идет о пилюлях из карбида урана. Карбид кальция при соприкосновении с водой дает ацетилен. Более тяжелые карбиды, и в частности карбид урана, дают более тяжелые углеводороды, похожие на бензин. Но изготовленный таким образом бензин стоит почти в 100 раз дороже, чем обычный бензин. Изобретатель обычно кладет в карман крупную сумму, получив ее за формулу пилюли, и после демонстрации опыта исчезает. Некоторые изобретатели находятся в тюрьме… — те, для которых в момент демонстрации опыта была вызвана полиция;

— карбюратор, позволяющий сокращать расход бензина примерно на 50 %. Это изобретение в особенности должны были бы глушить нефтяники, опасающиеся снижения суммы своих оборотов. Карбюраторы такого рода действительно были сконструированы. Они исключительно точно дозируют бензин, учитывая атмосферную влажность, температуру и т. д. Однако они настолько сложны, что через 5 минут выходят из строя. Это настоящие маленькие заводы, для функционирования которых понадобились бы

электронно-вычислительные машины. А экономия бензина далеко не достигает 50 %;

— неперегорающая электрическая лампа накаливания. Это — исключительно упорный миф. В США часто рассказывают об одном покупателе, который случайно купил лампочку и которого посетил представитель крупной промышленной компании, прося продать ему лампочку за любую цену. Представитель компании объяснил ему, что это опытная модель, которая не должна была поступить в продажу. Осаждаемый вопросами, представитель компании в конце концов признался: «Эта опытная лампочка никогда не перегорает. Есть лампочки, которые горят со времен Эдисона. Если бы мы позволили продавать их, наше предприятие давно уже прекратило бы свое существование».

В действительности же «злые тресты» хотели бы знать, как производить подобные лампочки. Возможно, что такие лампочки можно было бы производить, если делать нити ламп накаливания из рения. Но дело в том, что рений — исключительно редкий металл, а производить его синтетически по умеренной цене мы еще не умеем. Пока не появится современный алхимик, умеющий дешево изготовлять рений, мы не увидим вечных ламп накаливания. Тем временем «злые тресты» упорно стараются заменить накаливание флуоресценцией, а последнюю — электрофотолюминесценцией, которая действительно дает практически вечные и потребляющие очень мало энергии источники света;

— вечное лезвие для бритья. Теоретически такие лезвия можно делать из карбида вольфрама. Но практически мы не умеем придавать карбиду вольфрама форму лезвия для бритья. Может быть, когда-нибудь это удастся, но пока, к сожалению, никому не удавалось сделать это.

В заключение этой главы мы допустим некоторый анахронизм и приведем список средств получения информации о конкурентах, применяемых американскими промышленниками. Этот список был опубликован доктором Уортом Уэйдом в журнале «Кемикл инджиниринг» 23 мая 1965 г., однако все эти средства применялись в период, который охватывает данная глава, и это послужит ее прекрасным резюме. Существует 20 средств. Первые 7 являются законными, остальные — незаконными.

1. Публикации конкурентов и отчеты о процессах, полученные обычными путями.

2. Сведения, данные публично бывшими служащими конкурента.

3. Обзоры рынков и доклады инженеров-консультантов.

4. Финансовые отчеты.

5. Устраиваемые конкурентами ярмарки и выставки и издаваемые ими брошюры.

6. Анализ изделий конкурентов.

7. Отчеты коммивояжеров и закупочных отделов.

8. Попытки пригласить на работу специалистов, работающих у конкурента, и заполненные ими с этой целью вопросники.

9. Вопросы, осторожно задаваемые специалистам конкурента на специальных конгрессах.

10. Непосредственное тайное наблюдение.

11. Притворное предложение работы служащим конкурента без намерения брать их на работу с целью выведать у них информацию.

12. Притворные переговоры с конкурентом якобы для приобретения лицензии на один из

патентов.

13. Использование профессиональных шпионов для получения информации.

14. Сманивание с работы служащих конкурента для получения информации.

15. Посягательство на собственность конкурента.

16. Подкуп сотрудников закупочного отдела конкурента или его служащих.

17. Засылка агентов к служащим или специалистам конкурента.

18. Подслушивание разговоров у конкурента.

19. Похищение чертежей, образцов, документов и т. д.

20. Шантаж и различные способы давления; разумеется, конкурент прибегает к тем же средствам.

8 ГЛАВА

СЕКРЕТЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И УДИВИТЕЛЬНОГО ПОСЛЕВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

Вторая мировая война началась с научного, а точнее геологического, шпионажа. Человеком, который должен был начать ее первую операцию — одну из самых впечатляющих мошеннических операций нацистского режима, — был некий Науйокс.

Выдавая себя за геолога, он обосновался в Польше, близ германской границы, вместе с шайкой убийц. Получив во второй половине дня 31 августа 1939 г. телеграмму со словами «бабушка умерла», они надели польские мундиры и совершили нападение на германскую радиостанцию. Это послужило Гитлеру предлогом для того, чтобы начать военные действия в нужный для него момент. Дальнейшие события известны.

Соединенные Штаты, пока они оставались нейтральными, стали главной мишенью промышленного шпионажа. Уже в то время союзники отдавали себе отчет, что некоторые научные исследования следовало бы перенести в США, так как Англия слишком мала и ее территория подвергалась слишком большой опасности, чтобы можно было продолжать их там. Так обстояло, в частности, с производством атомной бомбы — шедевра американской промышленности и свидетельства значительного успеха американской промышленной и научной контрразведки.

Я полагаю, полезно напомнить коротко о промышленной стороне создания атомной бомбы, недостаточно, на мой взгляд, известной, а также о том, как удалось сберечь ее тайну.

Как только генералу Лесли Р. Гровсу было поручено руководство проектом создания атомной бомбы, он понял, что это была в большей мере промышленная, чем научная, проблема и что надо заинтересовать в ней американскую промышленность. Последняя не обнаружила никаких признаков энтузиазма. У «Дюпона» заявили, что это — «перпетуум-мобиле». У «Кодака» решили, что это — наилучшее из всех возможных средств создать себе самые крупные неприятности на долгие месяцы. Остальные предприятия проявили еще меньше энтузиазма.

Первая победа генерала Гровса, его главная победа, была одержана над промышленниками,

которых совершенно необходимо было убедить. Надо было убедить не только фирмы «Дюпон» и «Кодак», но и многие другие промышленные компании, в частности «Эллис — Чалмерс», которые производили необходимые для проекта специальные насосы на сверхсекретном заводе, отлично защищенном от всякой утечки сведений. До них другие фирмы от этого отказались. Но этот секретный завод мог начать производство насосов для газовой диффузии урана лишь в том случае, если бы ему дали модель. А работу над моделью никак не удавалось закончить. Завершена она была в самый последний момент. За это время научные эксперты фирмы «Кодак» пришли к заключению о неосуществимости проекта. Гровс отправился к ним с докладом, который произвел на экспертов самое скверное впечатление, так как бравый генерал, будучи самоучкой в области науки, говорил «изотроп» вместо «изотоп». Изотропом называют вещество, которое обладает одинаковыми свойствами во всех направлениях, тогда как два ядра изотопа имеют один и тот же атомный номер, но различный атомный вес. Это не одно и то же, и Гровс чуть не потерял все, что ему удалось достичь на длительных рабочих заседаниях. Его можно извинить. В то время он мало спал, и к тому же с револьвером под подушкой, ибо был убежден, что немецкая и японская секретные службы (которые в то время не знали даже о его существовании) попытаются завладеть секретными документами. Его портфель, который он на ночь клал под подушку рядом с револьвером, в течение длительного времени был единственным местом в мире, где были собраны все секреты атомной бомбы.

Гровс первым ввел великий принцип «перегородок» в область промышленной и научной безопасности. В организации, которую он создал для разработки атомной бомбы, даже пользовавшиеся его доверием люди, а их было немного, получали лишь строго необходимые для их работы сведения — и ничего больше, что, конечно, предотвратило утечку многих сведений. Этот принцип теперь применяется повсеместно. Когда кто-нибудь, даже если это абсолютно надежный человек, хочет получить конфиденциальные сведения, ставится вопрос, зачем они ему нужны, и, если это простое любопытство, будь то научное или человеческое, ему будет отказано. Будет отказано даже руководителю ЦРУ, как будет отказано и крупному ученому, уже находящемуся под наблюдением.

Вероятно, таким образом остаются в потенции изобретения, которые могли бы возникнуть в результате сопоставления идей и фактов. Наверняка таким образом обеспечивается полная безопасность. Неизбежные утечки сводятся к минимуму. Однажды случилось так, что Гровс сам, сменив мундир, забыл в нем свой пропуск. Неумолимые полицейские, хотя они отлично знали его, преградили ему путь, и Гровсу пришлось отправиться за пропуском, как всем простым смертным.

Гровс всячески поощрял распространение ложных, так называемых маскировочных, сведений. Так, на предприятиях «Дюпон» он распространил слух, что в лабораториях и в конструкторских бюро, куда был запрещен доступ большинству служащих фирмы и где работали над атомной бомбой, в строжайшей тайне разрабатывается новый вид найлона. В то время найлон был новым материалом, и эта мысль казалась правдоподобной. Так удалось защитить секретность проекта «Манхэттен» — проекта атомной бомбы. Конечно, кое-кто был удивлен, как, например, общество архитекторов «Скидмор Оуингс энд Мерилл», которому группа проекта «Манхэттен» предложила в феврале 1943 года построить город на 13 тыс. жителей. Они попытались получить разъяснения по телефону, но телефон проекта группы «Манхэттен» в справочнике не значился, а офицер, который посетил общество, дал ровно 72 часа для ответа. Встревоженные архитекторы начали звонить по всем направлениям. К счастью, телефонист военного коммутатора из-за перегрузки ошибся и соединил их с группой проекта «Манхэттен». В противном случае они не получили бы заказ на строительство.

На других предприятиях были приняты чрезвычайные и невиданные в то время меры предосторожности. В знаменитом обществе инженеров-консультантов «Стоун энд Уэбстер» отдел, насчитывающий 800 инженеров, чертежников и секретарей, был изолирован и размещен в четырех зданиях. Во всех домах на каждом этаже круглосуточно дежурили

вооруженные охранники. На всех дверях и окнах были установлены электронные сигнализационные устройства против воров. У каждого сотрудника были две корзины: одна — для обычных бумаг, а другая, красного цвета, — для секретных. Ежевечерне содержимое красных корзин сжигалось в присутствии агента Федерального бюро расследований.

Посетители должны были не только заполнять в книжке посещений листок, но и сами отрывать его. Таким образом они оставляли на специальной чувствительной бумаге отпечатки пальцев. Тщательно проверенные девушки и молодые женщины носили пакеты из одного здания в другое, при этом каждую сопровождал детектив из известного общества «Бринкс», вооруженный револьвером. Все это, вероятно, должно было привлекать внимание, но никакой утечки сведений не произошло.

На предприятиях фирмы «Крайслер» отделение атомной бомбы, находившееся в Детройте в доме № 1525 на Вуд-вуд-авеню, замаскировали под агентство по продаже военного займа. Когда кто-нибудь пытался купить облигации военного займа, ему отвечали, что в настоящее время их нет, поскольку патриотически настроенные граждане Детройта уже купили все облигации. Когда был построен атомный город Лос Аламос, меры предосторожности приобрели фантастический характер. Впрочем, они принесли некоторые выгоды обитателям. Поскольку город официально не существовал, его жителей не могли привлекать к судебной ответственности за превышение скорости на дорогах. Агенты американской секретной службы ликвидировали извещения о штрафе за нарушение правил движения. Некоторые жители Лос Аламоса получали там разрешения на вождение автомобиля, в которых был номер вместо имени и не было подписи владельца. Но телефонные разговоры подслушивались, письма проходили цензуру. В книге «Посмеемся вместе с учеными» я рассказывал о некоторых забавных инцидентах, которые были следствием такого положения. В компании «Эллис — Чалмерс» служба безопасности проявляла такое усердие, что у отдельных служащих начались нервные заболевания.

У самого Гровса были лишь две комнаты в военном министерстве, № 5120 и 5121, но их охраняли так, как, вероятно, не охранялось до этого ни одно место в мире.

В компании «Крайслер» произошла драма, когда ее генерального директора К. Т. Келлера попросили заполнить весьма нескромный вопросник. Он решительно отказался сделать это, заявив, что прекратит всю работу и готов даже отправиться в тюрьму, если ему будут надоедать. Пришлось уступить.

К концу войны служба контрразведки генерала Гровса насчитывала 485 человек. Ею руководил майор Джон Лонсдейл-младший.

Таким образом, это был весьма примечательный успех в области промышленной безопасности. Гровс сам объясняет его в своей книге «Теперь можно рассказать историю проекта „Манхэттен“» добровольным сотрудничеством американской печати, которая сама цензурировала себя весьма эффективно.

Можно допустить, что успех в области безопасности, как и успех в создании бомбы, в значительной мере зависел от организаторских способностей генерала Гровса. Он контролировал также службу атомного шпионажа в Германии. Гровс приказал в феврале 1945 года подвергнуть бомбардировке германские заводы общества «Ауэр» в Ораниенбурге, так как предполагалось, что они могли работать над германским атомным проектом. Для маскировки цели этой бомбардировки он приказал совершить налет и на город Цоссен. Во время этой маскировочной бомбардировки был ранен крупный немецкий специалист танковых войск генерал Гудериан, который в то время был начальником генерального штаба германской армии. Союзникам повезло.

23 апреля 1945 г. в Штаафурте было обнаружено 1200

т урановой руды, которую немцы конфисковали в 1940 году в Бельгии. Тотчас агенты союзников мобилизовали немецкий тарный завод, который за пятнадцать дней под огнем немецкой артиллерии изготовил 20 тыс. бочек. Затем ценная руда была вывезена из Германии на грузовых автомобилях. После этого у Германии не осталось никакой базы для создания собственной атомной бомбы.

Немецкие специалисты в области ядерной энергии были перевезены в Везине, но местное население приняло их за маршала Петэна и его свиту и устроило манифестации. Их отправили самолетом в Англию. С помощью микрофонов были записаны все их разговоры. Эти специалисты опасались, что американцы воспользуются когда-нибудь их знаниями и добьются прогресса в создании атомных бомб. Им и в голову не приходила мысль, что у американцев уже есть атомная бомба, ибо немецкие секретные службы и нацистские руководители, которых эти службы осведомляли и с которыми ученые-атомники поддерживали прекрасные отношения, совершенно не допускали такой возможности. Поэтому, когда стала известна эта новость, немецкие ученые были поражены больше, чем читатели научно-фантастических романов. Когда Отто Хан, открывший явление деления урана, узнал об американской атомной бомбе, он сначала хотел покончить жизнь самоубийством, но затем предпочел напиться. Никто не думал, что у американцев уже есть бомба, несмотря на тот факт, что 600 тыс. американцев работали над проектом «Манхэттен». Целые города ускользнули от внимания немецкой секретной службы в США.

Бомбы были сброшены на Хиросиму и Нагасаки; Япония капитулировала. Как только американцы высадились, чтобы оккупировать страну, они уничтожили два действующих циклотрона, а также один строившийся. Эти служившие чисто исследовательским целям устройства были практически не применимы для производства какой бы то ни было бомбы. И американцы совершили тогда одну из самых серьезных психологических ошибок.

Американцам оставалось разрешить спорный вопрос, связанный с определением вклада своих союзников в создание атомной бомбы.

Что касается Англии, положение осложнялось чисто техническим вопросом: оригинал атомного соглашения, заключенного Черчиллем и Рузвельтом 18 сентября 1944 г., исчез. Он был найден многие годы спустя в архиве, куда его положил чиновник, не осмелившийся просмотреть папку, так как на ней было написано «совершенно секретно». Так как папка была помечена кодовым названием, обозначавшим в Англии производство атомной бомбы, — «Производство сплавов для труб», он положил ее в дело о паровых котлах. Если бы этот бюрократ посмотрел на подписи, он спросил бы себя, почему доклад о паровых котлах был подписан Черчиллем и Рузвельтом. Во всяком случае, англичане имели право заниматься применением ядерной энергии в промышленных целях, что они и делали, впрочем, стараясь оградить себя в то же время от американского шпионажа.

С французами дело обстояло сложнее. Фредерик Жолио-Кюри сделал заявку на несколько патентов в области атомной энергии. Он использовал их для защиты позиции Франции, чего американцы так и не простили ему. Известно, что произошло и каким образом Франция самостоятельно создала атомные ударные силы, за что ее продолжают до сих пор упрекать. Другие важные патенты были получены независимо от Жолио-Кюри в 1940 году тремя французами: Андре Эльброннером, Альфредом Эскенази и автором этой книги. В мае

1945 года, когда начали устанавливать приоритет и распределять награды за ядерную энергию, двоих из вышеупомянутой тройки уже не было в живых, а третий был в концентрационном лагере. Он никогда ничего не требовал, но его заслуги по собственному почину признали сначала Соединенные Штаты Америки, а затем Советский Союз.

Генерал Гровс упрекает в своей книге Жолио-Кюри за «его контакты» с немцами. Как будто ему неизвестно, что эти пресловутые «контакты» происходили в связи с борьбой за

освобождение Парижа и целью их было поражение немецких танков бутылками с зажигательной смесью. Совершенно очевидно, что в 1962 году, в момент выхода книги Гровса, американская секретная служба все еще ничего не знала о битве за Париж.

Автор настоящей книги, вернувшись из лагеря в 1945 году, встречался с членами американской атомной разведывательной миссии «Алсос», в частности с лицом, которого называли «загадочным майором» и который интересовался главным образом знаменитым алхимиком Фульканелли, которого, впрочем, не нашел. Это единственный пример шпионажа, касающегося алхимии в XX веке, который известен автору.

Японская секретная служба, так же как и немецкая, не подозревала о существовании атомной бомбы. Ученым пришлось объяснить императору основы ядерной физики, для того чтобы Япония капитулировала. И в данном случае на 100 % была сохранена тайна и превосходно обеспечена промышленная безопасность. Каким бы ни было суждение о производстве и взрыве первой атомной бомбы, автор не может забыть, что эти бомбардировки, которые до сих пор возмущают совесть, дали возможность освободить пленных из японских концентрационных лагерей, которые превосходили в зверстве, если вообще это возможно, даже немецкие лагеря. Полный успех мер безопасности был удивительным. Хотя это кажется непостижимым, но эти меры эффективно соблюдались даже после взрыва первой атомной бомбы в Аламогордо 16 июля 1945 г. Тогда же было опубликовано следующее сообщение:

«Аламогордо, 16 июля 1945 года. Старший офицер, командующий авиационной базой Аламогордо, сообщает нижеследующее: „Нас неоднократно спрашивали о сильном взрыве, который произошел сегодня утром на специальной площадке авиационной базы Аламогордо. Взорвались находящиеся довольно далеко от базы склад боеприпасов и пиротехнические осветительные ракеты, убитых и раненых нет. Материальный ущерб незначителен. Ввиду того что взорвались снаряды с газом, некоторые гражданские лица будут эвакуированы из-за метеорологических условий“».

Таким образом, с помощью доброй воли и апломб удалось замаскировать атомный взрыв.

Надо было еще уведомить об удачном взрыве госу дарственного секретаря Стимсона, который в это время вел переговоры с союзниками в Потсдаме. Не веря уж в не поддающиеся расшифровке коды, составили достаточно туманное и в то же время ясное послание: «Операция сегодня утром удалась. Окончательного диагноз еще нет, но результаты прекрасные и уже превосходя наши ожидания. Надо сказать кое-что местной печати, так как интерес огромный». Стимсон понял. Вскоре им был получен полный отчет, в связи с чем пришлось засекретить секретаршу, которая его печатала! Таким образом секретность информации была полностью сохранена.

Можно было бы написать целую книгу, рассказывая о случаях, когда при определенных обстоятельства приходилось пренебрегать правилами безопасности. Та например, когда в результате забастовки слесарей-водопроводчиков осуществление проекта оказалось под угрозой, генералу Гровсу пришлось объяснить им, что речь идет о сверхсрочном правительственном проекте. Когд в работу над проектом «Манхэттен» включили электронно-вычислительные машины фирмы «ИБМ», техники, которым было поручено делать вычисления, казавшиеся им совершенно непонятными, работали плохо. Профессору Ричарду Фейнманну, «анфан террибль» среди физиков, пришлось объяснить им огромную важность проекта, после чего работа пошла вдвое быстрее. Кстати сказать, крупные ученые, в частности Джон фон Нойман, поняли тогда значение этих машин и занялись после войны их усовершенствованием. Так появились современные электронно-вычислительные машины.

Итак, Япония капитулировала и война кончилась. Тотчас началась охота за немецкими и японскими промышленными секретами (итальянцы не открыли ничего особенного). Обследовательские комиссии наводнили Германию и Японию и начали публиковать в

огромных количествах все, что находили. Часто, особенно в Германии, они делали невероятные открытия. Так, огромный трест «ИГ Фарбениндустри» был буквально набит необыкновенными секретами и учеными, вызывающими удивление. Один из примеров — специалист по органической химии Вальтер Реппе, которого «ИГ Фарбениндустри» удалось полностью замаскировать; его открытие, связанное с ацетиленом, и все результаты этого открытия в области химического синтеза совершили такой переворот в органической химии, что было предложено делить ее не на две части (химия жирных веществ и химия ароматических веществ), а на три (химия жирных веществ, химия ароматических веществ и химия Реппе).

Допрашивая Реппе в 1945 году, я говорил ему о преступлениях Германии. Реппе ответил: «Я не знаю Германии. Моя родина — „ИГ Фарбениндустри“». Его «родина» покупала польских женщин по 40 марок и находила, что это слишком дорого. Но ему это было совершенно безразлично. Зато он яростно протестовал против разглашения немецких секретов, включая и секреты сульфамидов, на которых можно было нажить много денег. А ведь «ИГ Фарбениндустри» обрекла на страдания и смерть миллионы больных, храня этот секрет. Реппе, казалось, не был особенно смущен этим. Надо отметить, что в то время Германия была виновна в гибели примерно 10 млн. совершенно невинных людей.

Разглашение немецких промышленных секретов союзниками было единственным, против чего немцы протестовали. Казалось, они считали, что все остальное они целиком заслужили, все, кроме разглашения секретов. Одна немецкая газета писала в то время: «Мы допускаем, поскольку этого требует ситуация, демонтаж наших заводов. Но духовный демонтаж — это уж слишком». Слишком или нет, дело продолжалось. Охота за немецкими техническими секретами велась как специализированными организациями четырех великих держав, так и отдельными авантюристами, которые ныряли в хаос и вытаскивали оттуда специалистов, документацию и модели. Некоторые из этих специалистов были неизвестными, как, например, Реппе, другие прославились своими фантастическими идеями, как, например, Зенгер, который в 1945 году уже проектировал межпланетную ракету со световым двигателем.

Все секретные службы мира искали Зенгера. В конечном счете Зенгер был задержан в Берлине французскими жандармами.

Как только обнаруживалось место, «наполненное сокровищами», союзнические группы отправлялись туда одна за другой, каждая находила там что-нибудь, что ускользнуло от внимания ее предшественников. Так было на австрийском заводе «Рейтте», где профессор Шварцкопф разработал метод порошковой металлургии, то есть производство не путем механической обработки предметов, а из сжатого под большим давлением металлического порошка и зачастую при высокой температуре. Этот метод, именуемый «спеканием», стал известен в США, а затем получил дальнейшее распространение. Предметы, изготовленные при помощи этого метода, стали появляться во всем мире, особенно после опубликования на английском языке книги Шварцкопфа о его работах.

Точно так же обстояло дело с Бертольдом, крупным специалистом в области неразрушительных испытани металлов и материалов посредством гамма-лучей, с Албертсом, крупным специалистом в области производств синтетического бензина, и со многими другими.

Помимо различных союзнических миссий Германи наводняло несметное число авантюристов, доставших или сфабриковавших себе командировочные удостоверения. Они бороздили страну в поисках ученых, инженеров и изобретений.

Мне довелось сопровождать одну из союзнических миссий: французскую научно-техническую информационную миссию. Ее обозначали инициалами «МИСТ». Всюду, куда мы

направлялись, немцы выставляли перед нами плакаты с надписью «МИСТ». Нам эта любезность понравилась куда меньше, когда мы вспомнили, что по-немецки «мист» значит «отбросы»! Наш автомобильный парк нельзя было и сравнить с парком союзников или машинами секретных служб, и нам пришлось пополнить его автомобилями, найденными на месте. Я вспоминаю об автомобиле «Мерседес», который один изобретательный немец отремонтировал, поставив шины с русского самолета «Штурмовик». Тормозов не было. Эти «вспомогательные» детали были бы нам очень полезны, когда мы ночью ехали по извилистым дорогам Шварцвальда. Но все это не помешало нам собрать огромное количество документации о немецкой промышленности. Промышленники, как правило, охотно помогали. В противном случае мне было достаточно описать пытки, которым подвергали меня в гестапо, и сразу же не только развязывались языки, но и вытаскивались из тайников документы, образцы и прототипы.

Позже нас обвинили в хищениях, в частности в том, что мы увезли императорскую корону Габсбургов. Разумеется, мы опровергли эти обвинения, но, несмотря на это, одна английская сатирическая газета поместила карикатуру, изображавшую французского офицера, явившегося к ювелиру с упомянутой короной, говоря: «Я продаю это по поручению одного друга».

Мы «собирали», таким образом, ученых, изобретения, документы и различные образцы. В одной крупной фирме, расположенной на берегу озера Констанц, сейф мне открыл парижский жулик (знакомый по концлагерю). Я вынул оттуда небольшую бутылку со сверхчистым ураном, которую возил с собой с мая по август 1945 года. Потряхивая ею, я говорил: «Достаточно, чтобы один нейтрон проник в нее, — и весь Париж будет сметен с лица земли». Все с жалостью постукивали пальцем по лбу, полагая, что я вернулся из концентрационного лагеря слегка свихнувшимся. Затем произошла трагедия Хиросимы, и тогда отовсюду мне начали звонить взволнованные представители властей, умоляя передать бутылку компетентным ученым, чтобы они обезвредили ее, пока Париж не постигла участь Хиросимы… Я отдал бутылку Фредерику Жолио-Кюри в качестве скромного вклада в будущий французский атомный котел.

Помимо бутылки с ураном и полного собрания томов необыкновенного немецкого труда «Арийская физика», в котором объяснялось, что «Эйнштейн заблуждался, так как он был евреем», мы привезли огромное количество документов и образцов.

Другие союзнические и межсоюзнические агентства («БИОС», «СИОС») также собрали большое число материалов. Началась их публикация. До сих пор еще можно, вероятно, пользоваться нашими публикациями: тысячами брошюр, благодаря которым нажило состояние несметное число промышленников, унаследовавших таким образом плоды огромной работы, проделанной немцами. Выдающийся немецкий ученый, с которым я просматривал эти брошюры, сделал по этому поводу весьма глубокое замечание: «Германия проиграла войну». Это было действительно верно.

Германии удалось возродиться благодаря американским деньгам и усилию, которое заслуживает похвалы. Компания Круппа существует по-прежнему и не выполняет больше распоряжений союзников от 1953 года. 112 тыс человек работают на ее предприятиях, каталог на французском языке выпускаемых ими изделий начинается словом «аббатуар» (бойни, побочные продукты боен), а заканчивается словом «цирконий» (металл для моторов атомных подводных лодок). Крупп производит даже лимонад и имеет заводы в Бразилии. «ИГ Фарбениндустри» была расчленена, но различные образовавшиеся на ее основе компании действуют весьма успешно. Убытки, связанные с демонтажем немецких заводов, бесспорно, были самыми серьезными из всех других потерь Германии. Надо надеяться — но в это нельзя верить, — что в будущем западногерманская промышленность будет заниматься производством только в мирных целях, примером чего является строительство на заводах Круппа батискафа «Триест».

Различные опубликованные документы позволяют ответить на вопрос: «Была ли Германия впереди союзников или она отстала от них?» Ответ прост, но любопытен: Германия не опережала союзников, но и не отставала от них, — она шла рядом.

Немцы не разработали радиолокацию так, как это сделали союзники, но они проявляли интерес к приборам ночного видения, на которые союзники не обращали особого внимания. Немецкий прибор для ночного видения — мегаскоп — основан на работах француза Блондо, которыми несправедливо пренебрегли. Он очень отличался от тех приборов, которыми пользовались союзники для того, чтобы обнаруживать в темноте суда.

Немцы не вырабатывали атомную энергию, не производили атомных бомб, но они создали самолет-робот «ФАУ-1» и ракету «ФАУ-2».

Авторами некоторых немецких проектов были безумцы. Так, некий химик, родившийся в том же месте и в тот же день, что и Геринг, сделал из этого вывод, что он столь же «гениален», как Геринг. Маршал Геринг, увлекавшийся астрологией, одобрил этот вывод и предоставил своему астрологическому близнецу практически неограниченные возможности. Последний воспользовался ими, чтобы попытаться спасти Германию с помощью паутины. Сначала он хотел воспроизвести химическим путем нити паутины, а потом соткать из них пуленепроницаемые жилеты для солдат и парашюты, которые позволили бы медленно опускать на землю любые грузь вплоть до самого тяжелого танка. В ходе своих исследований он уничтожил единственную в мире перчатку из паутины, которая хранилась в одном из немецких музеев. Директор музея убил бы его, если бы мог найти, но сделать это до сих пор, когда пишутся эти строки, ему не удалось. Астрологический близнец Геринга живет, наверное, где-нибудь в Южной Америке, укрывшись от мести, и выращивает гигантских пауков. Я предлагаю эту идею любому поставщику фильмов ужасов за символическую плату в размере одного сантима.

Существовали и проекты, о которых трудно сказать априори, являются они безумными или гениальными. Один из них предлагал, например, уничтожать вражеские бомбардировщики, летящие на небольшой высоте, искусственным рудничным газом. Для этого надо было бы образовать облака из рудной пыли во взрывчатых пропорциях смеси с воздухом, чтобы самолет, проникнув в эти облака, взорвал их и уничтожил сам себя. Если бы такой эксперимент увенчался успехом, несомненно, все заявили бы, что автор проекта — гений.

Наконец, были практические изобретения, позволяющие экономить горючее, сырье или применять новые химические вещества, тысячи различных образцов которых выпускались огромными германскими заводами. Клейкие материалы, пластики, медикаменты… Можно было бы составить перечень, столь же длинный, как эта книга. В области химии немцы также двигались «рядом». Они не изобрели силиконы, не укротили фтор, как это сделали американцы, но разработали десятки тысяч новых изделий, начиная с пенопластов, поглощающих ультразвуки и позволяющих таким образом обнаруживать подводные лодки (они служат также для звукоизоляции), и кончая лекарствами от амебной дизентерии. Электрические радиаторы в комбинации с вентилятором, углубленные выключатели, флуоресцентные немерцающие лампы и т. д. — все эти изобретения также немецкого происхождения.

В течение ряда лет многие заводы и цехи Европы и обеих Америк реализовывали немецкие изобретения; их легко было воспроизводить согласно опубликованным докладам, и для этого чаще всего не требовалось непосредственного участия изобретателя.

А затем наступило то, что неизбежно должно было наступить. Заметили, что опубликованные материалы выдавали не только немецкие, но также французские, бельгийские, голландские, английские и американские секреты. Ибо немцы грабили Европу и украли с помощью шпионажа многое в Англии и в США. Создалось, таким образом, безвыходное положение,

которое могло привести к крушению всех патентных систем. По правде говоря, эти системы так и не оправились от такого потрясения.

Конечно, невозможно было закрыть ящик Пандоры. Медленно и постепенно приглушили это дело, и сегодня уже не говорят о немецких патентах и досье, касающихся Германии. И все же это было прекрасным Эльдорадо…

9 ГЛАВА

МЕТОДЫ СОВРЕМЕННОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ШПИОНАЖА

Наконец, мы подошли к тем методам промышленного шпионажа, которые применяются в наши дни. Шпионаж, применяющий самые новейшие достижения электроники, стал настолько опасным явлением, что люди боятся, как бы он ни привел к полной ликвидации частной жизни и к распаду нашего общества.

Один из бывших вице-президентов США — Губерт Хэмфри занял в этом вопросе чрезвычайно твердую позицию. В предисловии к книге «Вторжение правительства и промышленности в частную жизнь», автором которой является сенатор Эдвард Лонг, он писал: «Задача состоит в том, чтобы сделать возможно более широким и действенным право на частную жизнь. Среда, позволяющая нам жить независимым образом, постоянно изменяется под влиянием технического прогресса. Крупные успехи в области техники облегчили наблюдение и вторжение и затруднили их обнаружение. Нам нужны средства защиты, если мы хотим сохранить наши дорогие свободы… Мы ведем себя иначе, когда нам кажется, что за нами наблюдают. Если мы не можем быть никогда уверенными, что нас не подслушивают и за нами не подглядывают, все наши поступки будут иными и даже характер наш изменится. Надо найти ответ на этот вопрос, ибо речь идет о том, будут ли американцы конца XX века свободными людьми или рабами, независимыми или подчиненными надсмотрщикам».

Промышленный шпионаж приобретает благодаря развитию электроники ужасающие размеры. Лондонская «Таймс» сообщала 19 января 1965 г., что одна из комиссий американского сената, проводя обследование вопроса о промышленном шпионаже и экономическом наблюдении, допросила под присягой одного инженера-электроника, который ушел из лаборатории компании «Белл». Этот инженер заявил, что при помощи разработанного недавно устройства можно направлять из окна на расстояние в несколько сот метров невидимый лазерный луч. Отраженный затем стеклом, этот луч передает на расстояние ничтожные колебания этого стекла, вызванные звуком или даже световыми лучами внутри комнаты. Это позволяет, по его словам, показывать на телевизионном экране подробное изображение всего, что происходит в комнате в любое время — днем или ночью; при этом ее обитатели абсолютно ничего бы не заподозрили.

Та же газета — серьезнейшая из газет — сообщала, что американские секретные службы располагают теперь устройством, которое может превратить внутреннюю телефонную сеть, внешний телефон или даже провода, к которым подключена осветительная лампа, в систему подслушивающих точек, позволяющих благодаря радио слушать частные разговоры, ведущиеся в любом пункте земного шара.

В другой статье того же номера газеты относительно деятельности ЦРУ сообщалось, что оно имеет теперь аппарат, позволяющий обнаруживать на расстоянии в несколько десятков метров вибрацию оконного стекла закрытой комнаты и подслушивать таким образом разговоры, даже если эта комната оборудована звукопоглощающими материалами и из нее

удалены все электрические и электронные приборы.

Все это отнюдь не научная фантастика, и я не пересказываю здесь один из романов Яна Флеминга. Я излагаю официальный доклад. Впрочем, приведу вкратце содержание другого, более забавного.

В 1960 году два агента ЦРУ прибыли в Сингапур и назначили свидание таинственному лицу с целью завербовать его. Это происходило в одном из номеров гостиницы, который они оснастили фотоаппаратами, записывающими устройствами и даже детектором лжи, действующим на расстоянии. Они предусмотрели все, за исключением одной технической детали: ограничения потребления электричества постояльцами, которые пожелали бы включить утюг или стиральную машину. Агенты ЦРУ настолько перегрузили электрическую сеть, что в подвале перегорели пробки, и вся гостиница погрузилась в полную темноту. Прибывшая полиция тотчас арестовала обоих американцев. Их посадили в тюрьму. Этот международный инцидент в течение ряда лет серьезно портил отношения между США и Республикой Сингапур и еще больше подмочил и без того плохую репутацию ЦРУ.

Было множество и других инцидентов: коктейль, во время которого в бутылке «Мартини» был найден радиопередатчик; металлическая зубочистка-антенна (я ничего не придумываю, обо всем этом упоминается в докладах американского сената); показ мод, во время которого в бюстгальтере одной из посетительниц были найдены две телевизионные камеры. Уверяют, что бюстгальтер был нормальных размеров, а камеры — шедевром миниатюризации. Широко продаются телевизионные передатчики, которые можно носить в футляре под мышкой, а также записывающие аппараты, которые помещаются в портсигаре.

Вы можете купить магнитофон, который автоматически начинает записывать, как только раздаются голоса, и останавливается, когда разговор кончается; зажигалку с радиопередатчиком; дамскую сумку, которую хозяйка может забыть на столе или на стуле (пока она вернется, сумка запишет все, что говорилось в комнате); сумку, передающую разговор по радио. За 200 долл. вы можете купить картину, в которой скрыт радиопередатчик, действующий на большие расстояния. Но, главное, вы можете примерно за 2 франка плюс почтовые расходы приобрести отчет о заседании обследовательской комиссии американского сената от 18 февраля 1965 г., посвященный электронному шпионажу. Из него вы узнаете многое. В частности, пикантную историю о портном, который шил костюмы по заказу генеральных директоров крупных американских компаний. Этот портной вшивал в подкладку чрезвычайно плоские передатчики на транзисторах или с плоской батарейкой, передававшие все, что говорилось на заседаниях правлений, а так-же, разумеется, все, что говорилось в более интимных условиях. Там же можно найти описание устройства, которое ставится в автоматический телефон в США. Более того, подключение этого устройства ничего не стоит, так как очень небольшое потребление тока не отражается на счетчике телефонных разговоров. Некоторые американские промышленники под присягой дали в этой комиссии показания о деятельности фирмы, выпускающей виски «Шенлей». Бар для служащих дирекции был полностью оснащен шпионской аппаратурой. Вице-президент компании «Мозлер рисерч продактс инкорпорейтед», производящей электронные приборы для шпионажа, Ральф Уорл показал, что компания продает свою продукцию не только американским секретным агентам, как она это делала десять лет назад, но и многим детективам, работающим в промышленности.

В 1961 году в Батон-Руж, в штате Луизиана, электронные датчики были обнаружены в телефонах раввина, баптистского пастора и квакера. У этих священнослужителей общими были только их выступления за улучшение отношений между белыми и чернокожими, и именно по этой причине ЦРУ следило за ними как за подрывными элементами. Нашли также датчик у вдовы Франклина Рузвельта. Но тут ошиблись номером, полагая, что подслушивают видного члена синдиката убийц (должен ли я снова напомнить читателям, что ничего не измышляю, а пользуюсь официальными докладами?).

В 1965 году 39 млн. телефонных разговоров были незаконно подслушаны и записаны в США: ЦРУ, налоговым управлением, шпионами, частными детективами, шантажистами и даже просто любопытными.

Неизвестно, сколько скрытых телевизионных камер наблюдает за американцами. Они имеются во всех магазинах самообслуживания для защиты от воровства. Это — легальные камеры. Но есть и нелегальные, в частности те, которые установлены в промышленных компаниях, чтобы похищать их секреты. Они продаются также для забавы детей.

В продаже также можно найти, вероятно для забавы взрослых, подслушивающие устройства, которые самоуничтожаются автоматически, если кто-нибудь другой, кроме хозяина, попытается снять ленту. Можно также купить микронаушники, для которых не нужна батарея, так как они питаются энергией радиоволн, имеющихся в воздухе. Комиссия американсного сената показала журналистам телевидения некоторые образчики радио- и телевизионных передатчиков, скрытых в горшках растений.

Центральные службы полиции штата Луизиана показывали чучело крокодила, скрывавшее телевизионный передатчик. Оно было преподнесено в подарок одному промышленнику. Шпионы, наблюдавшие за этим промышленником, вероятно, знали, что он имеет пристрастие к чучелам.

Маленькая телевизионная камера, передающая изображения по радио или по проводу, — не больше обычного карманного фонаря. Но существуют еще более мелкие секретные модели. Цены в США таковы: от 3 долл. за «стыковку» (подключение к телефонному проводу) до 380 долл. за чемодан, содержащий полный комплект снаряжения шпиона. В это снаряжение входит, в частности, параболический микрофон, позволяющий подслушивать разговор на открытом воздухе с расстояния в 200

м. Все продается свободно, и поэтому иностранным шпионам, приезжающим в США, нет надобности привозить с собой оборудование. Это облегчает их тяжелое ремесло.

Разумеется, такое же положение существует во Франции, Англии, Швейцарии. Частный электронный шпионаж все более затрудняет охрану промышленных секретов и просто секретов. На 55-й улице в Нью-Йорке обнаружили нелегальное устройство для подслушивания разговоров по 60 тыс. телефонных линий, выбранных наугад. Цель состояла в получении интересной биржевой информации или секретных сведений, которые можно использовать для шантажа. Та же группа занималась шпионажем, в частности, в фармацевтической промышленности.

Журнал «Лайф» от 20 мая 1966 г. рассказывал историю частного шпиона Спинделя, который был арестован 204 раза, но ему так и не смогли предъявить какое-либо обвинение!

В 1962 году известный американский журнал «Инда-стриэл рисерч» провел обследование в крупных американских компаниях: одна треть компаний, ответивших на конфиденциальный вопросник, занималась электронным шпионажем. Остальные две трети жаловались, что за ними шпионят, и, в частности, сообщили, что находили микрофоны и камеры даже в туалетных комнатах. Один профсоюз жаловался на то, что в комнате, отведенной для собраний профсоюзных делегатов в одной крупной фирме, имеется фальшивый плафон, оснащенный фотоаппаратами, телевизионными камерами и микрофонами. Дирекция была, таким образом, в курсе будущих требований повышения заработной платы и планов забастовок.

В Англии 12 тыс. телефонов подключены к нелегальным подслушивающим устройствам, и, кроме того, зачастую корреспонденция на почте перехватывается. Из Англии пришел слух, правда не подтвержденный, о следующем изобретении: можно ввести в пищу микропередатчик, который передает затем из желудка жертвы в течение нескольких часов

все, что она говорит.

29 ноября 1965 г. газета «Дейли мейл» рассказывала о покупке одним из ее журналистов за 185 ф. ст. микропередатчика размером меньше спичечной коробки. Продавец сбыл их уже 300 штук и разрабатывал, вероятно для бедных шпионов, систему сдачи их напрокат за 20 фунтов в неделю. Тот же торговец поставлял эти приборы в форме ручек, чернильниц, брошей, пудрениц и пр. по специальным заказам.

6 марта 1966 г. английский еженедельник «Санди таймс» сообщал о микрофотоаппарате, вмонтированном в часовой браслет и делающем бесшумно 28 снимков. В том же номере сообщалось о микрофоне, действующем одновременно с фотоаппаратом, установленным на телескопе. Это также не лабораторный образец, а прибор, имеющийся в свободной продаже. Впрочем, такие приборы можно найти и в Париже.

В США имеется, по крайней мере, сорок фирм, получающих большие прибыли благодаря торговле шпионским электронным оборудованием. Торговый оборот некоторых из них увеличился в 1966 году в четыре раза. Существуют, кроме того, фирмы, торгующие аппаратами, защищающими от электронного шпионажа: например, создающие переменные магнитные поля, возникающие в кабинете, и стирающие записи на ленте магнитофона, который может оказаться у посетителя. Имеется также способ стирания икс-лучами, о котором я уже рассказывал. Существуют всякого рода устройства, защищающие телефоны или позволяющие заглушать разговоры в исходной или в конечной точке. В одной крупной автомобильной компании Детройта обнаружили девять телевизионных камер промышленного шпионажа, установленных в вентиляторах главного конструкторского бюро. Все чертежи немедленно передавались конкурентам. В другой автомобильной компании обнаружили записывающие приборы в запонках одного из посетителей.

Американская компания «Микро коммьюникейшнс корпорейшн» в Калвер-Сити (Калифорния) открыто рекламирует портфель, в котором спрятан записывающий прибор; он абсолютно бесшумен и записывает любой разговор на расстоянии, равном размерам среднего кабинета. За 375 долл. вы можете купить этот великолепный прибор, который сообщит вам все, что ваши конкуренты говорят на заседании совета. Когда видят оставленный портфель, всегда думают, что он принадлежит соседу, и не открывают его. А зря.

Если вам не удалось подсунуть портфель-магнитофон, вставьте микрофон в замок. Вы можете купить его за 119 долл., а за 79 долл. вы можете воспользоваться микрофоном, установленным на конце длинного острого прута. Впрочем, продается ружье, позволяющее стрелять микрофонами такого рода. Они вонзаются в стены помещения, за которым хотят шпионить.

Если у вас хорошие знакомства, вы можете достать микропередатчик величиной с таблетку аспирина и похожий на нее, как могут быть похожи две таблетки, либо, что более солидно, вы можете купить для вашей жертвы металлический классификатор со спрятанными в нем телевизионными камерами, которые передадут вам изображения всех самых секретных документов. После демонстрации одного из этих классификаторов американское правительство тотчас открыло кредит в 2 млн. долл., для того чтобы предпринять систематический обыск всех посольств США с целью обнаружить там электронные шпионские аппараты. Их находили даже в букетах. Эти пресловутые классификаторы производились серийно, и некоторые из них продавались вместе с устройством, которое автоматически приспосабливается к шуму в конате, подобно человеческой нервной системе. Большинство миниатюрных телекамер продается по цене 3,5 тыс. франков.

В США есть свой король электронного шпионажа Бен Джэмил, который руководит компанией «Континентал телефон энд сапплай компани» в Нью-Йорке. Оборот компании Бена Джэмила достигает 5 млн. франков в год. Посетители застают его говорящим со своей авторучкой,

которая является записывающим прибором и которую затем его секретарша заставляет говорить.

Когда в Англии к власти пришли лейбористы, депутаты оппозиции стали жаловаться, что за ними ведется электронное наблюдение. Это делалось, видимо, при помощи главным образом японских приборов. Благодаря непоследовательности, в которой заключена вся прелесть английского законодательства, эти приборы можно импортировать, но ими нельзя пользоваться. Это приводит к чрезвычайно странным последствиям. В случае возникновения тяжбы в суд может обращаться не пострадавший человек, а английское ведомство связи, чья монополия на дальнюю связь нарушена электронным шпионажем. Это ведомство возбуждает преследование, но почти всегда безрезультатно. Ведь оно гораздо больше заинтересовано в выявлении владельцев телевизионных приемников, которые не платят за них налога. Когда будет сконструирован аппарат, способный обнаружить телевизионный приемник, его можно будет использовать и для выявления электронного шпионажа. Но это произойдет не так скоро.

Ежегодно в Англии разрешается устанавливать около сотни подслушивающих устройств. Эти разрешения выдаются таможне, полиции, контролерам органов фиска. Распространено мнение, что много таких устройств установлено без всякого разрешения органами контрразведки и промышленного шпионажа. Сравнительно недавно в Англии начали продавать подробные описания, позволяющие самому собрать, затратив 13 ф. ст., подслушивающий радиоаппарат. Никто не должен лишать себя этого удовольствия!

Конечно, трудно привести общие цифры. Журнал американских деловых кругов «Бизнес уик» полагает, что сумма оборота предприятий, производящих приборы электронного шпионажа, достигает 20 млн. франков в год. Разумеется, сюда не входит заработная плата шпионов.

С экономической точки зрения интересно отметить, что, когда человек, ставший жертвой шпионажа, платит по счету за электричество, он оплачивает при этом и украденное шпионажем с его проводов электричество.

Среди недавно рекламировавшихся предметов следует отметить спортивную рубашку с короткими рукавами и открытым воротником, которая скрывает тем не менее электронное подслушивающее устройство.

В связи с этим все чаще говорят о «голом» обществе, где частная жизнь исчезает. Промышленникам, которые могут сказать что-либо важное, рекомендуется говорить шепотом под звуки приятной музыки. Может быть, им придется изучить язык глухонемых.

По мнению американцев, не менее трех французских компаний достигли их уровня в области электронного шпионажа. Можно надеяться, что «общий рынок» электронного шпионажа не за горами.

Наряду с электронным шпионажем существует шпионаж фотографический, который необыкновенно усовершенствовался. Благодаря телескопам можно делать чрезвычайно детальные снимки на расстоянии из автомобилей, с грузовиков, из автобусов и вертолетов. Другие методы позволяют восстанавливать то, что было напечатано на пишущей машинке, путем весьма сложной обработки использованной ленты. Известно несколько случаев, в частности, в Англии, когда шпионы выдавали себя за механиков, брали для ремонта пишущие машинки в фирмах и заменяли их другими той же марки. Они получали, таким образом, благодаря лентам конфиденциальные сведения, которые, вероятно, не могли бы получить иным путем.

Немецкая компания «Мерседес» считает, что она потеряла 3 млн. франков вследствие преждевременной публикации фотоснимков новой модели. Часть этих фотоснимков, предназначавшихся для будущей рекламы, была украдена в правлении компании. Другие

фотоснимки, совершенно новые, были, видимо, сделаны на большом расстоянии. В результате публикации этих фотоснимков накануне открытия автомобильной выставки во Франкфурте-на-Майне, где должна была быть выставлена новая модель, были аннулированы тысячи заказов на старую модель, и в результате компания потерпела значительный убыток.

Во время показа мод в Париже была приглашена полиция, чтобы задержать одну посетительницу. Ее попросили снять обувь: в каблуке у нее была мощная фотокамера. Другую посетительницу попросили уйти, потому что она открыла окно и отдернула шторы. Она утверждала, что ей нужен был воздух, однако фотограф мог бы свободно снимать из какого-нибудь окна с помощью телеобъектива. Известны дома моделей, в окна которых вставлено стекло, пропускающее свет, но не прозрачное.

Самые разнообразные микроскопические фотоаппараты были найдены у шпионов и шпионок, и порой их показывают на организованных полицией выставках. Фотоаппараты находят в ювелирных украшениях, в замках, в бумажниках и даже в орденах и медалях! Теперь на промышленных предприятиях и в домах моделей остерегаются посетителей, которые носят крупные и необычные ордена. Однажды конфисковали кинокамеру небольшого формата, работавшую на одномиллиметровой пленке.

В 1968 году появился новый вид промышленного шпионажа, объектом которого были не предметы, не секреты, хранимые человеком, а информация, содержащаяся в электронно-вычислительных машинах.

В начале этой книги мы уже приводили сообщение агентства Франс Пресс из Лондона от 27 апреля 1968 г., которое было на следующий день воспроизведено в газете «Монд». Комментируя это сообщение, газета «Санди таймс» 28 апреля объясняла, что задача полиции и органов правосудия стала весьма затруднительной вследствие отсутствия четких законов о промышленном шпионаже в Англии, а главное вследствие особого характера дела, когда ничего физического, ничего осязаемого не было украдено. Как видно из сообщения «Санди таймс», благодаря украденной информации можно было воспроизвести не только то, что было записано в памяти электронно-вычислительной машины, но также схемы и методы весьма сложных анализов, позволяющие использовать эту информацию. Стоимость этой неосязаемой информации соответствует стоимости труда высококвалифицированного инженера в течение 300 лет. Несомненно, будет очень интересно проследить за этим делом.

Для предотвращения других краж подобного рода фирма «Сентр-Файл лимитед» хранит информацию, принадлежащую деловым кругам, в запоминающем устройстве электронно-вычислительной машины марки «ИБМ», которая стоила 42 млн. новых франков и которая весьма серьезно защищена. Ее клиенты — это 250 биржевых маклеров, и информация, касающаяся одного из них, может быть получена только при помощи секретного электронного кода. Английская пресса отмечала, что человек, получивший доступ примерно к сорока схемам этой электронно-вычислительной машины, мог бы свободно манипулировать лондонской биржей. Лондонские газеты воспроизвели также исполненное юмора интервью президента «Сентр-Файл лимитед» Алэстэра де Ваттевиля, который, в частности, заметил: «Нанимая служащих, мы стараемся не впустить в компанию людей, враждебно относящихся к капиталистической системе».

Более подробно об этом можно прочитать в статье Дэвида Фишлока в журнале «Нью сайентист», где было изложено все, что официально разрешено знать об этой необычайной электронной памяти. Возможно, когда-нибудь будет найден способ читать на расстоянии запоминающие устройства электронно-вычислительных машин посредством своего рода проникающего радиолокатора. Эта идея вызывает беспокойство. Однако ее нельзя априори отвергать. Уже известны примеры, когда к пишущим машинкам, печатавшим информацию для электронно-вычислительных машин, подключались отводные шнуры, приводившие в действие другую машинку, находившуюся порой на значительном расстоянии.

Электронно-вычислительная машина, конечно, неподкупна, но, несмотря на это, содержащуюся в ней информацию надо защищать, и порой более тщательно, чем информацию, доверенную людям. Принято считать, что центральные электронно-вычислительные машины налоговых учреждений и банков во всех странах отлично защищены от всякой утечки информации. Я опасаюсь, что в действительности дело обстоит не так. Несомненно, однако, что если бы утечка информации, например, из центральной электронно-вычислительной машины американского налогового управления произошла только один раз, то и этого хватило бы шпионам, чтобы шантажировать миллионы промышленников, торговцев и деловых людей.

Можно защитить документы от тайного фотографирования при помощи невидимых пятен красителя, который чернит или изменяет цвет, если документ вынут тайком из папки. Но, насколько мне известно, нет метода, позволяющего установить, пользовался ли кто-либо информацией, содержащейся в запоминающем устройстве, если завершить использование соответствующим сигналом, который стирает его след. Это серьезный довод против создания системы электронно-вычислительных машин, покрывающей всю страну и сходящейся в центральной электронно-вычислительной машине. Разумеется, такого рода система имеет преимущества, и она, вероятно, когда-либо будет создана. Нужно надеяться, что будут приняты чрезвычайные меры для охраны этой системы от использования ее без разрешения. Возможно, это позволит привлекать к ответственности шпионов. Было бы желательно, чтобы такие же законы были приняты в Европе. Кстати, все это требует расширения объема знаний, которыми должен обладать шпион. Он и прежде должен был быть специалистом в электронике и фотографии, а теперь он обязан также знать и методы работы на электронно-вычислительных машинах. Надо надеяться, что некоторые шпионы, имеющие такой научный багаж, заметят, что им гораздо легче обеспечить свое существование честным путем и с меньшим риском.

Утечка информации из машин, ее собирающих, является более опасной, чем кража информации из электронно-вычислительных машин. Эти машины, которые я предложил бы назвать «информаторами», представляют собой фотографические или магнитные устройства, содержащие документы, научные доклады, тексты патентов, политическую или полицейскую документацию. Эту документацию затем получают, задавая машине определенную задачу: например, выдать фотокопии или магнитные ленты, относящиеся к культуре фасоли в Югославии с применением азотно-фосфорных удобрений, или выдать сведения о всех преступниках, соответствующих определенному портрету-роботу. Ясно, что в том случае, если одна из копий кодов или записей этой машины попадет в руки конкурента или противника, последствия такой утечки информации могут быть чрезвычайно серьезными.

Кража информации, разумеется, не единственный вид деятельности шпионов. В последние годы отмечались кражи прототипов новой электронной трубки, образцов стекла, макетов самолетов и даже культур микробов! Так, кража культуры микробов из фирмы «Америкэн цианамид корпорейшн» причинила ей убытки, исчисляемые в 650 млн. франков. На суде выяснилось, что украденные в США сведения были перевезены в Италию в поддельных сигарах, внутри которых было сделано углубление Для микрофильмов. После получения этой культуры один из шпионов спрятал ее в своем холодильнике в ожидании, пока она будет продана.

В связи с делами подобного рода происходили не только кражи, но и убийства. Эти убийства — некоторые из них произошли во Франции — приписывают международной организации промышленного шпионажа «Спайз инкорпорейтед». Все это кажется весьма романтичным, но действительность превосходит порой детективные романы. Что касается «Спайз инкорпорейтед», то английская газета «Пипл» 29 сентября 1963 г. писала, что эта сугубо засекреченная компания работает не только на промышленников, но и на различных гангстеров: квартирных воров, грабителей и т. д. Она дает организованным бандам,

орудующим в Англии, сведения, позволяющие воровать крупные суммы, в некоторых случаях — до 1400 тыс. новых франков в неделю. За деньги она устраивает побеги из тюрем: чисто английская специальность, поскольку преступники и шпионы убегают из тюрем с такой ловкостью, что нельзя исключить предположения о существовании организации, выполняющей подобные задания. В романах часто говорится о таких обществах, как, например, общество «Спектр», которое упоминается в романах о Джеймсе Бонде. Но действительность не отстает от фантастики.

Можно было бы рассказать и о крупных организациях промышленного шпионажа в Швейцарии. У меня никогда не было подробных и убедительных доказательств существования швейцарских организаций, включающих группы «действия», способные организовать покушения И убийства. Дельцы швейцарских организаций, с деятельностью которых я знаком, мало похожи на героев романа.

Видимо, рекордная кража была совершена из одной фирмы по производству красок близ Лондона, где 150 кг документов были украдены за одну ночь. Преступники так и не были обнаружены. Документы были столь разнообразны, что не удалось установить, что могло интересовать воров. Газеты в то время писали, что были похищены документы, относящиеся к новому исключительно жаропрочному лаку, пригодному для использования в авиационной промышленности.

Иногда случались кражи довольно странных вещей. В лондонской фирме «Топпер лимитед» был украден список лиц, купивших парики. Вероятно, это сделала зловещая международная организация, состоящая исключительно из лысых бандитов. В Лондоне был украден колокол! Вскоре была учреждена новая компания по производству колоколов, а до кражи их было всего две в Англии. В течение нескольких веков отливка колоколов была, по-видимому, семейным секретом. Совсем недавно у компании «Уэкфилд шорт компани» украли секрет производства совершенно немнущихся рубашек. Компания заявила: «Это дело рук шпионов». У компании «Миннесота майнинг энд манюфэкчюринг» был похищен секрет производства виски. Похититель, агент конкурирующей фирмы, был найден, и люди, прибегавшие к его услугам, были привлечены к ответственности. Компания получила значительную денежную сумму в возмещение понесенных ею убытков.

В компании «Дюпон де Немур» были украдены чертежи машин для вытягивания найлонового волокна. Ввиду военного значения этой компании разыскивать вора было поручено военной полиции. Но вора задержали не «неподкупные». Он сам себя разоблачил, явившись предлагать чертежи, образцы и детали конкурирующей фирме за скромную сумму 15 млн. франков. Эта фирма тотчас известила об этом «Дюпон де Немур» — вор был арестован. Говорят, что все документы, образцы и предметы, которые ему удалось вынести из одной лаборатории, впрочем строго охраняемой, стоили этой суммы и она примерно соответствовала расходам, произведенным компанией «Дюпон де Немур» в течение ряда лет для разработки метода.

Помимо информации о кражах сообщают также о появлении шпионов, которые ограничиваются тем, что составляют подробные планы заводов и продают их затем другим шпионам… Это случалось, в частности, во Франции, Швейцарии, Западной Германии. Как видно, существует спрос на такие подробные планы. Довольно часто крадут и подделывают ключи от сейфов. Как правило, рекомендуется не хранить в одном месте все ключи от сейфов компании. Мы вернёмся к этому в главе о промышленной контрразведке. Впрочем, фирмы, поставляющие сейфы, производят регулярные проверки и могут установить, был ли подделан ключ или снят отпечаток с замка.

Бывает, особенно в США, что крадут автомобиль промышленника или дельца. Затем его очень легко находят. Цель воров состояла лишь в установке микрофона, передающего по радио на расстояние все, что говорится в автомобиле.

Отмечаются также случаи краж рабочих халатов и комбинезонов: анализ собранной пыли может дать точные сведения о том, что делается в какой-либо лаборатории или секретном цехе.

Кажется невероятным, но, однако, случалось, что происходили хищения прототипов гражданских и военных самолетов. Они так и не были найдены, что кажется еще более невероятным.

Наконец, в обществах по охране безопасности, то есть промышленной контрразведке, пропадали порой целые папки с документами: воры, вероятно, хотели ознакомиться с методами своих противников. Последним пришлось принять чрезвычайные меры предосторожности, о которых мы расскажем в последней главе.

10 ГЛАВА

ПРОМЫШЛЕННЫЙ ШПИОНАЖ В НАШИ ДНИ

Я никогда не встречался с таинственным патроном «Спайз инкорпорейтед», о чем сожалею, ибо встреча была бы очень полезна для моей книги. Но я принял в том самом кабинете, где была написана эта книга, таинственного доктора С. Ариеса, который слывет промышленным шпионом номер 1.

Ариес заявил, что он абсолютно невиновен. На него заведены судебные дела, и я совершенно не в состоянии полностью воспроизвести здесь результаты всех следствий. Попытаюсь изложить дело, соблюдая максимум беспристрастности.

Доктор Ариес, ставший американским гражданином с 1950 года, а прежде имевший французское гражданство, бесспорно, является видным химиком. По утверждению трех крупных американских компаний — «Мэрк энд компани», «Ром энд Хасс компани» и «Спраг электрик компани», доктор Ариес через посредство сети замечательно организованных шпионов извлек из секретных досье и сейфов этих компаний документы и образцы чрезвычайной важности, в частности о культуре микроорганизма, излечивающего некоторые болезни домашней птицы. Эт культура стоит сущий «пустяк» — всего, как говоря сотню миллионов новых франков; кстати, именно на эту сумму и предъявлен иск Ариесу. Он же утверждает, чт секрет был украден у него, что свидетели лгут, и предъявляет своим противникам иск на такую же сумму.

27 апреля 1964 г. федеральный суд Хартфорда, штат Коннектикут, вынес решение о взыскании с доктора Ариеса суммы в 125 млн. французских франков в возмещение убытков. Он уехал в Швейцарию. Полиция попыталас задержать его, и он переехал из Швейцарии во Францию где, насколько мне известно, он не подвергался преследованию. Ариес подал жалобу, а главное, в сорока странах он сделал заявки на получение патентов на изобретения в области химии и электроники, претендуя на их авторство, хотя его противники утверждают, что они были и вестны до заявок Ариеса.

На это Ариес отвечает: «Если у них есть в папках эти документы и разработки этих изобретений, это значи что они украли их у меня!» Этот человек кажется чрезвычайно умным и совершенно искренним. Внешне обстоятельства как будто против него. Не обманчива ли эта внешняя видимость? Трудно сказать. Если Ариес невиновен, все это представляет собой один из наиболее замечательных примеров заговора, лжесвидетельств интриг с целью обвинить невиновного.

В то время, когда писалась эта книга, росло число судебных процессов по делу Ариеса: чередовались обвинения и контробвинения. В 1966 году доктор Ариес был приговорен в Женеве (заочно) к двум с половиной годам тюрьмы, запрещению проживать в Швейцарии в течение 10 лет и к штрафу в сумме 225 тыс. франков в пользу одной швейцарской компании, а также к уплате судебных издержек.

Однако обстоятельства могут измениться, и ничто доказывает, что он не возьмет когда-либо реванш. В конце концов, это первоклассный ученый, имеющий диплом Миннесотского и Йельского университетов и Бруклинского политехнического института. Во всяком случае можно сказать, что специалист такой квалификации был бы, конечно, очень хорошим руководителем сети промышленного шпионажа и что крупные руководители промышленного шпионажа должны быть людьми примерно такого уровня, и, вероятно, они такими и являются.

Впрочем, я совершенно не склонен навлекать на себя обвинения в диффамации ни со стороны доктора Ариеса, ни со стороны его противников. Пусть уж разбираются суды Франции, Швейцарии, США. Я же не буду больше на этом задерживаться.

Не так давно среди промышленников была распространена брошюра, озаглавленная «Шпионаж — вот реальность». О промышленном шпионаже в этой брошюре говорится следующее: «Общественность думает еще, что промышленный шпионаж преследует главным образом военные цели. Эта концепция была ошибочной уже накануне последней войны. В настоящее время она в корне неверна. Современного шпиона интересует информация, безграничная по своему диапазону. В действительности все слагаемые потенциала какой-либо нации могут стать целью осведомительной службы, так как они позволяют ей, с одной стороны, оценивать могущество государства на случай войны, а с другой — извлекать без больших издержек пользу из его научных достижений. Агенту приходится действовать, очевидно, только там, где эти сведения не могут быть получены обычным и законным путем: в западных демократиях условия для этого весьма благоприятны, и очень интересные сведения порой можно получать совершенно законным путем. Агент будет интересоваться в первую очередь теми отраслями науки, которые в стране, на которую он работает, отстают. Следовательно, шпионаж будет находить широкое поле применения в области науки, техники, вообще экономики».

И далее: «Лица, работающие в научных или других организациях, не в одинаковой степени интересуют разведывательные службы, внимание которых направлено в первую очередь на тех, кто может иметь доступ к желанным сведениям. К таким людям относятся персонал дирекции, служащие, которым поручена обобщающая деятельность или воспроизведение чертежей. Особенно полезны могут быть программисты и работники, имеющие дело с документами. Проще всего агенту разведывательной службы обращаться, естественно, к своим согражданам, работающим на том или ином объекте. Впрочем, наибольшие «шансы подхода» имеются по отношению к гидам, переводчикам, к рекламным агентам и вообще ко всем лицам, которые в силу своих служебных обязанностей должны встречаться с иностранцами.

Но изучение научных объектов может быть поручено также агентам, которые не занимают там никаких должностей. Некоторые высокоспециализированные техники могут, таким образом, вести в своей отрасли постоянную разведывательную работу, другим могут быть поручены просто отдельные задания в связи с международными конгрессами, стажировками или посещениями заводов».

И в заключение приведем следующую весьма интересную цитату о методах шпионов, будь то промышленных или военных: «Часы, время действия, наивные или мефистофелевские средства, роль, внешний вид действующих лиц — все меняется по произволу полиморфизма, достойного античного мифа, чтобы превращать шпиона в существо неуловимое. Примеры,

приводимые в этой брошюре, конечно, не могут повторяться. Методы, пригодные сегодня, завтра уже не будут таковыми; приемы, оказавшиеся успешными в одной стране, могут привести к тяжелым провалам в другой. Каждая разведывательная служба непременно должна для сохранения своей сети и создания новых применять все новые и новые средства, благодаря которым можно застигать противника врасплох. Если бы все шпионы имели одинаковое прикрытие и применяли одинаковые стандартные методы, контрразведка была бы детской игрой. Фактически каждое дело представляет собой особый случай.

Постоянная забота о безопасности требует, конечно, некоторых твердых правил, но деятельность разведывательной службы — это больше, чем наука; это — искусство, которое бросает вызов целой системе и которое столь же непостоянно и изменчиво, как ум человека. Поэтому для защиты от постоянных попыток проникновения противника необходимо активное содействие всех, кто так или иначе участвует в различных областях национальной деятельности, в частности в военной и научной. Информирование общественности в столь деликатном деле должно состоять прежде всего в разъяснении того, насколько эта проблема серьезна и трудноразрешима. Затем необходимо ознакомить с методами сохранения тайны наибольшее число тех людей, которые занимают ответственные посты, чтобы поддерживать у этих людей неусыпную бдительность и необходимые рефлексы осторожности.

Никогда не следует пренебрегать секретностью и конфиденциальностью. Они служат щитом стыдливости девушки накануне помолвки, поддерживают репутацию университета, оберегающего интеллектуальную и моральную честность формируемой им элиты, а также охраняют производственные секреты, обеспечивающие славу той или иной лаборатории, того или иного завода. Когда речь идет о государственных секретах, под угрозой может оказаться сама судьба нации, ее процветание, ее могущество, ее жизнь».

Таким образом, шпионы угрожают промышленности, армии и политической среде, а может быть, и чему-то большему.

Мы привели некоторые примеры и некоторые общие идеи. Попытаемся теперь составить типологию промышленного шпиона. Прежде всего есть «продавцы», коммивояжеры шпионажа, которые предлагают вести промышленный шпионаж либо иностранным правительствам, либо конкурирующим промышленным компаниям. Я никогда не встречал «продавцов», но промышленники, к которым они являлись, описывали их мне. Они похожи на любого предпринимателя и, как правило, устанавливают контакт через знакомых и устраиваются так, чтобы нельзя было записать их разговор. Есть две подпольные школы «продавцов» промышленных секретов: одна — в Японии, другая — в Швейцарии. К сожалению, я не могу сообщить их адреса — меня просили не разглашать их.

Если бы все компании, получившие предложения от «продавцов», тотчас предупреждали полицию, как это бывало в некоторых случаях! Но такие благородные поступки являются, скорее, исключением, а не правилом.

Наиболее знаменитым делом о промышленном шпионаже, которое, между прочим, было прекращено, был процесс фирмы «Мерк» в Англии в 1962 году. Фармацевтическая фирма «Мерк» израсходовала примерно 14 млн. франков, чтобы разработать новый препарат «альдомег», снижающий артериальное давление. Конкурирующей фирме «Парк Дэвис» была предложена полная документация, но фирма тотчас честно предупредила «Мерк». Представители «Мерк», которые были готовы заплатить до миллиона франков, чтобы вернуть свои собственные секреты, явились, так же как и агенты Скотланд-ярда, в гостиницу «Рассел» в Лондоне, где таинственный «продавец» назначил им свидание. Его немедленно арестовали Им оказался бывший служащий компании «Мерк», уволенный за чрезмерные прогулы. Он был приговорен к шестимесячному тюремному заключению. Он не входил в какую-либо гангстерскую шайку, вследствие чего я на его примере не могу показать портрет «продавца». Над «продавцами» стоят «головы» промышленного шпионажа. Как правило, это

инженеры высокой квалификации, но зачастую озлобленные люди, дожившие до 60 лет, с очень небольшим достатком, получающие ничтожную пенсию. Они, правильно или неправильно, считают, что капиталистическое общество украло у них большую часть плодов их труда.

Я не собираюсь судить капиталистическое общество и вообще высказывать какое-либо моральное осуждение чего бы то ни было. Будучи в прошлом экспертом по судебным делам, я зачастую убеждался, что закон бывает несправедлив, что открытия служащих принадлежат работодателям, а труд научного работника в лаборатории оплачивается часто хуже, чем труд домашней работницы. Поэтому можно понять, если не оправдать, тех людей, которые справедливо считают, что легче нажить состояние посредством промышленного шпионажа, чем занимаясь обычным трудом. Нет сомнения, что если бы поощрялись небольшие независимые научно-исследовательские лаборатории, то было бы меньше инженеров, становящихся «головами» промышленного шпионажа. Но факты остаются фактами, и настоящая работа является информационной книгой, а не книгой, пропагандирующей какую-либо революцию. Отмечу лишь, что, согласно информации из американского источника, бюджет мафии в 1966 году составил 200 млрд. франков, то есть был больше американского военного бюджета за тот же год; этот бюджет частично был использован для промышленного шпионажа, а остальная часть предназначалась для торговли наркотиками, проституции и прочих подобных целей. Эти сведения были приведены в августе 1966 года во время четырехчасовой телевизионной передачи, организованной весьма серьезной американской телевизионной компанией.

Довольно понятно, хотя этого и нельзя оправдывать, что люди, которые всю свою жизнь подвергались эксплуатации, хотят получить свою долю пирога. Поэтому и находятся крупные специалисты промышленного шпионажа в респектабельных кабинетах в Швейцарии, Люксембурге или Монако. Они зарабатывают много денег и руководят предприятиями с различными капиталами и неопределенными уставами, выступая, как правило, в роли «консультантов». Если им предлагают нормальную работу, они отвечают, что слишком заняты. Они соглашаются порой разговаривать с журналистами и выступать по телевидению, что не всегда приносит хорошие результаты. Так, однажды молодой 20-летний англичанин Уильям Джозеф Даунэй, посмотрев телевизионную программу Би-Би-Си о промышленном шпионаже, тотчас решил стать шпионом. Если бы он решил стать просто гангстером, может быть, ему и не представился бы случай отличиться, но (увы!) он служил у фабриканта красок и в его ведении были контрольные часы. Это и погубило его. Ему удалось украсть 30 листов с формулами красок, карточки и блокноты. Он отправился предлагать их конкурирующей фирме, которая предупредила полицию. Его арестовали. Было установлено, что стоимость украденной им информации не превышала 30 франков, но он все же получил три месяца тюрьмы в назидание другим шпионам, и, вероятно, ему было трудно снова устроиться на работу. Мораль: не следует слишком заманчивыми телевизионными программами побуждать неквалифицированных людей становиться шпионами.

Молодой Даунэй не стал бы хорошим агентом; между тем именно агенты образуют самую важную часть армии промышленных шпионов. Чаще всего это наемники, работающие самостоятельно и рискующие гораздо меньше, чем военные шпионы. Можно считать, что в тех случаях, когда военный может получить либо 20 лет тюрьмы, либо пожизненное заключение, либо расстрел, либо рискует погибнуть в результате подстроенного несчастного случая, промышленный шпион может получить лишь шесть месяцев заключения, причем его работа оплачивается гораздо лучше. Мы увидим в последней главе, что законы пересматриваются, чтобы исправить такое положение. Промышленные шпионы — это еще более бессовестные авантюристы, чем военные шпионы. Они, не колеблясь, прибегают к шантажу, краже, порой и к убийству.

Благодаря довольно частым судебным процессам над промышленными шпионами их методы более известны, чем методы военных шпионов. Независимо от этих процессов, некоторые

ограбления и убийства, видимо, следует связывать с этим шпионажем. Так, 3 ноября 1966 г. в центре Лондона были ограблены помещения дома моделей «Хилари Флойд»: все новые модели подготовленной весенней коллекции были похищены. Все старые модели оказались нетронутыми. В кассе было несколько сот фунтов стерлингов — к ним не прикоснулись.

В 1965 году на одном австрийском каучуковом заводе были арестованы сразу пять шпионов. Выяснилось, что они действовали также и на сталелитейном заводе. После 10-дневного процесса при закрытых дверях они были приговорены к тюремному заключению на 18 месяцев. Это были не просто любители, а агенты разветвленной сети.

Кажется, что все чаще агентов промышленного шпионажа вербуют среди уголовных преступников, и в частности в США мафия поставляет их по заказу.

Во всяком случае, у них есть средства, и они могут, например, без конца за чужой счет летать на самолетах. Многие крупные американские компании рекомендовали своим администраторам и инженерам никогда не читать деловых бумаг в самолете, ибо мужчина или женщина в соседнем кресле может оказаться шпионом. Неизвестно, увеличилась ли в результате этой меры продажа полицейских романов на аэродромах.

Во многих случаях при ограблениях, сопровождавшихся кражей или фотографированием промышленных документов, видимо, действовали специалисты. Впрочем, возможно, что грабители были предварительно обучены профессиональными шпионами. Американский специалист по шпионажу и руководитель разведки генерала Макартура полковник Аллисон Инд говорит, что грабители, обученные в его школе, могут вскрыть любой сейф в среднем за десять секунд и максимум за четыре минуты. Что касается их профессора — аса американского преступного мира, — то он вскрыл в присутствии полковника Инда за двадцать минут сейф, весивший несколько тонн и имевший самый современный замок. Он использовал при этом только одно орудие — небольшую бечевку.

Если этот джентльмен работает в области промышленного шпионажа, не удивительно, что грабежи там удаются. Очень часто шпионы используют для своих экспедиций краденые автомобили; в этом случае всегда замечают, что устройства, предохраняющие от кражи, были нейтрализованы специалистами. Таких специалистов, конечно, дает преступный мир.

Один из представителей английских предпринимателей, Ричард Пауэлл, писал 13 декабря 1965 г. в газете «Таймс», что число шпионов увеличилось в огромных размерах за последние десять лет, в частности в области электроники и производства фотоаппаратов.

Преступный мир поставляет, конечно, совершенно особый тип шпиона и агента. Это гораздо более опасный агент, поскольку он обладает определенными техническими знаниями. Возможно, что некоторое число используемых таким образом агентов, после того как они работали для своего общества, решают заработать побольше и нанимаются в банду промышленного шпионажа. Даже некоторые управляющие фирмами становятся шпионами и продают их секреты соперникам.

Именно это произошло в 1965 году, когда стала известна одна из самых комических историй промышленного шпионажа: история с зубной пастой «Крест». Эта паста была разработана фирмой «Проктор энд Гэмбл». Один из молодых администраторов (точнее, молодой сотрудник дирекции) компании предложил компании «Колгейт — Палмолив» все детали производства пасты «Крест». Он просил за то, что стоило 5 млн. долл., 20 тыс. долл. Фирма «Колгейт» обратилась к «неподкупным», и полицейские взяли дело в свои руки. Свидание было назначено в туалете аэропорта Кеннеди. Агент ФБР вошел с деньгами в кабину туалета и услышал голос из-за перегородки:

— Здесь «Крест». Это вы, «Колгейт»?

— Это я, — ответил «неподкупный».

— Просуньте под перегородку ваши брюки с деньгами в кармане. Я передаю вам свои.

«Неподкупный» повиновался, доложив об этом по радио. И когда неизвестный вышел из туалета, к нему подошли мужчины с револьверами и сказали: «Федеральная полиция Соединенных Штатов! Именем американского правительства, руки вверх, снимите брюки, они будут изъяты как вещественное доказательство».

На допросе неизвестный сразу же признал, что он является сотрудником дирекции фирмы «Проктор энд Гэмбл». Так закончилась на время тайная война «белых зубов и свежего дыхания».

Среди агентов промышленного шпионажа встречается классический стереотип полицейского романа: нелегальный частный детектив, отчасти гангстер, отчасти шантажист. Некоторые шпионы такого рода сидят в тюрьме, другие все еще занимаются ремеслом частного детектива.

Есть также агенты другого типа; они ограничиваются тем, чш просто покупают «информацию». Циничное изречение: «у каждого человека своя цена» — особенно применимо к промышленному шпионажу. Если можно купить за 20 тыс. долл. документы, которые можно перепродать за 5 млн. долл., то ясно, что может остаться существенная прибыль. Естественно, нужно входить в какую-либо организацию и иметь хороших «продавцов». Нужно также иметь хороших специалистов, ибо достаточно внести некоторые изменения в формулу катализатора или схему радиолокационной установки, чтобы информация не стоила уже ни гроша. В этом-то и состоит величайшая трудность промышленного шпионажа, именно поэтому он должен прибегать к услугам хороших специалистов.

Среди агентов промышленного шпионажа насчитывается много нелегальных адвокатов. Их задача — показывать шпионам, как далеко они могут заходить, а поскольку в законодательстве многих стран имеются большие пробелы, ответ таков: очень далеко! Так, когда английский промышленник, оставивший в кабинете посетителя, вернувшись, застает его за фотографированием сверхсекретных документов или макетов, он не может решительно ничего поделать!

Нет никакого нарушения неприкосновенности жилища, а фотоаппарат и пленка принадлежат посетителю, и, согласно английским законам, пострадавший не может даже отобрать их. Наконец, если пострадавший занимается боксом и нокаутирует шпиона, то именно он и может быть привлечен к ответственности за побои и ранения.

По этой причине английские и в меньшей степени американские компании предпочитают принимать государственные заказы, что позволяет им пользоваться защитой контрразведки. 28 тыс. американских компаний, насчитывающих 3,5 млн. служащих, находятся в таком положении. Прошлое этих 3,5 млн. служащих было тщательно проверено полицией еще за девять месяцев до их рождения: положение незаконнорожденного в некоторых случаях служит предлогом для шантажистов, которые могут быть также шпионами.

У агентов есть «источники» — те, кто поставляет им информацию. Среди них, конечно, есть жертвы, вроде Девушки, о которой много писали английские газеты. Красивый парень пообещал ей жениться при условии, если она будет давать ему сведения об одном парижском доме моделей, в котором она работала порой в качестве манекенщицы. Он подарил ей автомобиль и выдал аванс в сумме 3 тыс. франков на расходы. В конце концов девушка изобличила его. Примененный ее соблазнителем метод довольно некрасив. Многие люди пострадали таким образом.

Есть также люди, которых можно купить. Их много. Говорят, что в США шпионы отыскивают инженеров и техников, которые селятся в богатых кварталах и живут не по средствам. Этим людям суждено стать жертвами. Получив деньги, они оказываются во власти шантажа, и тогда их можно эксплуатировать без конца.

Однако, по моим впечатлениям, самые лучшие источники промышленной информации — это не жертвы, не продажные специалисты, а болтуны.

Я не разглашу тайны, если скажу, что многие участники научных и технических конгрессов находят удовольствие в обследовании злачных мест города. Ни в коем случае я не собираюсь играть роль проповедника стыдливости и не стану бросать камень в специалистов, которые провели тяжелый трудовой день, например, объясняя посетителям достоинства пластических масс или частного самолета, который они показывают. Но у меня такое впечатление, что во время следующих за этим ночных развлечений они много говорят, и шпион, проникший в группу почетных гостей, показывающий им ночную жизнь Парижа, Стокгольма или Нью-Йорка, может собрать массу сведений.

В литературе о промышленном шпионаже описаны совершенно невероятные болтуны, в частности американцы, которые, стремясь произвести впечатление на собеседников, рассказывают, что они заключили контракты с американским министерством обороны и приводят подробности… Мы увидим в последней главе, какие меры предосторожности можно принять во избежание такой болтовни.

Можно было бы легко составить схемы организации сетей промышленного шпионажа, сосредоточив в центре «головы» и расположив вокруг них «продавцов», агентов, жертвы и другие различные источники информации. Довольно любопытно, что до сих пор организаций подобного рода официально было ликвидировано очень мало. Это объясняется, вероятно, тем, что их жертвы в восторге от того, что познакомились с ними, полагая когда-нибудь воспользоваться этим знакомством. Надо признать, что правительства поощряют промышленный шпионаж. Так, английское правительство купило по сниженным ценам для своей медицинской службы медикаменты, изготовленные в Италии на основании документов и образцов, похищенных в американских компаниях.

Пора, видимо, поставить вопрос: есть ли искренние шпионы, действующие из идеальных побуждений или великодушия?

Известны случаи, когда специалисты по своей инициативе и бесплатно сообщали промышленные секреты развивающимся странам, чтобы уменьшить там нищету и стереть следы колонизации. Впрочем, было предложено организовать всемирную систему бесплатного распространения технической информации в развивающихся странах.

Тем не менее случаи такого рода редки. Профсоюзы во всех странах защищают право каждого иметь свои собственные политические убеждения и протестуют — порой резко, но всегда справедливо — против увольнений по политическим мотивам. Но в целом шпион действует из корысти. Он работает потому, что это обеспечивает ему доход, и, по всей видимости, крупный. Впрочем, в последней главе мы увидим, что по крайней мере в США промышленная контрразведка также доходна. Единственным средством предотвращения шпионажа является, конечно, суд и наказание по закону. Мы живем уже не в те времена, когда частная полиция Круппа могла подвергать шпионов пыткам на месте и хоронить их трупы на территории завода. Именно поэтому следует точно определить пределы промышленного шпионажа. Как и в области военного шпионажа, 95 % промышленной информации может быть получено путем простого чтения прессы. Однажды во время суда над шпионом в Швейцарии обвиняемый, защищаясь, заявил, что вся его деятельность заключалась в том, что он вырезал статьи из газет и обобщал их. Тогда ему возразили: но почему же, прежде чем отправить ваши обобщения клиентам, вы прятали их в банках для

варенья, в которые были вложены металлические трубки с этими обобщениями? Шпион не ответил и был осужден. В действительности все же можно давать интересную промышленную информацию, не нарушая закона. Для этого надо много читать, иметь чутье, чтобы выуживать интересную информацию.

Можно получать еще более интересную информацию, если иметь доступ к секретным журналам, которые, видимо, существуют в США. Эти журналы представляют собой один из секретов нашей эпохи, наиболее тщательно охраняемых. Я никогда не видел их сам, но, по официальным сведениям, они существуют, и в одном объявлении, содержащем приглашение на работу научных работников, работающих в некоторых отраслях промышленности, обещается, что они смогут публиковать свои открытия в секретных журналах и обеспечить таким образом свой приоритет, которым гак дорожат ученые.

Впрочем, видимо, существуют научные и промышленные шпионы, выдающие себя за журналистов. В частности, журналистов, занимающихся автомобильной промышленностью, упрекают в том, что они действуют как шпионы и причиняют таким образом большой ущерб промышленности.

Журналисты стремятся информировать общественность, а не конкурирующие фирмы. Больше того, технические детали в научно-популярных статьях слишком общи, чтобы они могли действительно осведомлять конкурентов.

Тем не менее отметим, что интересы общественности и частной компании не всегда совпадают, и порой общественность имеет право получить некоторую информацию, которую частная фирма заинтересована скрыть.

11 ГЛАВА

ПРОМЫШЛЕННАЯ КОНТРРАЗВЕДКА

В этой книге мы показали опасность промышленного шпионажа. От него начинают энергично защищаться; в частности, американцы привлекают для этого сильных людей и могущественные организации. К числу сильных людей относится адвокат Уолтер Мэнсфилд. Этот бывший партизан, сражавшийся в рядах югославского движения Сопротивления во время второй мировой войны, ликвидировал банду, которая похищала фармацевтические секреты группы «Цианамид»; эта банда причинила группе убытки, составившие кругленькую сумму в 100 млн. долл., о чем мы уже рассказали в предыдущей главе.

В области безопасности и промышленной контрразведки следует особо отметить пять американских организаций: «Бранс», «Пинкертон», «Уэкенхат», «Глоб» и «Интерстейт».

«Пинкертон» — это, разумеется, классическое агентство, которое часто фигурирует в старой хронике или в учебниках истории.

Агентство «Уэкенхат» зарабатывает 20 млн. долл. в год. Оно имеет 22 отделения в США и 12 в Латинской Америке. У него имеется 2,5 млн. папок с документами, касающимися лиц, которым могут угрожать шпионы. В соответствии с правилами крупных детективов из полицейских романов агентство «Уэкенхат» подозревает всех; один из его директоров заявил в интервью, что «можно быть доктором наук и в то же время подлецом». 3,5 тыс. детективов работают в этом агентстве. 3 тыс. крупных американских фирм являются его постоянными клиентами. Многие агенты «Уэкенхата» не только доктора права, но и доктора естественных наук или дипломированные инженеры. Они, видимо, руководствуются правилом, что вора

может поймать только вор.

«Уэкенхат» — это реалистически настроенная организация, как и четыре другие крупные организации промышленной контрразведки в США. Зато организация «Норман Джэспен ассошиэйтес» настроена явно романтически и старается равняться на Джеймса Бонда. Директор «Норман Джэспен» столь же известен в кругах промышленной безопасности, как Эдгар Гувер среди «неподкупных». Напомним, что Эдгар Гувер являлся руководителем ФБР. По мнению Нормана Джэспена, тот, кто может украсть яйцо, может украсть и быка, а любой человек, который предает компанию, в которой работает, способен совершить растрату. По словам Джэспена, тот, кто продает секреты своего хозяина и крадет его деньги, способен совершить самое серьезное преступление: открыть за его счет свое предприятие. Миллионы долларов, таким образом, потеряны, пишет Джэспен, добавляя, что бывают специалисты, которые охотно саботируют развитие своих собственных исследований, чтобы их не принимали всерьез, затем уходят и открывают свое предприятие Джэспен придает большое значение притворству. Когда входишь в лифт делового высотного здания, помни, что лифтер может быть агентом Джэспена. Точно так же и портье в гостинице, женщина, которая развозит на столике с колесиками чай, и шофер такси. Более того, агенты Джэспена могут выдавать себя за экспертов-бухгалтеров. Читая документацию о Джэспене, я стал себя спрашивать: каким образом все это происходит в действительности, ведь все это не роман? Джэспен существует и даже имеет бюро в Манхэттене. Жалуются на то, что в нашем современном мире мало приключений. Почему бы не поступить в агентство Джэспена и не жить повседневно жизнью детективных романов? Путь к авантюре для каждого молодого человека ясен. Сначала надо отправиться в Лонг-Бич, в «Калифорниа Стейт колледж», где можно получить диплом промышленного контрразведчика, который равноценен научной степени. Впрочем, можно прослушать дополнительно лекции об охране универсальных магазинов, проведении обследований в связи с выдачей страховых полисов и кредитов, можно обучиться ремеслу частного телохранителя и ознакомиться с различными устройствами сигнализации тревоги.

В Англии есть «свое» общество контрразведки — группа «МИС». Эту организацию, вероятно, финансирует Интеллидженс сервис. Она расположилась в доме без номера, на улице без названия, на берегу реки Ли, в отдаленном предместье Лондона. Клиентов привозят и увозят в автомобиле, им было бы очень трудно самим снова найти туда дорогу. Если они заключают соглашение, то в дальнейшем поддерживают связь с «МИС» через почтовый ящик, который им указывают. Этой группой руководит Р. Б. Мэтьюз, хорошо известный в кругах секретных служб. «МИС» организует в большинстве английских промышленных городов семинары примерно для сорока руководящих работников, на которых запрещено представляться друг другу или называть свое имя в каком бы то ни было случае. Таким образом, английских промышленников держат в курсе проблем промышленной контрразведки. «МИС» стремится в большей степени предупреждать, нежели исправлять, обучать общим правилам безопасности, к которым мы еще вернемся, нежели производить сенсационные аресты. Мэтьюз был одним из руководителей английских служб безопасности и контрразведки во время событий на Кипре. Его помощник Джон Эллен присоединился к нему при обстоятельствах, о которых следует рассказать.

В 1966 году Эллен смотрел по телевидению выступление Мэтьюза. Последний, разумеется, поворачивался спиной к камере: очень немногие люди видели его лицо, а его фотографию можно найти только в архивах секретных служб. Но Джон Эллен узнал его по голосу: он слышал, как этот голос отдавал распоряжения по подпольному радио в Бирме во время войны. Как у всякого хорошего детектива, у Джона Эллена отличная память.

После встречи они стали работать вместе. Работают они тщательно, не упуская ни малейшей детали. Они охотно рассказывают о случае с одним директором завода, который дал привратнику связку ключей, сказав: «Подайте мой автомобиль». На связке был также ключ от сверхсекретного сейфа, с которого привратник снял слепок. Остерегаться и не упускать из

виду мелочей — таковы основы ремесла детектива.

Разумеется, Франция не отстает от других и имеет, по крайней мере, одну организацию промышленной контрразведки. Публика могла узнать о ней в 1967 году из краткой, несколько загадочной заметки в журнале «Антреприз»: «Впервые во Франции «консультанты по безопасности» предлагают свои услуги предприятиям».

С разрешения заинтересованных лиц скажу, что французская организация промышленной контрразведки называется «ПСИ». Могу добавить, что ею руководит полковник Барраль, бывший сотрудник французских секретных служб. Полковник Барраль сделал мне заявление, которое я приведу полностью:

«Проблемы безопасности имеют то общее с большинством проблем, возникающих на предприятии, что их надлежит ставить на уровне той власти, которая может их разрешить.

Неэффективность систем безопасности многих французских предприятий, искренне убежденных, что они защищены от промышленного шпионажа, объясняется тем, что они не организовали защиту информации на надлежащем уровне. Люди, отвечающие за безопасность, часто плохо подготовлены или совсем не подготовлены к такой работе, изолированы от важных служб, деятельность которых им неизвестна, являются в глазах персонала полицейскими, а в глазах дирекции — бременем, хотя их работа плохо оплачивается. В конце концов они мирятся с этим подчиненным положением, и тогда их работа ограничивается некоторыми поверхностными обследованиями или составлением памятных заметок, с которыми никто не считается. Находясь в таком второстепенном положении, они, как правило, последними узнают об утечках информации, если вообще узнают о них.

Никогда не имея возможности проанализировать положение с информацией на предприятии, они не знакомы с путями ее следования и не располагают к тому же ни властью, ни средствами, а порой и техническими знаниями, необходимыми для предотвращения новых утечек.

Безопасность — новая наука, которую должны были бы изучить все директора. Это — новая функция в промышленности, и ею должны заниматься в правлении, а не в кабинете человека, которому поручено обследование, или начальника охраны».

8 ноября 1967 г. по моей просьбе Барраль выступил с лекцией в «Клубе консервных ножей». Этот клуб объединяет молодых предпринимателей и руководящих работников, полагающих, что полезно время от времени вскрывать банку, в которой каждый из нас закупорился, и впускать туда немного свежего воздуха вместе со свежими идеями. Барраль привел несколько интересных примеров успешных действий промышленной контрразведки, в частности пример о защите автомобиля «Версаль», появление которого было совершенной неожиданностью. Это было достигнуто благодаря великолепной организации безопасности в рекламном агентстве «Томсон», чему оно обязано англичанину, бывшему сотруднику английской специальной службы. Напротив, менее удачной была защита автомобиля «Ариан». Шпионаж по-прежнему весьма активен в этой области.

Теперь я хотел бы от себя лично уточнить некоторые основные неизменные правила промышленной безопасности. Прежде всего следует помнить, что охрана безопасности — это такое ремесло, которое нельзя импровизировать. Неоднократно на страницах этой книги встречались слова «промышленная контрразведка». Я прекрасно понимаю, что это — упрощение; безопасность — это лишь часть контрразведки, ибо главная задача последней — обманывать вражеских шпионов так, чтобы они посылали своим шефам неверные сведения. Этому вопросу посвящена замечательная книга Пьера Нора «Мои товарищи погибли». Подобно врачу, специалист по безопасности должен учиться на практике, и это относится к

большинству руководителей органов промышленной безопасности. Тем не менее можно все же сформулировать несколько общих правил. Длительные беседы с полковником Барралем, интервью, которые я получал у английских, американских и немецких специалистов по вопросам безопасности, а также мой собственный опыт эксперта по судебным делам о подделках и промышленном шпионаже позволяют мне сделать следующие выводы: прежде всего задача руководителя органа промышленной безопасности состоит не в том, чтобы арестовывать шпионов, так же как специалист по борьбе с огнем не должен только гасить пожары. В обоих случаях действия имеют превентивный характер. Специалист по борьбе с огнем оборудует все помещения так, чтобы пожар не мог возникнуть. Специалист по вопросам промышленной безопасности организует движение информации так, чтобы не было ее утечки. Что он делает? Прежде всего выделяет секретную информацию из всей остальной. Чаще всего считается секретной или конфиденциальной информация, лишенная всякого интереса (возможно, уместно сказать, что я получил однажды от французской совершенно секретной организации пакет, на котором были сразу три штампа: «секретно», «конфиденциально» и «подлежит распространению»).

При таком отборе обнаруживается, что имеется очень мало действительно секретной информации, которая заслуживает самого осторожного обращения с ней. Как только эта информация выделена, следует организовать ее движение так, чтобы о ней знало минимальное число людей. Старая французская поговорка, которую приписывают кардиналу Мазарини, гласит: «То, что известно троим, будет известно всему свету».

Проявляя несколько больше оптимизма, можно полагать, что то, что известно пятерым, еще можно сохранять в тайне, а дальше уж наверняка произойдет утечка. Следовательно, нужно очень строго ограничивать число лиц, допускаемых к секретам. Это вполне возможно, если исходить из следующего правила: всякий раз, когда вы хотите сделать кому-либо доверительное сообщение, следует спросить себя: «А нужно ли ему знать?» И тогда вы заметите, что можно ограничить движение секретной информации лишь циркуляцией ее между очень небольшим числом лиц. Это возможно даже при весьма сложных операциях, в которых, как правило, участвуют многие люди.

Когда определен канал, по которому направляется секретная информация, нетрудно обеспечить соответствующую охрану всего этого канала. Так, например, можно снабдить все документы невидимой чувствительной сеткой, которая покажет, были ли они сфотографированы. Это позволяет маскировать движение информации, не прибегая к грифам «секретно» и к печатям на пакетах.

Впрочем, в некоторых случаях полезно запрещать лицам, не имеющим на то специального разрешения, доступ в помещения, кабинеты, к сейфам и даже в целые отделения предприятия, независимо от того, хранятся там секреты или нет. Необходимо также предусмотреть охрану секретной информации во время ее пересылки. Именно в это время информация наиболее уязвима. Совершенно необходимо иметь точное представление, насколько это возможно, о движении секретной информации. Если произойдет утечка, будет довольно легко установить виновника.

Не следует также забывать и о других простых мерах предосторожности. Необходимо, например, точно учитывать число копий, снятых с секретного документа. Может быть, следует иметь копировальную машину, снабженную не только счетчиком, но и ключом, который приводил бы ее в действие. Необходимо составить совершенно секретный перечень документов, которые надлежит сохранять. Желательно, чтобы в комнатах отдела, где используется секретная информация, работали несколько человек, что значительно уменьшает возможности агента запираться в кабинете и фотографировать, воспроизводить документы или делать заметки.

Другое простое средство, которым часто пренебрегают, состоит в том, чтобы прилично

оплачивать служащих: это способ избавить их от искушения. С другой стороны, нужно очень внимательно относиться к посетителям, с виду совершенно обычным: к работникам ремонтной службы и обслуживания, связистам, электромонтерам, слесарям и т. д. Совершенно необходима проверка их документов. В первую очередь надо, за очень редкими исключениями, запретить им доступ в помещения, откуда исходит секретная информация.

Не раз можно было слышать в Англии (в палате лордов или в палате общин), как некоторые английские профсоюзы обвиняли в том, что к ним пробрались коммунисты, что они служат целям промышленного шпионажа или подрывных действий восточных стран. У меня никогда не было доказательств обоснованности таких обвинений. Тем не менее электромонтер или связист, явившийся починить телефон и имеющий надлежащие документы, вполне может оказаться шпионом. Поэтому по мере возможности следует не допускать его в закрытые помещения, а уж если это необходимо, то не оставлять его там одного. В отдельных случаях, особенно когда это касается руководителей промышленных или иных предприятий, деятельность которых весьма разносторонняя или у которых нет времени соблюдать меры предосторожности, рекомендуется назначать служащего, отвечающего за безопасность. Он должен уничтожать копировальную бумагу, ленту с пишущей машинки, сжигать черновики, убирать в сейф секретные бумаги. Заработная плата такого служащего невелика в сравнении с тем, во что может обойтись похищение действительно важного секрета. Зато нет такого метода, который позволил бы предупредить правление о действиях шпиона на его предприятии. Чаще всего об этом узнают по сокращению прибылей. Затем узнают подробности: конкурент выпустил продукцию раньше изобретателя или одновременно с ним, но гораздо дешевле; в другой стране публикуются данные секретных исследований; конкурент или представляющее его подставное лицо берут патенты. Вот тогда необходимы расходы на систему промышленной контрразведки. Размеры этих расходов заранее не могут быть определены. Согласно сведениям из некоторых американских источников, получение документации, защита от утечки и содержание в Вашингтоне представителя, сообщающего о возможных государственных заказах, — все это обходится в 160 тыс. франков в год; но такая сумма реальна только для компании средних масштабов. По другим источникам, за исчерпывающие сведения о крупном должностном лице, которое должно иметь доступ к секретной информации, платят 14 тыс. франков. Ясно, что если утечка информации, организованная этим должностным лицом, может нанести в дальнейшем ущерб порядка 10 млн. франков, то такой расход оправдан.

Случается, что промышленная контрразведка, как и военная, предпринимает наступателыце операции с целью обмануть противника, деморализовать его, говоря языком секретных служб. Расскажу об одной операции такого рода: автомобильная фирма, желая обмануть конкурентов, интересовавшихся прототипом гоночного автомобиля, организовала фиктивные испытания на Корсике. В то время как ее противники подсматривали с помощью телеобъектива эти испытания и фотографировали их, настоящие испытания были проведены в другом месте. Это, конечно, творческая работа и, вероятно, гораздо более интересная, чем обычная работа по охране безопасности. К сожалению, такое случается довольно редко. Поскольку многие промышленные работы теперь ведутся правительствами, они, в свою очередь, выходят на арену промъшленной контрразведки.

Правительства различных западных стран интересуются промышленным шпионажем, а главное — пытаются дополнить законы таким образом, чтобы за промышленный шпионаж карали так же, как за военный. Дальше всего в этом отношении пошли американцы, в частности штат Нью-Йорк, а американский закон о коммерческих взятках считается наиболее современным. Европейский совет в Страсбурге изучает возможность принятия различными европейскими парламентами аналогичных залконов в масштабах «общего рынка».

Промышленники, желающие пользоваться охраной, и организации, желающие обеспечивать эту охрану, склонны объединиться и создать общие организации. Такой организацией является Общество промышленной безопасности в США, число членов которого за

последние три года удвоилось. В Англии были сняты фильмы об организации промышленной безопасности; они демонстрировались для инженерно-технических работников и директоров заводов или фирм. Публично демонстрировалось действие различных приборов для шпионажа. Эти демонстрации показали, в частности, что чаще всего достаточно занавесок на окнах или светопроницаемых, но непрозрачных стекол, чтобы фотосъемки с помощью телеобъектива были непригодными, так как получаемое изображение бывает слишком расплывчатым. В США на заводах или в компаниях систематически читают лекции о безопасности. Проблема, конечно, сложная. В принципе любая система безопасности, как и любая полиция, представляется необходимым злом, но не следует допускать, чтобы оно становилось обременительным. Надо объяснять, что эта система безопасности действует в общих интересах и что она ни в коем случае не помогает предпринимателям заранее выявлять подготовку забастовок или вести борьбу с ними. В США это разграничение проводится, видимо, удовлетворительно. Но не так обстоит дело в Европе. Даже для предпринимателей некоторые меры безопасности могут оказаться стеснительными, например когда специалист по безопасности предлагает отменить важный деловой завтрак в удобном ресторане и провести совещание на вершине какого-либо холма и под проливным дождем. Все это требует некоторой рекламы в пользу промышленной безопасности. Ею можно заниматься в каком-либо внутреннем издании фирмы. Именно так и поступила американская фирма «Проктор энд Гэмбл» в своем журнале «Мунбимс». Другие английские и американские общества издавали брошюры, объяснявшие необходимость обеспечения промышленной безопасности. На одной из таких брошюр была даже пометка: «Покажите этот текст вашей жене».

Если надо применить санкции за нарушение правил безопасности, то это должна делать дирекция, а не служба безопасности. Это один из принципов промышленной безопасности; к сожалению, о нем часто забывают, что снижает эффективность этой службы, которая по своему характеру должна оставаться тайной.

Даже во Франции начинают хорошо понимать важность и необходимость организованной службы промышленной безопасности. Недавние забастовки служат тому примером. Во время забастовки на заводах «Рено» журналистам было разрешено посетить завод в Бийянкуре. Их очень хорошо приняли, но не пустили в цехи, где находились секретные прототипы.

Один профсоюзный делегат весьма справедливо заметил: «Эти прототипы — наше богатство, и мы, рабочие «Рено», считаем своим долгом не допустить никакой утечки информации».

Это показывает, что можно продолжать обеспечивать охрану промышленных секретов так же, как обеспечивается охрана машин. В том и другом случае речь идет об орудиях труда, и, какова бы ни была система правления, теперь признано, что орудия труда являются собственностью общества. На Западе предпочитают вызвать инженера или рабочего, к которому могут проявлять особый интерес, и коротко разъяснить ему возможно более Дружественным тоном, чем это вызвано. Это разъяснение Должно охватывать следующие вопросы:

— характер и средства промышленного шпионажа;

— та часть работы, к которой могут проявлять особый интерес;

— имена товарищей, которые получили ту же информацию и с которыми, следовательно, можно говорить об этой особой проблеме, но больше ни с кем;

— правила безопасности: лучше прочесть эти правила вслух, а не раздавать печатный текст;

— серьезные последствия, которые могла бы иметь для предприятия утечка информации.

Англичане добиваются очень хороших успехов, но нельзя сказать, что дело так обстоит повсюду. В Западной Германии специалисты порой начинали заниматься промышленным шпионажем, выражая, таким образом, протест против чрезмерно жестких мер предосторожности, напоминавших им времена гестапо.

В США и в европейских странах, за исключением Англии, слишком непримиримое политическое поведение службы безопасности рискует оттолкнуть от нее тех, кого она призвана защищать. Разумеется, специалист по промышленной безопасности вправе иметь политические убеждения, но те, кого он охраняет, также обладают этим правом.

Не следует также забывать о естественной склонности любого хорошего инженера или техника сообщать, публиковать, говорить, интересоваться жизнью предприятия. Нельзя подавлять эти законные влечения, и порой очень трудно внушить научному работнику или специалисту, что ему незачем интересоваться тем, что происходит в соседней лаборатории или в соседнем цехе. Тут нужно придерживаться, хотя это и очень трудно, золотой середины.

Слишком сильная раздробленность информации мешает открытиям, но она совершенно необходима для сохранения секретов. В конечном счете лишь путем пропаганды на месте, путем «обучения» ученых и техников можно будет установить каналы движения секретной информации, достаточно короткие и четкие, позволяющие обеспечить ее охрану. Каналы движения коммерческой информации гораздо короче и более определенны. Так, например, если компания А хочет слиться с компанией Б, то уже одно название этой последней компании представляет собой секретную информацию. В таком случае можно, разумеется, ограничить доступ к этой информации и обмануть противника, публикуя в печати сведения, которые в дальнейшем будут опровергнуты, о том, что компания А будет сливаться с компанией В. Точно так же государственную экономическую информацию — девальвацию, государственные торговые сделки, программы строительства — в принципе было бы очень легко оберегать. Я говорю «в принципе», потому что во Франции, видимо, дело обстоит не так, в частности о девальвации все узнают заранее из печати и по радио, но только не от министра финансов…

В Англии бюджет имеет весьма важное значение для будущего компаний и частной жизни; если происходит утечка сведений до того, как о нем объявит министр финансов, это приводит к чрезвычайно серьезным последствиям. Поэтому виновников разглашения сведений решительно наказывают. В Англии также были случаи разглашения весьма серьезных сведений о таможенных тарифах еще до того, как они были утверждены и стали применяться.

В некоторых случаях, в частности в связи с преждевременной публикацией списка товаров, которые было запрещено вывозить в восточные страны, были приняты очень строгие меры наказания. Все западные страны стараются согласовывать свои действия, направленные против разглашения секретов в экономической и промышленной области, и в то же время добиться принятия однородных законов, позволяющих привлекать к ответственности виновных. В международной системе законов существуют довольно крупные «пробелы»: в частности, итальянский закон не охраняет изобретения в области промышленной фармацевтики и бактериологии. Украденный в этой области секрет можно использовать без всякого риска. Именно следствием этого обстоятельства было громкое дело, когда американские компании потерпели убыток порядка 500 млн. франков. После этого американцы приняли строжайшие меры предосторожности, и одна из фармацевтических лабораторий в штате Нью-Йорк постоянно окружена электрифицированной оградой в 2

м высотой, которую охраняют днем и ночью 50 полицейских. Разумеется, такую роскошь можно себе позволить, когда у тебя больше, чем 500 млн. франков. Это не помешало Италии в январе 1966 года, когда в США состоялся процесс, отказаться выдать троих обвиняемых. Этот процесс показал, что на исследования, результаты которых были похищены, было

израсходовано 30 млн. долл., но главный обвиняемый — человек, который готовил новые антибиотики и был источником информации для шпионов, зарабатывал всего 3,5 тыс. долл. в год. Шпионы заплатили ему 80 тыс. долл.; неизвестно, возникло ли бы это дело, если бы он получал подходящую заработную плату!

Тем не менее итальянское законодательство действительно следовало бы изменить, чтобы не вводить людей в искушение.

В Швеции создана организация безопасности, которой руководят представители правительства и крупных отраслей промышленности, в частности сталеплавильной и электронной. Эта организация тесно связана с органами правосудия и полицией, о ее создании было недавно объявлено шведским министром юстиции Клингом.

Во Франции дела о промышленном шпионаже разбирает палата государственной безопасности, а министр юстиции может приказать выслать шпионов даже в тех случаях, когда они пользуются дипломатической неприкосновенностью. В Японии полиция ведет энергичную борьбу против промышленного шпионажа, но это не мешает тому, что там существуют школы промышленного шпионажа и контрразведки. Говорят, что в Японии имеется 10 тыс. шпионов! Об этом распространяются настоящие легенды: будто одной из школ руководит очень красивая японка, похожая на героиню фильмов о Джеймсе Бонде, а другую возглавляет один из бывших японских послов. Мне не удалось проверить эти легенды, и я не ручаюсь за их достоверность.

Начинают уже обсуждать будущее промышленного шпионажа. Известный английский астроном Фред Хойл написал забавный роман, озаглавленный «Путешествие Оссиана», о том, как в недалеком будущем Ирландия станет величайшей промышленной державой мира. Тотчас ее наводнят массы шпионов. К сожалению, их научные и технические знания окажутся не на высоте их задачи, и английское правительство вынуждено будет привлечь первоклассного математика, выпускника крупного университета, и просить его, взывая к его патриотизму и любви к приключениям, отправиться к Ирландию для проведения обследования. Предвосхищение будущего? Едва ли. Очень скоро научные и технические секреты станут настолько сложными, что придется либо отказаться от промышленного шпионажа, либо просить заниматься им исключительно незаурядных людей! В ближайшем будущем, возможно, будет меньше шпионов, но они будут шпионами более высокого класса.

Читатель вправе сказать, что гораздо лучше было бы вовсе ликвидировать промышленный шпионаж. Полная его ликвидация представляется делом трудным, ибо невозможно ликвидировать конкуренцию как в международных, так и в национальных масштабах.

17 июня 1966 г. «Таймс» сообщила о памятной записке, направленной одним из директоров группы «Мерседес» доктором Ристером Федерации германских промышленников. Доктор Ристер предлагал ввести более суровые меры наказания за промышленный шпионаж.

Поскольку полная ликвидация промышленного шпионажа неосуществима, значение его весьма заметно уменьшилось бы, если бы изобретатели и новаторы извлекали больше выгод из своих трудов. В настоящее время специалист, разрабатывающий новый метод, новый продукт, новый препарат, чаще всего подвергается эксплуатации. Организаторы, руководители — называют ли их капиталистами или директорами лабораторий — продолжают присваивать себе плоды чужого труда. Таким образом создают недовольных, а этим недовольным хочется передать свои изобретения другим, даже если изобретениям надо пересечь для этого границу.

В момент, когда я заканчиваю эту книгу, во Франции много говорят об участии ученых в реализации их изобретений. Разве не было бы наиболее плодотворным участие для тех, кто изобретает и реализует изобретение, если бы они были действительно заинтересованы в

огромных прибылях предприятий, создаваемых зачастую на основе их труда?

Hachette 1969

Примечания

1

Jean Jacques

Servan-Schrelber , Le defi americain, P., 1967; «The American Challenge», L., 1968; Christopher Layton, European Advanced Technology. A Programme for Integration, L., 1969.

2

Рони Старший — псевдоним французского писателя Жозефа Бёкса. Его роман «Борьба за огонь», рассказывающий о жизни людей каменного века, написан в 1911 году. —

Прим. ред .

3

Ж. Жуанвиль (1224–1317 гг.) — французский писатель-историк. —

Прим. ред .

4

Реомюр (1683–1757 гг) — французский естествоиспытатель, известен как разносторонний исследователь. —

Прим. ред .

5

Термолюминесценция — новый метод определения возраста керамики, разработанный в Оксфордском университете. Доклад об этом методе был сделан директором археологической лаборатории Оксфордского университета доктором Эдвардом Холлом в первых числах марта 1968 года Он применяется к керамике в возрасте от 50 до 6000 лет. Метод основан на том, что электроны, излучаемые радиоактивными изотопами, содержащимися в сырье фарфора, находятся в скованном состоянии до тех пор, пока фарфор остается при обычной температуре, но освобождаются при его нагревании. Если вторично подогреть фриттованный фарфор, то появится люминесценция, и она тем интенсивнее, чем больше интервал между двумя подогревами.

Таким образом можно определять возраст фарфора с большой точностью, что позволяет исключить большинство подделок. Это избавит от таких скандалов, как покупка в 1921 году нью-йоркским Метрополитен-музеем статуи этрусского воина, оказавшейся подделкой. —

Прим. ред .

6

Англо-американская война 1812–1814 годов. —

Прим. ред .

7

Секретный отдел полиции, ведающий перлюстрацией. —

Прим. ред.

8

Сен-Жермен — живший в XVIII веке «таинственный граф», ловкий авантюрист, о котором распространено множество легенд. —

Прим. ред .

9

«Молли Магвайрс» — вымышленное буржуазной прессой название тайной организации, якобы действовавшей в районах угледобычи США в 60-х и 70-х годах XIX в. 10 руководителей профсоюзов угольной промышленности были казнены по обвинению в принадлежности к этой организации. —

Прим. ред .

10

Немецкий конструктор, практически использовавший принцип Бо-де-Роша. —

Прим. ред .

11

Базиль Захаров был одним из совладельцев английской фирмы «Виккерс». —

Прим. ред .

12

См. известный рассказ А. Конан Дойла «Чертежи Брюса-Партингтона». —

Прим. ред .

13

Армейское разведывательное управление. —

Прим. ред .